

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ЭДВАРД КУКРИДЖ

ЕВРОПА В ОГНЕ

Диверсии и шпионаж британских
спецслужб на оккупированных
территориях

Эдвард Кукридж

**Европа в огне. Диверсии
и шпионаж британских
спецслужб на оккупированных
территориях. 1940-1945**

«Центрполиграф»

Кукридж Э.

Европа в огне. Диверсии и шпионаж британских спецслужб на оккупированных территориях. 1940-1945 / Э. Кукридж — «Центрполиграф»,

Книга английского журналиста Эдварда Кукриджа посвящена истории созданной в 1940 году британской секретной спецслужбы. Организация агентурных сетей, обучение агентов, контакты с группами Сопротивления на территории Франции, Голландии, Дании, Норвегии и других европейских стран, диверсии, саботаж – вот далеко не полный перечень деятельности Управления специальных операций (SOE).

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
БРИТАНСКАЯ СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА	12
СЛУЧАЙ В ВЕНЛО	14
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА	17
ТАЙНЫЕ АРМИИ	21
Глава 2	22
КАК ДЕЛАЛИ АГЕНТА	25
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ	27
ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ СЛУЖИТЕЛЕЙ ПЛАЩА И ШПАГИ	30
НЕ УБИВАЙТЕ НЕМЦА	33
РАДИОСВЯЗЬ	35
В ПОЛЕ	37
НАУЧНЫЙ ПОДХОД К ПОДДЕЛКЕ ДОКУМЕНТОВ.	39
УЧЕНЫЕ НА СЛУЖБЕ SOE	
Глава 3	44
ФРАНЦУЗСКИЙ ОТДЕЛ	50
ОТДЕЛЕНИЕ БУКМАСТЕРА	54
РАЗНОГЛАСИЯ С ДЕ ГОЛЛЕМ	56
ОТДЕЛ РФ	59
КАК СТАНОВИЛИСЬ ФРАНЦУЗАМИ	61
ЛИЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ ПО РАДИО	64
ТРИ СЛЕПЫЕ ВЫБРОСКИ	65
Глава 4	69
СЕРЖАНТ ХУГО БЛЕЙХЕР	72
«КОШАТНИК»	74
СТРАННАЯ ВЕЧЕРИНКА	77
ТРИЖДЫ СЧАСТЛИВЧИК	80
Глава 5	83
ОЛИВ УРШАН	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Эдвард Кукридж

Европа в огне. Диверсии и шпионаж британских спецслужб на оккупированных территориях. 1940–1945

Предисловие

Один шпион в нужном месте стоит двадцати тысяч солдат на поле боя.

Наполеон Бонапарт

Война привлекательна для тех, кто ее не знает.

Эразм Роттердамский

Несколько лет назад я передал план этой книги спецслужбам Великобритании. Мне было сказано, что она никогда не увидит свет. При этом меня уведомили, что сведения, не подлежащие разглашению, защищены соответствующими законами. Несанкционированная публикация повлечет за собой серьезное наказание, вплоть до тюремного заключения, причем не только для автора, но и для лиц, предоставивших ему информацию и оказавших любое другое содействие. Мои друзья и коллеги по Управлению специальных операций (Special Operation Executive – SOE), так же как и я, во время войны давали подписку о неразглашении секретных сведений. Таким образом, проигнорировав это предупреждение, мы все, включая издателей и типографских работников, оказывались под нешуточной угрозой.

История SOE, прообраза американского бюро спецопераций (Office of Strategic Services – OSS), является неотъемлемой частью истории деятельности спецслужб в период Второй мировой войны. История OSS и его основателя и главы генерала Донована многократно и весьма подробно описана в литературе. А вот британские власти почему-то считают, что секреты 25-летней давности, касающиеся собственного Управления спецопераций, следует тщательно охранять от своего же народа, хотя любой потенциальный противник может при желании легко разыскать все нужные ему сведения в официальных зарубежных архивах.

Несмотря на все сложности, мне очень хотелось опубликовать эту книгу, поэтому я упорно продолжал изыскания. Они длились почти шесть лет. За это время я объездил семь европейских стран, взял интервью у шестисот человек, которые так или иначе были задействованы в секретных операциях SOE. Я делал магнитофонные записи и брал подписанные свидетельства, в том числе у бывших офицеров абвера и гестапо.

Прошло время. После изнурительных переговоров, завершившихся вмешательством некоторых высокопоставленных лиц, британские спецслужбы дали согласие на публикацию, но обязали меня произвести ряд сокращений. Я должен был исключить часть текста, где описывались грубейшие ошибки Британской секретной службы и назывались имена ответственных за это osób.

В американском издании книга вышла без сокращений, она – это неприукрашенная история трех лет. Можно сказать и об изданиях, переведенных на иностранные языки и опубликованных в 1967 году в Париже, Гааге, Мюнхене и Риме. Учитывая нежелание британских властей оказывать мне содействие, я вел активный поиск требующихся мне материалов в архивах других стран. Что любопытно, именно там обнаружили наиболее полные и достоверные документы о SOE. Генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр, верховный главнокомандующий войсками

союзников, в конце войны распорядился, чтобы большинство докладов SOE и OSS в SHAEF¹ были переданы в Центр исторических документов (Historical Records Center) и другие архивы Пентагона. Именно там, а также в архивах ряда европейских столиц я нашел нужные материалы.

Я не получил помощи от британских властей, но, тем не менее, сумел собрать официальные британские материалы, причем я их получил совершенно законным путем за границей. Таким образом, я проверил и подтвердил или опроверг многочисленные свидетельства уцелевших лидеров SOE, секретных агентов и участников Соппротивления. В Париже я получил доступ ко всем официальным источникам. Правительственные организации в Голландии, Дании, Норвегии и Германии также оказали мне содействие.

Памятуя о риске навлечь неприятности на своих друзей в Великобритании, я долгое время сомневался, стоит ли прибегать к их помощи. Однако друзья заверили меня, что реакция официальных властей их ничуть не пугает. И я получил возможность дополнить свой рассказ копиями некоторых сообщений, которыми они обменивались со штабом SOE, а также рядом докладов и инструкций, ранее не публиковавшихся. Поэтому я имею все основания утверждать, что все материалы, приведенные в настоящей книге, подлинные.

Кое-что я почерпнул из собственного опыта, главным образом это касается отношений с гестапо. Я был узником Дахау и Бухенвальда и знаю, какие ужасы там творились, не понаслышке. Я несу полную ответственность за каждую написанную мною строку. В книге приведены только мои личные комментарии (за исключением отмеченных особо). Я выражаю искреннюю признательность за помощь моим друзьям из SOE. Они знают, как глубоко я им благодарен. Здесь, в предисловии, я хочу отметить некоторых из них, не пожалевших своего времени и сил и снабдивших меня воистину бесценной информацией. Это полковник Морис Дж. Букмастер, Вера Аткинс, профессор Х.А. Рэ и многие другие.

За помощь в получении французских материалов я в неоплатном долгу перед профессором историком Генри Мишелем, а также мсье Константен Мельником, бывшим советником по вопросам безопасности и разведки французского премьера.

Также я не могу не упомянуть доктора Луиса де Джонга, директора Голландского государственного института военных документов, который открыл мне доступ к важнейшим материалам. Я очень ценю помощь многих официальных лиц, работников архивов, офицеров разведки разных стран, которые провели со мной немало времени и благодаря которым я стал обладателем бесценной информации.

Я хочу также поблагодарить капитана Питера Черчилля, кавалера ордена «За боевые заслуги», доктора Джорджа Хейструпа, майора Питера Кемпа... Имена можно перечислять бесконечно.

И конечно, я обязан воздать должное Морланду Ли, который постоянно помогал мне в работе, особенно на ранних стадиях, был переводчиком датских, голландских и норвежских документов, а также моим другом и секретарем.

Напоследок я должен упомянуть о моей жене Фине, которая на протяжении долгих лет безропотно терпела мою озабоченность исключительно делами SOE. Без ее любви и постоянной поддержки я бы наверняка не выдержал и уступил периодически одолевавшему меня желанию бросить все и молчать, как и положено хорошему секретному агенту.

И.Х. К

¹ SHAEF – объединенный штаб экспедиционных войск союзников. (Примеч. пер.)

Глава 1

ВОЙНА – НЕ ДЕЛО ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

Идея создания организации, названной Управлением специальных операций, родилась 19 июля 1940 года. Именно в этот день Уинстон Черчилль представил своему военному кабинету краткую пояснительную записку по этому вопросу. Несколько росчерков его пера создали организацию, задачей которой являлась «координация всех действий по ведению диверсионной деятельности и саботажа против врага за границей».

В этот же день Гитлер в Берлине обратился к рейхстагу. Он заявил, что час сокрушительного поражения Великобритании близок и что в самом ближайшем будущем Черчиллю придется искать убежище в Канаде. Франция, Бельгия, Голландия, Дания и Норвегия пали. При этом их завоевание прошло очень легко. На следующий день фюрер «тысячелетнего» Третьего рейха воспользовался дипломатическими каналами Швеции, США и Ватикана и предложил покончить с враждой. Гитлер сказал, что делает это предложение «как победитель, считающий такое решение целесообразным».

22 июля британский военный кабинет принял решение не соглашаться на мировую с противником. Вечером того же дня министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс в своем радиообращении к народу заявил, что англичане с негодованием «отвергают ультиматум Гитлера, требующий подчиниться его воле». Сравнив нынешнюю обстановку в Европе, стонущей под гнетом нацизма, с той свободной Европой будущего, за которую борется Британия, он сказал: «Мы не прекратим сражаться, пока не будет установлен мир».

Тем же утром на собрании военного кабинета была одобрена пояснительная записка премьер-министра и утверждено создание Управления специальных операций, ответственность за работу которого возложили на военно-экономического министра доктора Хью Далтона.

В течение всей своей жизни Уинстон Черчилль постоянно интересовался нетрадиционными методами ведения военных действий. Еще в свою бытность первым лордом адмиралтейства в кабинете Чемберлена, он выдвинул идею создания ударных боевых групп, которые позже успешно действовали во время норвежской военной кампании и совершили немало дерзких вылазок. Летом 1940 года, когда Британия попала в весьма затруднительное положение, «оказавшись один на один с врагом», Черчилль был уверен, что наступательные операции возможны только в виде бомбардировок с воздуха, проведения регулярных рейдов в береговых зонах оккупированных стран, а также в организации диверсионной деятельности и саботажа в Европе. На протяжении длительного времени первый из названных вариантов был недоступен Британии, поскольку она располагала малым числом самолетов, которых явно было недостаточно даже для организации эффективной защиты острова. Поэтому идея высадки на побережье Европы небольших ударных групп, а также отправок десантников-парашютистов в тыл врага, где секретные агенты организовывали бы диверсии и оказывали помощь в создании партизанских отрядов, возникла у Черчилля еще в самом начале войны.

В конце мая 1940 года, то есть через две недели после нападения Германии на страны Бенилюкса, в тот самый период, когда ситуацию во Франции смело можно было назвать критической, Черчилль провел памятную встречу с вершущей военной руководству. Он поставил перед ними вопрос прямо: каковы, по их мнению, перспективы Великобритании, если она будет продолжать вести войну в одиночестве? 27 мая премьер-министру был представлен объединенный меморандум. Он включал тринадцать пунктов, в которых, главным образом, говорилось об обеспечении превосходства в воздухе, а также о возможности оказания давления на военный потенциал Гитлера. В частности, там говорилось: «Кроме того, способствовать поражению Германии можно путем стимулирования повстанческих настроений, которые непре-

менно присутствуют на завоеванных территориях. Оккупированные страны, весьма вероятно, станут плодотворной почвой для проведения таких операций, особенно при условии ухудшения экономической ситуации. При подобных обстоятельствах мы считаем эту форму деятельности исключительно важной».

На следующей встрече было принято решение о создании специальной организации, которая будет заниматься ведением эффективной подрывной деятельности на оккупированных территориях, а также о необходимости обучения специальных агентов.

Еще перед войной в Британской секретной службе и военной разведке существовали подразделения, в чьи функции входило планирование всех видов диверсионной деятельности. Но у Черчилля, очевидно, имелись большие сомнения в их действенности.

4 июля он написал генералу Гастингсу Лайонелу Исмю: «Оборонительный склад ума уже погубил Францию, нельзя допустить, чтобы он свел на нет все наши полезные инициативы... Было бы прекрасно, если бы немцы, вместо того чтобы заставлять нас возводить защитные стены и крышу вокруг нашего острова, вынуждены были гадать, с какой стороны будет нанесен следующий удар».

6 июля он снова написал короткое послание Исмю, в котором настойчиво спрашивал: «Что делается в части подготовки хороших агентов для Дании, Голландии, Бельгии и прибрежных районов Франции?» Он требовал организации «агентурной разведывательной сети на всем побережье», желал видеть «группы специально подготовленных людей, занимающихся террористическими актами... чтобы жизнь немецких солдат в оккупированной Европе стала ежедневной и ежечасной пыткой».

В своем майском меморандуме военное руководство подчеркивало исключительную важность ведения подрывной деятельности в оккупированной врагом Европе. Однако в последующие несколько недель не было предпринято никаких мер.

1 июля прошло заседание под председательством лорда Галифакса с приглашением ряда министров. На нем была выработана структура новой организации – Управления специальных операций (далее – SOE), призванного координировать саботаж и диверсионную деятельность против врага.

Сразу же после создания SOE разгорелся ожесточенный спор, какому из правительственных департаментов должна подчиняться новая служба. Военное министерство настаивало на своем праве осуществлять руководство, того же требовало и министерство иностранных дел. В то же время глава секретной службы (Secret Intelligence Service – далее – SIS) полковник Стюарт Мензис имел все основания полагать, что новая организация будет в той или иной форме подчиняться именно ему. В его департаменте (в дальнейшем я буду называть его департаментом Д) были отделы, уже выполнявшие функции, возложенные на SOE.

Штабисты предложили премьер-министру, чтобы SOE управлял комитет, куда входили бы представители военных департаментов, разведки, министерства иностранных дел, министерства информации и военно-экономического министерства. Такой комитет будет иметь преимущества перед любым из ведомств в отдельности.

Вопрос поставили перед кабинетом. Доктор Хью Далтон, глава военно-экономического министерства, предложил на должность руководителя SOE кандидатуру вице-премьера Клемента Этли, бывшего тогда лордом – хранителем печати, сам же планировал стать у Этли начальником штаба. Таким образом SOE попадала в административное подчинение военно-экономического министерства.

Когда лорд Галифакс заявил о правах министерства иностранных дел, лорд Ллойд, министр по делам колоний, сказал: «С вами никогда не будут советоваться, потому что вы никогда и ни с чем не соглашаетесь». А когда один из членов кабинета заметил, что претензии военного министерства самые обоснованные, в противном случае SOE имеет смысл подчинить полковнику Мензису, доктор Далтон категорически возразил, подчеркнув, что у военного

министерства забот хватает и что щупальца военной разведки уже и так проникли всюду. Опираясь на поддержку министров-лейбористов, он настаивал на том, что у создаваемой организации задачи будут отнюдь не военные. «Саботаж и подрывная деятельность в Европе затронут интересы профсоюзного и социалистического движения на вражеских, а также на оккупированных врагом территориях. Речь идет о создании пятой колонны, диверсиях, хаосе и прочей революционной деятельности».

Далтон подробно изложил свои идеи Черчиллю, который впоследствии написал лорду Галифаксу, зная, что последний имеет большое влияние на министров-консерваторов, следующее: «Мы должны организовать на оккупированных территориях движения, сравнимые с шинфейнерами в Ирландии, китайскими партизанами, борющимися против Японии, испанскими повстанцами... в период кампании Веллингтона или, и это следует признать, нацистскими организациями, созданными почти во всех странах. Мы должны использовать самые разнообразные методы, включая военный и промышленный саботаж, волнения и забастовки среди рабочих, постоянную пропаганду, террористические акты, направленные против предателей и немецких лидеров, бойкоты и бунты».

Военно-экономическое министерство на деле было значительно лучше приспособлено для такой работы, чем можно было предполагать, исходя из его названия. Сам Черчилль называл его министерством «неджентльменских» военных действий. Созданное по образу и подобию блокадного министерства, действовавшего во время Первой мировой войны, военно-экономическое министерство было организовано на более широкой основе. Оно имело в своем составе разведывательное управление и всюду занималось пропагандой и различными видами подрывной деятельности. Некоторые его операции, например разработанный осенью 1939 года план подрывной кампании в шведском порту Оксельзунд, направленный на срыв поставки железной руды в Германию, были известны только очень узкому кругу лиц. В их число входил, разумеется, сам Черчилль, а также его ближайший друг майор (теперь сэр Десмонд) Мортон, бывший глава центра промышленного шпионажа, ставший одним из руководителей военно-экономического министерства.

После прошедшей 1 июля знаменательной встречи, на которой было принято решение о создании SOE, Черчилль поручил Далтону руководство новой организацией. Далтон занимал этот пост вплоть до февраля 1942 года, когда стал президентом Торговой палаты. В SOE его сменил лорд Вольмер, а позже – лорд Сэлбурн.

Черчилль так никогда и не признался, почему не отдал прямое управление SOE в жадно протянутые руки многочисленных представителей руководящей верхушки. Но в ряде его записок, в том числе обращенных к его помощнику, генералу Исмэю, можно найти высказывания, отчасти проливающие свет на причины этого решения. Летом 1940 года премьер-министр писал: «Я не удовлетворен количеством и качеством получаемой информации. Мы продолжаем оставаться отрезанными от этих территорий, так же как и от Германии. Я жду предложений относительно быстрого улучшения нашей работы во Франции. Нам жизненно необходима информация, а значит, нужен постоянный поток агентов, движущихся в обоих направлениях. Что же касается правительства Виши, нам не делает чести то, что мы располагаем таким незначительным объемом информации. А в какой степени используется наша агентура в Америке, Швеции и Испании?»²

Генерал Исмэй, в свою очередь, оценил ситуацию следующим образом: «В военном министерстве, по моему мнению, собрались люди крайне ограниченные и с полным отсутствием воображения... к тому же их там слишком много».

В любом случае Черчилль вовсе не собирался отдавать свое любимое детище в руки других людей. Должно быть, он с самого начала решил не спускать с него глаз, по-отечески внима-

² Черчилль У. Указ. соч. (Примеч. авт.)

тельно следить за его ростом и развитием. После того как кабинет одобрил создание SOE, Черчилль написал Энтони Идену (теперь лорд Эйвон), бывшему тогда военным министром: «Нам необходимо срочно принять меры по получению наиболее полной информации о немецких вооруженных силах на оккупированных территориях, установить контакты с местным населением, направить туда наших агентов. Думаю, что этим с успехом займется новая организация, созданная под эгидой военно-экономического министерства»³.

Таким образом, британский премьер поставил перед SOE новую задачу, выходящую за рамки первоначально планируемых функций, которые должны были заключаться в подрывной деятельности на оккупированных врагом территориях. Теперь имелось в виду, что агенты SOE должны собирать информацию и передавать ее кабинету, выступая, таким образом, конкурентами секретной службы (SIS) и военной разведки (MI). Но эта идея была с негодованием отвергнута членами кабинета, и в конце концов вопрос замяли. Известный военный историк, профессор Дж. Р.М. Батлер сформулировал свой вывод следующим образом: «В первые месяцы деятельности к SOE было предъявлено много претензий со стороны давно существующих организаций. Положение усугубилось личной неприязнью между их руководителями».

Задачи SOE были сформулированы лишь в общих чертах и должны были быть определены более полно с началом функционирования организации. Из записок Черчилля Идену, а также из последующих приказов штабной верхушки (позже – руководства Штаба верховного главнокомандующего объединенных экспедиционных сил) становится очевидным, что агенты SOE тем не менее занимались сбором разведывательной информации и сыграли определенную роль в сложной политической и идеологической игре, которая велась в рядах движения Сопротивления некоторых европейских стран. Цель SOE – создавать или всемерно поддерживать национальные организации движения Сопротивления в оккупированных нацистами странах – часто оказывалась поставленной в прямую зависимость от проблем политической лояльности. Группы Сопротивления распадались из-за внутренних политических конфликтов и даже элементарной зависти между их лидерами. Так было в Греции и Югославии (противодействие между монархистами и коммунистами), во Франции (разногласия между приверженцами де Голля – голлистами, правыми и коммунистами) и т. д.

Даже первоочередные задачи SOE, как отмечает генерал сэр Колин Габбинс, были по своей природе зачастую противоречивы. Чтобы не привлекать внимание к созданию тайных отрядов, необходимо было избегать любой деятельности, которая могла бы обратить на себя внимание немцев. В то же время неизбежным следствием активной подрывной деятельности явилось пристальное внимание гестапо и СС.

Кроме того, министерства и ведомства, чьи руководители полагали, что имеют право участвовать в управлении SOE, никак не могли договориться между собой об основных направлениях деятельности организации. Фельдмаршал лорд Вильсон, являвшийся начиная с 1943 года командующим средиземноморским штабом SOE, говорил: «Вначале было довольно большое количество «горячих направлений», поскольку слишком много людей было вовлечено в процесс принятия решений и их осуществления. Самыми заинтересованными оказались военно-воздушные силы, поскольку их самолеты отвлекались от обычных действий для выполнения особых заданий. Впрочем, самолетов всегда оказывалось недостаточно. У SOE имелось собственное руководство, у которого на уме было нечто свое. В министерстве иностранных дел тоже хватало идей, которые зачастую противоречили соображениям руководителей SOE. А у верховного главнокомандования имелась генеральная стратегия, которую следовало выполнять. В итоге «горячих направлений», которым требовалось первоочередное выделение горючего, нередко оказывалось слишком много.

³ Там же.

Но горячего было мало, в результате «горячие направления» нередко становились «горящими».

Военное министерство, конечно, должно было держать бразды правления в своих руках, потому что персонал SOE главным образом набирался в армии. Но сама концепция тайной организации, находящейся под руководством министра-социалиста, в которую Черчилль также направил бизнесменов, университетских профессоров и журналистов, являлась форменным проклятием для военных. И они при каждом удобном случае вставляли палки в колеса той горстке людей, которая была призвана поставить новую организацию на ноги. В общем-то это было неудивительно: военному министерству предстояло расстаться с одним из своих разведывательных управлений, MI(R), и передать его SOE.

БРИТАНСКАЯ СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА

В начале войны существовало несколько ведомств, в круг обязанностей которых входило решение задач, в дальнейшем переданных SOE. Одним из них был исследовательский отдел военной разведки MI(R), существовавший в военном министерстве, возглавлял его полковник Джон Холланд. Холланд, умный человек и очень грамотный инженер, много лет служил в Ирландии, в том числе и в годы беспорядков. Он живо интересовался нетрадиционными методами ведения войны. Одним из его ближайших помощников был лейтенант-полковник Колин Габбинс, будущий глава SOE.

Существовал еще Центр промышленного шпионажа, созданный еще в 1931 году майором Муртоном как частное предприятие. В 1935 году он стал государственной структурой, выступающей от имени Имперского оборонного комитета и изучающей промышленный и военный потенциал ряда государств. В начале 1939 года в министерстве иностранных дел был образован отдел, занимающийся пропагандистской работой в странах потенциальных противников.

Кроме того, существовала воистину легендарная организация SIS – в печати ее часто называют Британской секретной службой, ее история восходит к самому началу прошлого века. В разные годы с ней сотрудничали такие известные люди, как Редьярд Киплинг, Сомерсет Моэм, Баден-Пауэлл и Комптон Маккензи. Ее руководителем на протяжении многих лет был вице-адмирал сэр Хью Синклер. Полковник Мензис сменил на этом посту Синклера после его смерти в 1939 году.

В структуре Британской секретной службы существовал департамент Д, состоящий из двух отделов. Его возглавлял заместитель полковника Мензиса, лейтенант-полковник (позже генерал-майор) Лоуренс Дуглас Гранд. Один из отделов департамента Д занимался изучением форм и методов промышленного саботажа, нетрадиционных способов ведения войны, а также подготовкой агентов для организации диверсионных актов. Другой отдел специализировался на пропаганде политической и экономической подрывной деятельности, направленной против врага в военное время. Сначала MI(R), а потом и оба отдела департамента Д были переданы в SOE. Отдел пропаганды стал SO-1, саботажа – SO-2. В дальнейшем SO-1 стал политическим управлением и отделился от головной организации. Между тем Британская секретная служба продолжала заниматься сбором информации в оккупированных нацистами странах, хотя число ее агентов там значительно уменьшилось. Деятельность агентов SIS часто пересекалась с возникавшим повсеместно движением Сопротивления, поэтому SIS и SOE порой дублировали друг друга.

SIS оказывала определенное влияние на деятельность SOE, поскольку имела в своем составе региональные отделения, поддерживавшие тесные контакты с секретными службами правительств европейских государств, осевших в Лондоне. К примеру, французское отделение SIS было значительно более влиятельным, чем аналогичное отделение SOE, и поддерживало постоянные связи с BCRA⁴ генерала де Голля. Правда, это произошло только потому, что главы этого отделения, командер Кеннет Кохен (Дункан) и полковник сэр Клод Дэнси, сумели установить личные дружеские отношения с руководителем секретной службы де Голля полковником Пасси (Андре Девеврэн) и его помощниками.

Приступив к работе, Управление специальных операций – SOE не получило никакой помощи от своих коллег из SIS. После войны генерал-майор сэр Колин Габбинс писал о задачах SOE следующее: «Имелось в виду содействие населению оккупированных стран в органи-

⁴ BCRA – Bureau Central de Renseignements et d'Action – разведывательное подразделение генерала де Голля, работавшее в Лондоне в 1940–1944 годах. (Примеч. пер.)

зации подрывной деятельности, актов диверсий и саботажа, направленных против врага. Но в то же время следовало создавать на территориях оккупированных стран тайные вооруженные формирования и готовить их к участию в боях за освобождение своих стран... Проще говоря, планировалась переброска на оккупированные территории большого количества людей, оружия и взрывчатых веществ. Однако первоочередная задача – войти в контакт с местным населением, собрать максимум информации о его возможностях и желании сражаться. И уж самая срочная – найти людей, которые бы имели желание и возможности отправиться в чреватое многочисленными опасностями путешествие, затем обучить их, снабдить всем необходимым для работы и обеспечить связи, когда они окажутся на вражеской территории. Все контакты с оккупированными территориями были прерваны, когда последние британские полки вернулись на родину в 1940 году. И первый человек, который будет сброшен с парашютом над любой оккупированной страной, окажется в полном смысле этого слова слепым. Его никто не будет ждать, никто не встретит, не приготовит убежище, не спрячет его снаряжение, не обеспечит безопасное перемещение внутри страны...»

Это замечание бывшего главы SOE довольно точно описывало ситуацию 1940 года. У Британской секретной службы почти не осталось агентов на континенте.

СЛУЧАЙ В ВЕНЛО

Одной из причин провала деятельности Британской секретной службы в оккупированных странах Западной Европы была трагедия, случившаяся в ее региональном отделении в Голландии в 1939 году.

Континентальный центр SIS, созданный перед войной адмиралом Синклером, располагался в Гааге, в доме № 15 по улице Нуве-Утвег. В соседнем доме в 1915 году жила Мата Хари. Главой этого европейского офиса был майор Х.Р. Стивене, а его заместителем – капитан С. Пейн-Бест.

Осенью 1939 года эти офицеры приняли участие в ряде встреч с немцами, заявившими о своей оппозиции нацизму и Гитлеру. Британских разведчиков привлекла возможность получить предложенную им секретную военную и политическую информацию. На одной из этих встреч, проходившей в центральном отеле Амстердама, некий доктор Франц Фишер, объявивший себя беженцем из фашистской Германии, представил англичанам «капитана Золма из люфтваффе». Этот человек предъявил выглядывшие весьма достоверными письменные свидетельства того, что он выступает от имени группы генералов, имеющих антигитлеровские настроения, при этом назывались довольно известные имена высших военных чинов Германии, бывших в опале у фюрера.

Настоящее имя капитана Золма было Йоганн Траваглио. Он действительно был капитаном, но служил в абвере, в отделе, занимавшемся борьбой со шпионажем. Он работал во взаимодействии с гиммлеровской РСХА под руководством доктора Гельмута Кохена (впоследствии он стал шефом гестапо в Париже, был приговорен к смертной казни, но получил отсрочку в исполнении приговора). Золм сказал майору Стивенсу и капитану Пейн-Бесту, что генерал фон Витерзайн готов встретиться с ними в отеле «Вильгель-мина» в местечке Венло, расположенном на границе с Германией, где генерал передаст им совершенно секретную информацию о мобилизационных планах вермахта и о состоянии военной промышленности в Рурской области.

После серии встреч, проведенных в амстердамском отеле «Паркзихт», было принято решение, что британские разведчики встретятся с генералом фон Витерзайном и другими немецкими офицерами в Венло в сентябре. Переговоры продолжались и после начала войны. Британские офицеры доложили обо всем своему командованию в Лондоне и получили инструкции не афишировать своих действий, поскольку Голландия сохраняла нейтралитет, но, тем не менее, проинформировать руководителя голландской секретной службы о своих намерениях. Так и было сделано. Глава голландской военной разведки генерал-майор Дж. ван Ооршот крайне неохотно, но все же дал свое согласие на проведение англ о– немецкой встречи на голландской земле. Он выдвинул условие, чтобы англичан сопровождал голландский офицер-разведчик лейтенант Дэниел Клоп.

Встреча с генералом была назначена на 19 октября в Динксперло. Но когда британские разведчики и сопровождающий их голландец прибыли, их встретили капитан Золм и еще двое немцев, представившиеся как полковник фон За-лих и майор Кристенсен. Офицеры сообщили, что генерал фон Витерзайн не смог прибыть на встречу. Новую встречу назначили на 30 октября в Гааге. На нее приехали еще два немца, но генерал так и не появился. Один из немцев был представлен британским офицерам как доктор Шиммель, как и все прочие являющийся высокопоставленным лицом в немецкой разведке. Это вполне соответствовало действительности, только вот доктор Шиммель никогда не выступал против нацистов. Напротив, это был весьма высокопоставленный эсэсовец Вальтер Шелленберг, доверенное лицо Гиммлера, который четырем годами позже стал шефом немецкой секретной службы. Вторым немец, «полковник Мартин», сообщил англичанам, что является сотрудником немецкого генерального штаба

и представителем группы антигитлеровски настроенных генералов. Судя по их сообщениям, есть реальные планы ареста Гитлера и уничтожения нацистского режима силами немецкой армии. После совершения государственного переворота, по их словам, планируется обращение к правительствам Англии и Франции о начале мирных переговоров. Шла уже шестая неделя войны.

Следствием этого доклада явилось решение Лондона принять участие в следующей встрече, на которой, наконец, должны были появиться долгожданные генералы. Историческое событие было назначено на 7 ноября в Венло.

В тот день немцы, под руководством «доктора Шиммеля», встретились с британскими офицерами и голландским разведчиком лейтенантом Клопом в кафе «Бахус». «Доктор Шиммель» сообщил, что генерал фон Витерзайн и еще «несколько более высокопоставленных генералов» прибудут на границу 9 ноября в 4 часа пополудни. Все заинтересованные лица снова встретились в кафе «Бахус», находившемся неподалеку от немецкого пограничного поста. Приблизившись к месту предполагаемой встречи, «доктор Шиммель» сообщил, что сигналом безопасности встречи будет взмах его руки. Но когда он взмахнул рукой, откуда-то с ревом вырвался большой черный фургон. Из него высыпали вооруженные люди и, угрожая оружием, вынудили англичан сесть в машину. Лейтенант Клоп, оказавшись на свободе, успел произвести несколько выстрелов из своего револьвера, намереваясь, очевидно, привлечь внимание голландских пограничников. Немцы тоже открыли огонь. Голландец был тяжело ранен. Его погрузили в машину, которая, более не задерживаясь, быстро скрылась на территории Германии.

Похищенные британские офицеры и раненый голландец были доставлены в Дюссельдорф. Лейтенант Клоп вскоре скончался в тюремном госпитале от полученных в перестрелке ран. Англичане же всю войну провели в немецких тюрьмах и концентрационных лагерях, причем значительную часть времени в одиночном заключении.

За похищением двух высокопоставленных офицеров Британской секретной службы (SIS) в Европе последовало еще одно событие, в значительной мере усугубившее ситуацию. После того как началось вторжение в Голландию, агенты и сотрудники Континентального центра были вынуждены в мае 1940 года покинуть Гаагу. Один из агентов в спешке потерял портфель, в котором находились сведения обо всех его контактах.

Уже после войны лейтенант-полковник Герман Гиске, начальник отдела III-F голландского отделения абвера, сообщил, что немцы начиная с 1935 года постоянно следили за офицерами Британской секретной службы в Шивинингене и Гааге. Он писал: «Я лично видел фильм, снятый нашими людьми перед войной. В нем можно было видеть весь персонал, агентов и посетителей британской шпионской организации, действующей против Германии. Его сняли несколько наших парней через иллюминатор большой баржи, которая время от времени по нескольку дней, а иногда даже несколько недель стояла на якоре у небольшой пристани, находившейся не более чем в тридцати ярдах от улицы, где расположился штаб Британской секретной службы. Должен сказать, что на наших кинооператоров совершенно не обращали внимания и никто ни разу не попытался им помешать. К сожалению, это был немой фильм, но зато в титрах можно было прочитать имена, псевдонимы, данные об обязанностях, роде деятельности и контактах каждого из невольных актеров. Вряд ли стоит говорить, что английских агентов, засланных отсюда в Германию, неминуемо ждала теплая встреча.

Во Франции, где немцы сумели внедрить множество своих людей в правительственные и полицейские структуры, положение SIS было не многим лучше, а во многих отношениях даже хуже. События в Венло и ряд других инцидентов заставили SIS поспешно отозвать своих агентов из Франции, Бенилюкса и Германии, поскольку почти все они были известны немцам и находились на грани провала. Следует признать тот факт, что ни одно из отделений Британской секретной службы не было по-настоящему готово справиться с ситуацией, которая сложилась после оккупации немцами стран Западной Европы. Перед войной, а также в ее начале

до падения Франции военная разведка сотрудничала с французским Deuxième Bureau (Вторым бюро). Эта связь нарушилась после заключения Петеном перемирия, когда Второе бюро временно прекратило свое существование. Приходилось медленно и осторожно восстанавливать контакты с сохранившими преданность делу союзников французскими офицерами-разведчиками, которые теперь служили под началом Петена в правительстве Виши».

В результате изложенного выше становится ясным, что военным службам и министерству иностранных дел ничего не оставалось, кроме как забыть о своем скептицизме в отношении деятельности SOE и полностью положиться на эту новую организацию, ожидая от ее агентов помощи в получении разведывательной информации.

Как только в Европе высадились первые агенты SOE, на руководство Управления специальных операций немедленно стало оказываться давление. Агенты SOE должны были обеспечить все заинтересованные службы военной и политической информацией из оккупированных стран. Но это вовсе не входило в обязанности храбрых мужчин и женщин, которые добровольно вызвались переправиться через Ла-Манш, чтобы «разжечь в Европе пожар». Они не являлись профессиональными шпионами и совершенно не стремились внести дополнительный элемент риска в свои и без того смертельно опасные задания.

Однако, учитывая острую потребность в информации, офицеры SOE, часто даже толком не понимая, что именно они должны разузнать, подвергали свою жизнь большому риску, часто ставя под угрозу срыва свои непосредственные задания. Они работали в качестве руководителей и инструкторов групп, занимавшихся саботажем, выполняли функции офицеров связи с движением Сопротивления, курьеров, становились руководителями сетей тайных боевых групп, распределяли оружие, доставленное самолетами из Британии. Полевые агенты SOE ежеминутно рисковали собой, находясь под постоянной угрозой провала, потому что немцы внедрились в ряды Сопротивления множество своих людей.

Дополнительная нагрузка в виде необходимости сбора и передачи разведывательной информации была для них чрезмерной. Вообще-то нецелесообразно было поручать полевым агентам сбор информации о новейших исследованиях немецких ученых, уровне развития военной промышленности Германии или о дислокации в европейских морских портах немецких военных кораблей. Однако именно такие запросы настойчиво и регулярно поступали офицерам SOE от военных министерств и ведомств, хотя все перечисленные вопросы входят в компетенцию военной, военно-морской и военно-воздушной разведок. Занятые несвойственным для себя делом, агенты SOE становились очень уязвимыми. Поэтому их аресты и гибель не были редкостью.

Так продолжалось довольно долго, даже после того, как SOE перешла под эгиду Генерального штаба союзников (SHAEF) и практически слилась с американской секретной службой OSS. Произошло это в конце 1943 года. Полковник сэр Джеффри Викерс, служивший в SOE и являвшийся представителем в Объединенном разведывательном комитете, после войны писал: «Часть военно-экономического министерства с 1942-го по 1944 год занималась исключительно разведывательной деятельностью, которая была жизненно необходима для стратегического и оперативного планирования. Правда, наши собственные подразделения не были в состоянии эту информацию обеспечить. Нам приходилось работать с гражданскими лицами. Это совершенно ненормально, когда приходится обращаться куда-нибудь, помимо своих разведывательных подразделений, чтобы раздобыть нужные сведения».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

В дополнение к постоянной конкуренции с SIS и военной разведкой SOE приходилось соперничать и с политическим управлением (Political Warfare Executive, PWE). Его предшественницей явилась окутанная плотной завесой тайны организация, созданная вездесущим сэром Кэмпбеллом Стюартом. Этот человек сыграл немалую роль в британской разведывательной деятельности. Во время Первой мировой войны именно он организовал пропаганду против немцев. Он был издателем газеты «Тайме», признанным экспертом в области прессы, телекоммуникаций и пропаганды. Стюарт стал советником успешно проявившего себя правительства консерваторов, а в качестве председателя имперского консультативного комитета по связи создал особую группу из доверенных лиц, которая встречалась в Электра-Хаус в Лондоне. Вместе со своими друзьями сэром Робертом Брюсом Локкартом, который был агентом в России во время революции, Рексом Липпером, работавшим тогда в министерстве иностранных дел, и молодым морским офицером майором Бруксом сэр Стюарт провел кропотливую работу по всеобъемлющему изучению искусства и науки радиопропаганды, в которой непревзойденным и общепризнанным мастером был доктор Геббельс.

Группа получила имя ЕН (Electra House). Она должна была разработать план противодействия нацистской пропаганде, а также подготовить предпосылки для создания в Великобритании организации, которая после начала вооруженного конфликта с Гитлером смогла бы влиять на политическую ситуацию.

В 1939 году сэр Кэмпбелл стал директором по вопросам ведения пропаганды во вражеских странах в министерстве информации. Брюс Локкарт был директором департамента пропаганды в министерстве иностранных дел. В то же время полковник Мензис из SO-1 имел собственное отделение пропаганды и подрывной деятельности в SIS. Когда SO-1 был переведен в военно-экономическое министерство, доктор Далтон взял туда нескольких человек из группы ЕН. Липпер, став директором, продолжил свою деятельность в том же качестве уже в PWE, вместе со своими людьми он разместился в аббатстве Вобурн. Офицером связи был назначен Даллас Брукс.

Команда, которую доктор Далтон набрал в SO-1-PWE, по его собственным словам, была весьма разнородна, но все без исключения ее члены обладали талантом, ярким темпераментом и умели работать. В Уайтхолле их называли «сонями Липпера», что звучало иронично, потому что эти люди очень много работали, и бессонные ночи были для них не редкостью. Были они к тому же весьма честолобивы, поэтому им был не чужд дух личного соперничества, а порой и зависти к наиболее удачливым коллегам.

Со временем политическое управление превратилось в мощное оружие подрыва идеологических устоев немецкой армии, что укрепляло ряды борцов движения Сопротивления в Европе. В своей деятельности оно использовало самые разнообразные тактические приемы, начиная от выпуска огромного количества листовок, которые затем сбрасывались с самолетов над оккупированными территориями и над Германией, и кончая созданием подпольных радиостанций, вещающих на Европу и Германию. Специальные радиопрограммы предназначались для немецких солдат, для промышленных рабочих. В работе пропагандистских радиостанций активно участвовали итальянские антифашисты. Вещание велось круглосуточно на всех европейских языках. PWE активно сотрудничало с радиостанцией BBC, принимало участие в программах, подготавливаемых европейскими правительствами и всевозможными национальными комитетами, обосновавшимися в Лондоне. При этом радиовещание работало весьма изобретательно, часто ставя немцев в тупик. Однажды им пришлось долго обыскивать все дома в большом районе Бухареста в поисках румынской радиостанции «Свобода», которая продолжала преспокойно работать в аббатстве Вобурн.

Теоретически PWE работало в тесном контакте с SOE, SIS, а также с многочисленными министерствами и ведомствами. Но в деле не обошлось без накладок, дублирования, конкуренции и открытого соперничества. Сотрудничество все-таки было налажено после долгой и изнурительной борьбы, в результате которой Далтон был вынужден сдаться и отдать PWE Энтони Идену и министерству иностранных дел. Далтон сам признавал, что его отношения с Даффом Купером (до июля 1941 года тот занимал пост министра информации) оставляли желать лучшего, но с его преемником Бренданом Брекеном порой случались и столкновения, так что личному секретарю Далтона нередко приходилось выступать в роли миротворца.

Доходило до смешного. Как-то до Брендана Брекена дошли сведения, что PWE приобрело в одной из нейтральных стран газету, это издание должно было помочь распространению антинемецких и пробританских настроений. Шаг вполне разумный, если бы не один небольшой нюанс: незадолго перед этим ту же газету он сам купил, разумеется через посредника, для министерства информации. Еще один случай. Штаб SOE в Каире, который в те годы возглавлял лорд Гленконнер, разработал крупную пропагандистскую кампанию. Офицеры SOE должны были склонять итальянских военнопленных в Египте к тому, чтобы в письмах домой те всячески расхваливали жизнь в плену и призывали своих родственников и друзей, в свою очередь, относиться к попавшим в плен солдатам союзников с сочувствием и пониманием. Когда об этом плане узнали руководители PWE, они резко опротестовали на самых высоких уровнях действия соперников, утверждая, что, будучи пропагандистской, подобная кампания является их прерогативой. Члены кабинета провели несколько совещаний с участием руководителей обеих соперничающих организаций, но соглашение так и не было достигнуто. В итоге от весьма неплохо придуманной кампании пришлось отказаться. Тем не менее, в SOE продолжали сочинять антинемецкие лозунги и всевозможные компрометирующие немцев истории, которые распространялись агентами на оккупированных территориях, главным образом во Франции.

Еще одним, причем значительно более серьезным недугом, который не позволял SOE работать в полную силу, были напряженные отношения между британским правительством, руководителями европейских государств и национальными комитетами, обосновавшимися в Лондоне. Речь не шла о проблемах большой политики. У англичан был свой, в корне отличный от остальных взгляд на роль и задачи движения Сопротивления в Европе.

Даже норвежцы, самые верные друзья Великобритании, отмечали, что англичане ведут себя слишком независимо на территории Норвегии. Норвежское правительство жаловалось, что английские рейды на прибрежные территории Норвегии вызывают усиление репрессий со стороны немцев по отношению к мирному населению и тормозят действие движения Сопротивления в стране. Англичане настаивали, чтобы *Milorg* – тайная патриотическая организация норвежцев – подчинялась приказам SIS. В итоге к концу 1941 года отношения настолько ухудшились, что всякое сотрудничество между *Milorg* и SOE стало практически невозможным. И только после долгих месяцев напряженных переговоров полковнику Джону Вильсону, главе норвежского отделения SOE, удалось наладить дружеские связи с эмиграционным правительством страны.

Эмиграционное голландское правительство создало в Лондоне собственную секретную службу, но британские власти потребовали, чтобы все голландские агенты были проверены и обучены в Англии, а в дальнейшем работали под руководством англичан. Когда впоследствии почти все агенты-голландцы были раскрыты и арестованы немцами (которые сумели внедрить в ряды персонала радиостанций на территории Голландии своих людей), голландцы возложили всю вину на англичан. Некоторые высокопоставленные голландские офицеры-разведчики пошли еще дальше и обвинили офицеров голландского отделения SOE в предательстве.

Англичане, а позже и американцы, отказывались рассматривать Сопротивление в Европе как стихийный бунт против фашистской оккупации. Они видели его – и время подтвердило их правоту – сугубо политическим движением. Лидеры Сопротивления (там, где оно разделялось на различные течения по политическим мотивам) ставили перед собой далеко идущие цели. Кто бы ни руководил подпольным движением, он будет иметь самые большие шансы прийти к управлению страной, когда наступит долгожданная свобода.

В особенности это относилось к Франции. Уже в самом начале войны Черчилль дал понять, что де Голль и «жалкая кучка его приспешников» не могут явиться полноценным правительством для послевоенной Франции. Поэтому он продолжал поддерживать отношения с правительством Виши. Значительно позже, в мае 1943 года, разрозненные французские группы Сопротивления образовали Национальный комитет под руководством Жоржа Бидо, и этот орган признал генерала де Голля лидером и доверенным лицом французской нации. После этого отношение англичан слегка изменилось. Но президент Рузвельт никогда не признавал де Голля в качестве главы французского народа.

Напряженные личные отношения между генералом де Голлем и британским военным кабинетом препятствовали налаживанию плодотворного сотрудничества между SOE и французской секретной службой в Лондоне. В книге «Вторая мировая война» Черчилль писал: «Де Голль чувствовал: чтобы сохранить авторитет у своего народа, он должен вести себя надменно и гордо по отношению к «вероломному Альбиону», несмотря на то что находится в эмиграции, нуждается в нашей защите и вынужден блуждать в нашем тумане. Он обязан быть грубым с англичанами, чтобы доказать французам, что не является британской марионеткой. Именно этой политики он придерживался с неизменной настойчивостью».

С другой стороны, по мнению де Голля, англичане весьма преуспели в попытках сделать его секретных агентов своими марионетками и взять в свои руки управление, по крайней мере, некоторыми группами Сопротивления.

Генерал де Голль чувствовал, что англичане стараются уничтожить или, по крайней мере, свести к минимуму деятельность собственной секретной службы, BCRA. Ее агенты должны были пройти проверку у англичан, радиопередачи также попадали к англичанам, а добытая ими информация чаще всего не принималась во внимание. Де Голль обвинял британское правительство, SOE и руководителей британской разведки в попытках ослабить таким образом французское Сопротивление.

По крайней мере дважды генерал прерывал все отношения с британскими министерствами и запрещал своим офицерам вести какие бы то ни было разговоры со своими коллегами в SOE.

Положение немного изменилось после назначения Черчиллем майора Мортонна на пост председателя Комитета объединенного сопротивления. Это был умнейший и удивительно обаятельный человек, который умел гасить любые страсти. Назначение сэра Клода Дэнси заместителем директора французского отделения SIS и главным офицером связи с французской секретной службой в Лондоне также оказалось очень удачным.

Неудивительно, что такой горячий патриот, как генерал де Голль, жаждал действий, с нетерпением ожидая освобождения своей страны. Видя Францию разбитой и униженной условиями перемирия, преданный многими своими соотечественниками, де Голль испытывал чувство гордости оттого, что миллионы французов, несмотря ни на что, поднялись на борьбу с оккупантами. Удивляет другое: профессиональный военный и талантливый стратег, он, похоже, переоценивал роль движения Сопротивления до 1943 года и явно недооценивал силу и безжалостность немцев, расправлявшихся с его участниками.

Французская секретная служба, возглавляемая полковником Пасси, работала с лидерами Сопротивления на протяжении двух лет. С начала 1941 года и до весны 1943-го она не прекращала попытки объединить разрозненные организации и группы, действующие на террито-

рии Франции. В этом деле полковнику Пасси активно помогало французское отделение SOE. После создания Национального комитета Сопротивления Жан Мулен был назначен личным представителем генерала де Голля. Разные боевые отряды, получившие от SOE оружие, сплотились в Секретную армию под командованием генерала Чарльза Делестрэна (известного подпольщикам как генерал Видадь). Подпольная армия была создана из местного населения, ее командирами также стали французы. Они весьма успешно сотрудничали с офицерами связи и инструкторами SOE.

Вскоре стало ясно, что успех этой первой всенародной голлистской организации иллюзорен. Немцы знали о каждом ее шаге. Гестапо внедрило своих информаторов практически во все штабы и ожидало только полного завершения формирования «секретной» армии, чтобы нанести удар. В июне 1943 года было арестовано несколько видных членов Национального комитета Сопротивления. Это положило начало массовым арестам. Жан Мулен умер под пытками, генерала Видадя застрелили. За короткий срок вся верхушка секретной армии и Сопротивления была арестована и расстреляна. Волна арестов прокатилась по всей стране. Не миновала она и агентов SOE. Французское Сопротивление понесло тяжелые потери.

Одновременно активизировалось гестапо в Голландии. Немцы арестовали весь Национальный комитет, куда входили бывшие члены правительства и лидеры основных партий.

Волна арестов захлестнула Европу. Однако, несмотря на огромные масштабы катастрофы, нельзя было не отметить ряд обнадеживающих фактов. Летом 1943 года немцы торопились, считая скорую высадку союзников неизбежной. Своими действиями они дали ясно понять Лондону губительность централизации подпольных организаций. Еще оставалось время до наступления часа пик, чтобы создать новую систему подполья.

В меморандуме, подготовленном SOE для Генерального штаба союзников, содержалась достаточно объективная оценка сложившейся ситуации. Хотя подпольные организации понесли серьезный урон, а многие отправленные из Лондона агенты были арестованы, значительная часть национальных групп уцелела. Что удивительно, тайные склады оружия и боеприпасов почти не пострадали. После ареста видных лидеров Сопротивления немцы, потеряв бдительность, не предпринимали сколь бы то ни было серьезных попыток обнаружить тайники с полученной из Лондона взрывчаткой, патронами и оружием. Во многих районах члены разгромленных групп вновь объединились и начали принимать новых инструкторов и офицеров связи SOE, а также самолеты, регулярно прилетающие из Великобритании с необходимыми подпольщикам грузами.

ТАЙНЫЕ АРМИИ

Группы Сопротивления понесли чувствительный урон, но доказали свою удивительную живучесть и стали быстро возрождаться. В эти военизированные организации (*Armée Secrète* во Франции, *Or de Dienst* в Голландии и *Milorg* в Норвегии) пришли тысячи новых членов. В результате реорганизации удалось избавиться от жесткой централизации в управлении. И хотя формально управление национальными организациями велось национальными комитетами, вопросы военной подготовки, организации диверсий и актов саботажа, а также обеспечения радиосвязи решались на месте. Немцы продолжали аресты, но теперь ущерб подпольным организациям уже не носил глобального характера.

За урок было заплачено дорогой ценой, которая вполне могла бы быть ниже, если бы руководители европейского Сопротивления, причем как в Лондоне, так и на континенте, прислушивались к советам офицеров SOE.

В августе 1941 года доктор Далтон следующим образом сформулировал задачи европейского Сопротивления: «Боевики-подпольщики должны постоянно демонстрировать активное сопротивление, имеющее целью доставлять непрерывное беспокойство оккупационным силам, и не допускать уменьшения численности своих рядов. Но при этом им следует оставаться в тени и всемерно избегать широкомасштабных выступлений и амбициозных военных операций, которые могут привести только к усилению репрессий и людским потерям. Они должны делать все возможное для создания разветвленной подпольной организации, готовой по нашему сигналу нанести решающий удар».

Англичане всеми силами стремились удержать лидеров Сопротивления от решительных действий, которые привели бы лишь к разгрому с таким трудом созданной тайной организации. Их роль, по мнению SOE, заключалась в подготовке организованной и дисциплинированной тайной силы, действия которой на более позднем этапе должны быть увязаны с действиями регулярной армии союзников. Целью SOE было примирение различных политических групп, которые являлись основой Сопротивления, но часто враждовали между собой, чтобы обеспечить их эффективное управление единым командованием – сначала британцами, затем штабом союзников.

Но эти принципы большей частью не находили поддержки у эмиграционных правительств в Лондоне. Они отвергали британскую опеку над Сопротивлением и подозревали, что Великобритания преследует свои скрытые и далеко идущие политические цели. В этой книге мы не будем рассматривать сложнейшие проблемы высокой политики. Они были слишком удалены от сферы деятельности SOE и вряд ли интересовали его руководство, а уж тем более полевых агентов. Но постоянные политические споры между руководителями союзнических правительств тем не менее оказывали негативное влияние на повседневную работу SOE. Политические и дипломатические проблемы мешали решать такие простые и ясные вопросы, как поиск и обучение новых агентов, поставка вооружения, эксплуатация средств связи, а также обмен информацией между полевыми агентами.

Приказ Черчилля, отданный в июле 1940 года, был краток и однозначен: «Пусть Европа горит!» Но раньше, чем агенты SOE смогли предпринять первые шаги к его претворению в жизнь, над Великобританией нависла угроза вторжения фашистов. Вынужденная в одиночестве защищать свободу, страна подверглась яростным бомбардировкам гитлеровского люфтваффе и вспыхнула в пламени пожаров.

Прошло много месяцев, прежде чем была начата подготовка агентов, которые должны были выполнить этот приказ. В течение 1941 года процесс создания SOE шел с колоссальным трудом, а люди, сидящие в темных, полуразрушенных офисах на Бейкер-стрит, всерьез сомневались, хватит ли у них когда-нибудь сил, чтобы хотя бы зажечь факел.

Глава 2 «КОНТОРА»

Бейкер-стрит, улица, на которой жил Шерлок Холмс, казалось, обладала особой привлекательностью для «рыцарей плаща и шпаги». Возникнув из департамента Д, SOE сначала занимало несколько комнат в реквизированном правительством отеле «Сен-Эрмин» на Кэкс-тон-стрит, как раз на полпути между зданиями парламента и вокзалом Виктория. Осенью 1940 года стало ясно, что людям катастрофически не хватает места. Но все военные министерства и ведомства наотрез отказались предоставить управлению более просторное помещение. Считалось, что SOE существует под эгидой гражданского министра, поэтому вопрос его размещения касается только военно-экономического министерства.

С помощью бизнесменов, принимавших некоторое участие в создании SOE, с большим трудом было найдено новое помещение в доме № 62–64 на Бейкер-стрит. Через некоторое время в этом здании разместилось французское отделение и еще несколько отделов, а все руководство переехало в Сент-Майкл-Хаус – дом № 82 по той же улице. Здание было предоставлено фирмой «Marks & Spencer». Тогда, в 1940 году, этот адрес был самым засекреченным в мире. Дом вернули хозяевам через несколько лет после окончания войны. Немного позднее еще несколько отделов SOE въехало в Норджбай-Хаус – дом № 83 по Бейкер-стрит (сейчас в нем размещается департамент налогов и сборов). С ростом SOE ему требовалось больше места, но все новые помещения находились неподалеку от Бейкер-стрит. Таким образом решался вопрос обеспечения безопасности – если бы многочисленные отделы были собраны под одной крышей, это неизбежно привлекло бы к SOE повышенное внимание.

В Сент-Майкл-Хаус имелся не только главный, но и черный вход, расположенный с обратной стороны здания. Все служащие, начиная от руководителей и кончая шифровальщиками и машинистками, были обязаны соблюдать особую осторожность, старались держаться незаметно. Они почти никогда не носили военную форму. У двери Норджбай-Хаус висела неприметная черная металлическая табличка, согласно которой в здании находилось межведомственное исследовательское бюро. Существование SOE долгое время оставалось тайной даже для высших армейских чинов. Офицерам и гражданским служащим SOE предписывалось не упоминать название управления даже в частных беседах, все они дали подписку о неразглашении служебных секретов. Даже между собой они говорили о своей организации как о «фирме» или «конторе».

Военные министерства и ведомства проявляли к деятельности SOE удивительное равнодушие, хотя военное министерство настаивало на своем праве контролировать набор агентов, а секретная служба жаждала проверять благонадежность каждого. Сначала беседы с кандидатами велись в маленькой комнатке министерства пенсионного обеспечения в Вестминстере, позже для этой цели выделили две темные комнаты в отеле «Виктория», которые занимало военное министерство. Здесь также помещалось несколько разведывательных отделов.

Когда встал вопрос о назначении первых руководителей SOE, потребовалась консультация старейшины Британской секретной службы – сэра Клода Марджорибэнка Дэнси, знаменитого «дяди Клода», как его с любовью называли все – друзья, начальники, подчиненные. Черчилль очень высоко ценил этого человека, они были близкими друзьями на протяжении полувека. Дэнси участвовал во всех военных кампаниях, которые вела Британская империя. В 1890 году он воевал в Северном Борнео, затем сражался с зулусами, а во время бурской войны, находясь при штабе фельдмаршала Робертса, познакомился с Уинстоном Черчиллем. Во время Первой мировой войны он служил в разведке, а в 1938 году ушел на покой и поселился в своем поместье. Судя по всему, он не предполагал, что жизнь заставит его вернуться

на службу. В 1940 году он стал заместителем директора французского отделения Британской секретной службы, причем его основной функцией стало улаживание многочисленных конфликтов во взаимоотношениях с генералом де Голлем и французской секретной службой. Тот факт, что даже генерал де Голль и полковник Пасси обращались к сэру Клоду «дорогой друг», следует рассматривать как высочайшую оценку его мудрости и доброжелательности, а также как доказательство его воистину удивительного умения общаться с французами в Лондоне.

Дэнси рекомендовал на пост главы SOE сэра Фрэнка Нельсона, бывшего офицера индийской армии, члена парламента от партии консерваторов. Вначале предполагалось, что Нельсон будет работать в сотрудничестве с полковником Грандом из прекратившего свое существование департамента Д. Гранд через несколько дней покинул свой пост без объяснения причин и вернулся в военное министерство, оставив Нельсона в одиночестве. Но офицеры, которые вместе с полковником Грандом прибыли из департамента Д, остались. Среди них был и полковник Ф.Т. Дэвис, которому была поручена подготовка будущих секретных агентов (тех, что успели к этому времени набрать). Майор (позже полковник) Джордж Тейлор, австралиец, долго и плодотворно работал для департамента Д в Югославии и Румынии (до захвата этих стран нацистами), в SOE ему доверили организацию региональных отделений. Полковник Колин Габбинс был назначен ответственным за восточноевропейские отделения, которым на этой стадии придавалось большое значение. Уж слишком горячо поляки из армии генерала Сикорского и чехи, сплотившиеся вокруг Эдварда Бенеша, стремились отомстить за военные действия против своих стран. Поздней осенью Габбинс стал оперативным директором, в круг обязанностей которого входил надзор за функционированием всех региональных отделений. Он стал душой и движущей силой «конторы».

Сэр Фрэнк Нельсон, которому уже было под шестьдесят, оказался неутомимым тружеником. В течение долгих недель он проводил по шестнадцать часов в сутки на рабочем месте, не выглядя уставшим. Ему предстояло выполнить сложную и деликатную работу – сформировать штаб SOE. Для решения финансовых вопросов сэр Фрэнк привлек дипломированного бухгалтера – Джона Веннера. Этот человек стал поистине уникальной фигурой. Он оставался на своем посту в течение всего периода деятельности SOE. Начальником штаба сэра Фрэнка стал майор Тейлор.

Еще один человек стоял у истоков SOE. Это Чарльз Хэмбро. Крупный банкир, глава фирмы и вообще весьма заметная фигура в лондонском Сити, он на протяжении многих лет был личным финансовым советником Черчилля. Его семья имела скандинавские корни, может быть, поэтому он обладал обширными личными и деловыми связями за границей. В 1928 году, в возрасте 30 лет, он стал самым молодым директором Английского банка. Он занимал сильную позицию в государственных структурах, был вхож в высшие круги военных. Был советником Черчилля в период норвежской кампании, в начале войны совершил ряд выдающихся подвигов в Швеции, поэтому сначала ему было поручено заниматься созданием скандинавских отделений SOE, но очень скоро он стал заместителем сэра Фрэнка.

В феврале 1942 года доктор Далтон занял пост в торговой палате, а лорд Сэлбурн стал военно-экономическим министром. Первым делом он поручил м-ру Хэнбери-Уильямсу, главе одной из фирм, провести исследование структуры и деятельности SOE. В тот период SOE, как назло, преследовали неудачи. Поэтому секретный отчет, который Хэнбери-Уильямс представил лорду Сэлбурну, не был благоприятным и содержал резкую критику в адрес работы руководства SOE в 1941 году. Поиски козла отпущения длились недолго. Результатом явилась якобы добровольная отставка сэра Фрэнка Нельсона.

В мае 1942 года на Бейкер-стрит произошли большие перемены. Сэр Чарльз Хэмбро, получивший титул в 1941 году, стал главой SOE, его заместителем был назначен бригадир Колин Габбинс. Весной 1942 года руководство SOE почти полностью сменилось. Сэр Чарльз обладал глубокими и разносторонними знаниями, он быстро воспринимал новое, являясь

энергичной, талантливой и сильной личностью. Больше года он совмещал работу в SOE и на Западной железной дороге, где постоянно возникали сложнейшие проблемы, связанные с военными перевозками.

Много компетентных людей внесло свой вклад в создание SOE, но без полковника (позже генерал-майора) сэра Колина Габбинса контора вряд ли встала бы на ноги. В 1940 году Габбинс умело организовал военную кампанию, которая прикрывала отступление британских экспедиционных сил из Норвегии. В SOE он пришел из военной разведки, а уже в сентябре 1943 года занял пост одного из руководителей.

Однажды вечером в ноябре 1939 года доктор Далтон, только что ставший военно-экономическим министром, посетил торжественный ужин, который давал граф Радзинский – польский посол в Лондоне. Там не ожидалось никакого веселья. Несколькими неделями ранее Польша пала. За столом Далтон сидел рядом с английским полковником, которого ему представили, но имя он не запомнил. Во время застольной беседы Далтон узнал от своего соседа, что тот служил в британской военной миссии и в сентябре, находясь в Варшаве, едва избежал плена. Далтон обычно не имел привычки вести дружеские беседы с полковниками, но неожиданно для самого себя обнаружил, что сидящий рядом с ним офицер очень умен, приятен в общении и отлично информирован. Он говорил, что, если бы польская армия не проявляла романтический героизм, а вовремя отступила к рекам Висле и Бугу, эту линию обороны можно было бы удерживать достаточно долго. Еще он поведал Далтону, что в августе Британия отправила в Польшу 120 «харрикейнов». 28 числа они достигли Дании. И там были задержаны, поскольку никто не мог решить вопрос, кто будет платить 4 тыс. фунтов за перевозку. Самолеты так никогда и не попали в Польшу. А если бы они были доставлены вовремя, история могла бы совершить виток в другую сторону. Габбинс много знал и о нетрадиционных методах ведения войны. Доктор Далтон решил, что этого умного полковника следует обязательно запомнить. Если потребуется, к нему всегда можно будет обратиться за консультацией.

Когда бригадир Габбинс прибыл в штаб SOE, ему было сорок пять лет. Это был худощавый, жилистый мужчина среднего роста с темными волосами и аккуратно подстриженными «военными» усами. Он всегда внимательно смотрел в глаза собеседнику, говорил короткими, отрывистыми фразами. Посторонний наблюдатель мог бы назвать этого человека типичным английским полковником. Его манера поведения была также совершенно обычной, общепринятой. Но за внешностью ординарного армейского служаки скрывался человек, обладавший высочайшим интеллектом и культурой, являвшийся прирожденным лидером и к тому же не лишенный чувства юмора. Все эти качества были ему очень полезны при общении с пестрой толпой банкиров, профессоров, юристов, журналистов, киношников, директоров школ, бездельников, искателей приключений, а также иностранцев из дюжины европейских стран, которые должны были действовать под его руководством. Благодаря своей неиссякаемой энергии бригадир Габбинс вдохнул жизнь в SOE, заразив энтузиазмом и своих подчиненных. Под его руководством работать было отнюдь не просто, он обладал необыкновенной работоспособностью, целеустремленностью и упорством – качествами, которых не хватало многим обитателям Бейкер-стрит.

КАК ДЕЛАЛИ АГЕНТА

Трудности, с которыми сталкивались первые сотрудники SOE, были весьма значительными. Они были настоящими первопроходцами, их деятельность не имела прецедентов ни в одном из военных конфликтов, в которых ранее доводилось участвовать Великобритании.

В мирное время профессиональный офицер-разведчик в обязательном порядке получал общую военную подготовку. Он заканчивал одну из военных академий и назначался на должность после прохождения специального обучения. Находясь за границей, он состоял в штате или, по крайней мере, находился в контакте с дипломатическими или консульскими службами своей страны, всегда мог рассчитывать на защиту и советы надежных друзей. Те немногие профессиональные агенты, которые оставались на вражеской территории во время войны, всегда имели достаточно устойчивое положение и были обеспечены надежной связью.

Величайшая сложность для агентов SOE заключалась в том, что практически все будущие сотрудники, которым предстояло стать организаторами актов саботажа и диверсий, инструкторами действующих на вражеской территории партизанских групп и тайных армий, не были профессионалами.

Генерал Габбинс формулировал задачу следующим образом: первый человек, который отправится на оккупированную территорию, должен проявить свой интеллект и смекалку, чтобы обеспечить собственную безопасность и наладить необходимые связи. При этом действующий в одиночку и излишне общительный агент обязательно подвергнет себя повышенной опасности разоблачения и предательства, поскольку легко может привлечь к себе внимание гестапо.

Человек, который выражает добровольное согласие подвергнуть себя риску и при этом сумеет, несмотря ни на что, уцелеть и выполнить свою задачу, должен быть выдающейся личностью. Вопросы тайной войны, в которых ему предстояло стать экспертом, сложны и разнообразны. Они включают в себя формирование штаба, поиск и обучение надежных помощников и курьеров, организацию приема новых агентов, а также грузов, сброшенных с самолетов, военное обучение местного населения и организацию боевых групп, планирование и выполнение диверсионных акций и многое другое. Чаще всего ему придется уметь пользоваться радиопередатчиком, самостоятельно шифровать и расшифровывать сообщения.

Помимо перечисленных выше обычных операций, перед агентами SOE нередко ставились и весьма неожиданные задачи. Полевому агенту – офицеру SOE – зачастую приходилось служить посредником и стараться примирить враждующие между собой группы движения Сопротивления, всячески сглаживать политическую и личную враждебность, то есть находиться в самом центре сложного клубка интриг. Часто ставились задачи шпионского характера – сбор и передача военной, политической и экономической информации, которая была жизненно необходима различным министерствам.

Первое условие, без выполнения которого полевой агент не имел шансов уцелеть, не говоря уже о выполнении задания, было хорошее владение языком страны, куда он направлялся, знание ее законов и обычаев. Чтобы не привлекать к себе внимание, агенту приходилось маскироваться под местного жителя. Ему нужно было изучить величайшее множество всяких мелочей, о которых люди обычно знают только потому, что живут в своей стране, – популярные песни, фольклор, имена государственных деятелей, писателей, популярных актеров, национальные блюда, напитки и т. д. Всего не перечесать. И разумеется, у агента должны быть надежная легенда, а также профессия и все удостоверяющие личность документы.

Персонал генерала Габбинса почти полностью набирался из рядов вооруженных сил союзников, большую его часть составляли британские офицеры, а также военнослужащие из доминионов. Если же агенты требовались для Голландии, Норвегии, Польши или Чехослова-

кии, использовались национальные кадры, подобранные и рекомендованные находящимися в Лондоне правительствами соответствующих стран. Как правило, люди, которые прибыли в Лондон не в составе своих воинских подразделений в 1940 году, а появились позднее в качестве беженцев или эмигрантов, проходили всестороннюю проверку в Патриотической школе в Лондоне под надзором директора SOE по безопасности Джона Сентера. Набор агентов из рядов вооруженных сил, а также качественная проверка патриотов, как подчеркивал генерал Габбинс, значительно снижали риск проникновения в ряды организации немецких шпионов.

С другой стороны, почти все агенты SOE, направляемые в страны Юго-Восточной Европы – Югославию, Албанию, Грецию, – были англичанами. В Италию также отправляли в основном англичан. Но все они не были секретными агентами в полном смысле этого слова. Они входили в военные миссии и должны были присоединиться к партизанским и повстанческим штабам.

Французское отделение, для которого требовалось самое большое число агентов, также столкнулось с проблемой их поиска. Подробно об этом вы сможете прочитать в следующей главе.

На первичном собеседовании кандидату подробно не объясняли, чем именно он должен заниматься. Ему говорили, что работа будет секретной, иногда намекали, что служба будет проходить за границей. Каждому кандидату зачитывали соответствующие параграфы законов об охране государственной тайны, и он давал подписку о неразглашении. Кроме того, будущий агент давал слово чести никогда и ни при каких условиях не вести ни с кем разговоров о своей будущей работе. Если после нескольких предварительных бесед проводящий их офицер решал, что кандидат обладает всеми необходимыми качествами будущего агента, ему сообщали о необходимости пройти первичную подготовку. Причем его предупреждали, что это вовсе не означает обязательное последующее зачисление в SOE. Может получиться так, что он вернется на службу в свое подразделение. Причем отказ от приема его на службу в SOE не следует считать недооценкой его храбрости. Он может не подойти по совершенно другим личностным качествам. Несмотря на острую необходимость в агентах, многих кандидатов отвергали сразу, а некоторые не проходили предварительную подготовку.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ

В начале войны еще не было специальных школ, в которых готовили бы секретных агентов. Но существовала особая группа инструкторов, которые могли бы работать в таких школах. Когда в 1939 году Красная армия вторглась в Финляндию, англичане начали собирать добровольцев, которые должны были помочь финнам. Следует помнить, что у Сталина был договор о ненападении с Гитлером. Русские оккупировали половину Польши задолго до того, как последовала молниеносная атака немцев на эту страну. Идея отправки в Финляндию добровольческих сил принадлежала Черчиллю и Энтони Идену, занимавшему тогда пост военного министра. Остальные члены кабинета не были в восторге от этого предприятия.

Спешно собрали батальон лыжников, состоящий из 600 офицеров из различных армейских подразделений. Каждый из добровольцев был неплохим лыжником и имел опыт выживания в горах. Добровольцы прошли короткую, лихорадочную подготовку в одном из британских сборных лагерей, поскольку хотя все они и были сильными и выносливыми людьми, но с винтовками обращаться не умели. Затем они направились в Шамони (Альпы), где продолжили подготовку совместно с французскими лыжниками, которым тоже предстояла отправка в Финляндию. Дело закончилось ничем. Финны подписали мирный договор с Россией, причем на совершенно невыгодных для себя условиях, передав 16 тыс. квадратных миль своей территории Советскому Союзу. Батальоны добровольцев были расформированы.

Шотландские гвардейцы полковника Мэйфилда и капитана Билла Стерлинга по заданию военной разведки начали обучать группу младших офицеров, которые впоследствии сами должны были стать инструкторами в школах для агентов «специального назначения». Первая специальная школа была открыта в Инверейлорт-Хаус, в двадцати милях к западу от форта Вильям. Впоследствии в этой школе прошли подготовку многие агенты SOE.

Инверейлорт-Хаус был массивным квадратным строением из гладкого серого камня, расположенным на южном берегу в верхней части Лох-Эйлорт. Благодаря своей холодной и строгой архитектуре здание отлично вписывалось в окружающий его унылый пейзаж. Фасад сооружения был обращен на север к морю, свинцово-серые воды которого либо тихо плескались, почти невидимые в туманной дымке, либо ревели и грохотали, подгоняемые штормовым ветром. Тылная часть здания пряталась в тени мрачной черной скалы, прямо от задней двери начинались густые заросли, которые взбирались довольно высоко по склону, поэтому солнца там не было почти никогда. В Гленфиннane, расположенном в 10 милях к востоку, выпадает самое большое количество осадков на Британских островах...

Как видно, первые агенты SOE обучались среди весьма мрачных декораций, но к 1944 году было создано уже более 60 специальных школ, причем некоторые из них располагались в Италии и Северной Африке. Эта цифра не включает учебные центры, созданные совместно с другими спецслужбами и американским OS S в таких удаленных местах, как Хайфа, Хартум, Цейлон, Австралия и др. Школа SOE в городке Ошава, неподалеку от Торонто, позже стала образцом для американских специальных школ, куда активно приглашались английские инструктора.

Из британских специальных школ SOE вышло 7500 агентов, мужчин и женщин, которые были отправлены в Западную Европу. Еще 4 тыс. человек обучались в средиземноморских школах и были посланы в Италию, Югославию, Грецию, Албанию, другие страны.

Приведенные цифры включают в себя членов вооруженных групп, которые в большом количестве направляли во Францию незадолго перед и сразу после высадки союзников в Нормандии и на юге страны в 1944 году. Они состояли из трех и более одетых в форму и отлично вооруженных офицеров и агентов. Их сбрасывали в только что освобожденных районах с задачей оказать помощь в зачистке территории от немцев.

За первые три года работы SOE (до начала весны 1944 года) в Европу было направлено не более 2000 офицеров.

Первым директором по подготовке агентов стал полковник Джордж Тейлор, ранее служивший в департаменте Д. Ему на смену пришел полковник Дж. С. Вильсон, чей длительный опыт работы в индийской полиции и скаутском движении сделал его незаменимым в обучении агентов, призванных «поджечь Европу». Благодаря стараниям полковника Вильсона школы больше напоминали лагеря скаутов, чем военные подразделения. Атмосфера в них была легкой и неформальной. Инструктора старались привить своим слушателям навыки обращения с взрывчатыми веществами, обучали методам ведения тайной войны. В этих школах обходились без традиционных и по большей части абсолютно бесполезных дисциплин. Инструктора были опытнейшими практиками и щедро делились своими знаниями со слушателями. Когда в 1942 году полковник Вильсон оставил свой пост, чтобы принять командование скандинавскими отделениями SOE, система обучения агентов уже была отлично налажена и эффективно работала.

С расширением SOE и сети специальных школ требовалось все больше и больше свободных помещений. Задача их поиска на территории Великобритании была возложена на лейтенант-полковника Д.Т. Уоллиса, который был по образованию архитектором. Выступая от имени министерства труда, он предлагал владельцам подходящих домов предоставить их для специальных целей. В большинстве случаев удавалось достичь полюбовных соглашений. Хотя иногда и приходилось прибегать к процедуре реквизиции.

Одна из первых школ располагалась в Вонборо-Мэнор – неподалеку от Гилфорда в графстве Суррей. Поместье было построено в 1527 году и начиная с XVII века принадлежало графам Онслоу. Отдавая дань пышному великолепию щедрого XVIII века, в нем устроили удобные гостиные и создали прекрасный парк. А в XX веке там появились немногословные мужчины и женщины, занимавшиеся странными делами. Как и во всех специальных школах, в Вонборо-Мэнор работали женщины из добровольческой организации, члены которой оказывали медицинскую и хозяйственную помощь. Она называлась FANY (First Aid Nursing Yeomanry) и была создана еще в 1907 году. Ее члены – молодые и не очень молодые женщины, происходившие чаще всего из знатных дворянских семей, – были медицинскими сестрами, помощницами по хозяйству, а иногда и просто друзьями для часто не всегда уверенных в себе слушателей школы. Они готовили еду, убирали помещения, заботились об одежде своих подопечных. Эти славные женщины были заботливыми медсестрами, хозяйками, экономками.

Тем не менее отношение к ним было весьма неоднозначным. Постепенно женщины из FANY начали привлекаться и к другим работам. Они стали машинистками, секретарями, шифровальщицами. В 1943 году, когда Королевские войска связи Великобритании начали осуществлять прием и передачу информации агентам, именно эти женщины пополнили ряды радисток. Они работали не за страх, а за совесть, и только очень узкий круг лиц знал о секретной работе, которую они выполняли. Не подлежит сомнению тот факт, что война 1914–1918 годов побудила множество женщин, принадлежавших к высшему классу, забыть о роскоши и наслаждениях и прийти на помощь родной стране.

История хранит имена героинь SOE – Мари Ле Шен, Мари Герберт, Пегги Найт, Андре Боррель, Мадлен Дамермент и многих других храбрых женщин, отдавших свою жизнь во имя будущего. Нельзя не вспомнить Лиз де Безак, Эйлин и Жаклин Нирн, Нэнси Уэйк, Одетту Сэмсон, которые пришли на секретную работу из FANY и отлично зарекомендовали себя в деле. Можно с уверенностью сказать, что эта женская добровольческая организация сыграла важнейшую роль в работе SOE, и утверждение, что без нее SOE вряд ли смогло бы окрепнуть и широко развернуть свою деятельность, отнюдь не является преувеличением.

Жизнь сложилась так, что работа и выдающиеся успехи этих женщин были окутаны покровом тайны, им не суждено было получить публичное признание, которое они по праву

заслужили. В своем письме коменданту FANY Хоуп Гамвелл генерал-майор Габбинс писал: «Мне не хватает слов, чтобы выразить, что значили члены FANY для нашей организации и меня лично. Для организации они были всем, без них мы никогда бы не сумели претворить в жизнь все наши планы. Они были строгими и умелыми хозяйками, добрыми и жизнерадостными друзьями, преданными помощницами в преодолении любых трудностей. Я испытываю гордость при мысли о том, что дал им возможность проявить свои замечательные качества. Эти женщины были восхитительны и воистину бесценны».

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ СЛУЖИТЕЛЕЙ ПЛАЩА И ШПАГИ

Командиром в Вонборо-Мэнор был бывший гвардеец Роджер де Веслоу. По словам сослуживцев, он всегда оставался бравым гвардейцем, но умел находить общий язык с самыми разными людьми. Приверженец строжайшей военной дисциплины, он знал, как справиться с весьма разношерстной публикой, которой были его слушатели. Тонкий знаток в области всевозможных гастрономических изысков и большой гурман, он мог бесконечно обсуждать достоинства итальянской пасты или цыпленка в винном соусе со своими подопечными, большинство которых прибыли с континента.

Будущие агенты должны были получить начальную военную подготовку и овладеть основными навыками, необходимыми на секретной работе. Но, несмотря на столь сложные задачи, атмосфера в школе больше напоминала отдых в загородном доме, чем обучение в военном учебном заведении. Конечно, это был очень засекреченный загородный дом, и вообще все специальные школы тщательно охранялись. Слушателям и сотрудницам FANY не разрешалось покидать пределы учебного заведения и даже общаться со своими семьями. Только в исключительных случаях лучшие из лучших поощрялись поездкой домой, да и то не в начальный период обучения.

Среди первых учеников Вонборо-Мэнор преобладали поляки и норвежцы. Затем появились англичане, канадцы, голландцы, датчане и многие другие. Их обучали представители самых разных военных профессий, а также детективы из Скотленд-Ярда. За ходом учебы наблюдали офицеры из региональных отделений SOE, которые частенько навещали школы, нередко с учащимися беседовали военные психиатры. В начальный период за реакциями слушателей и их поведением в различных жизненных ситуациях внимательно и постоянно наблюдали. К примеру, им предлагались крепкие напитки, причем моделировалась ситуация, при которой ее участники поощрялись к употреблению максимального количества спиртного. Необходимо было узнать, как ведут себя люди под воздействием алкоголя: станут они сонными и молчаливыми или, наоборот, начнут болтать, появятся ли признаки агрессивности, может быть, кто-то даже полезет в драку? Начнут ли они выбалтывать секреты? За студентами наблюдали даже ночью в спальне, чтобы выяснить, не разговаривают ли они во сне, а если разговаривают, то на каком языке. В часы отдыха среди студентов обязательно находились офицеры школы, в задачу которых входило вовремя заметить, становятся ли люди на досуге излишне разговорчивыми. Такие методы могут показаться слишком суровыми и даже не вполне порядочными, но именно так можно было составить наиболее полное представление о том, как поведет себя агент в полевых условиях. Ни одно собеседование не сможет дать такой всеобъемлющей картины.

Не все ученики, как бы ни был велик их энтузиазм, преодолевали начальный период обучения, даже в ситуациях, когда необходимость в агентах была особенно острой. Те же, которым удавалось успешно преодолеть начальный этап, отправлялись в другие школы, где обучались практическим навыкам, которые требовались секретному агенту. Эти люди уже могли быть уверены, что рано или поздно станут агентами.

Следующая ступень – физическое совершенствование. Шефы SOE, часто вопреки требованиям военных инструкторов, не обращали особого внимания на физические возможности будущих агентов. Все-таки из них не готовили командос (хотя и они должны были обладать некоторыми навыками, свойственными десантно-диверсионным войскам). Понятно, что курс физической подготовки был необходим, хотя бы для того, чтобы дать понять будущему агенту, какие трудности его ожидают. Для его прохождения студентов отправляли в различные шотландские лагеря. SOE даже разрешили использовать первую десантно-диверсионную школу в Лох-Эйлорте, позже было создано несколько других, например школа № 26 в Аризеге.

Специальная школа в Миобле (неподалеку от Аризага) располагалась в дикой и недоступной местности. Попастъ туда было очень непросто, да и далеко не всякий был в состоянии вынести долгий и утомительный путь по горным дорогам Шотландии. Студенты учились преодолевать труднопроходимые участки местности, бесшумно двигаться по густым зарослям, переправляться через реки, взрывать мосты учебными взрывчатыми веществами и скрываться от воображаемых немецких патрулей. Они совершали трудные и долгие переходы с тяжелым грузом, для которых требовалась нешуточная физическая выносливость. На завершающей стадии обучения организовывались учебные бои между отрядами сил Сопротивления и эсэсовцами.

Люди по-разному переносили большую физическую нагрузку. Одни в полном смысле этого слова скакали, как горные козлы, не ощущая особых неудобств. Другие, за всю свою жизнь не державшие в руках ничего тяжелее карандаша и считавшие серьезной физической нагрузкой работу локтями в толпе, падали с ног от изнеможения. Но обычно даже в самых тяжелых ситуациях будущим агентам не изменяло чувство юмора. Можно припомнить всего несколько случаев, когда переутомившиеся студенты порывались все бросить и вернуться к своим прежним, пусть не вполне мирным, но не слишком обременительным занятиям. Но после хорошего отдыха обычно все признаки депрессии исчезали. Некоторые студенты даже находили для себя приятные забавы, например, кое-кто пристрастился глушить в ближайшем водоеме лосося зарядами гелигнита. Инструктора смотрели на подобные нарушения сквозь пальцы, поскольку считали это своеобразным проявлением личной инициативы, которую следовало всемерно поощрять.

Закаленные в горах Шотландии, студенты распределялись между следующими школами, имеющими более узкую специализацию. И еще они в обязательном порядке проходили курс прыжков с парашютом. Вначале он был организован в Данхэм-Мэсси-Хаус (графство Чешир), но вскоре число студентов увеличилось настолько, что к делу подключили парашютную школу в Тэттон-парк (Рингвей, возле Манчестера). В ней прошли обучение несколько тысяч секретных агентов, в том числе больше сотни женщин.

Командиром школы был капитан Морис Ньюнхэм, который занимал этот пост со дня ее открытия в 1940 году. Во время Первой мировой войны Ньюнхэм был летчиком, в 1939 году он вернулся на службу, страстно желая снова летать. В тот период ему исполнилось сорок четыре года, и он работал управляющим директором автомобильной компании «Триумф». Вместо стальных крыльев, к которым он стремился всей душой, Ньюнхэм получил стол и гору бумаг в министерстве. Но однажды ему предложили возглавить парашютную школу. Ньюнхэм, в жизни не совершивший ни одного прыжка, сразу же согласился, сочтя эту работу более интересной. Для начала он решил научиться прыгать сам. Ньюнхэм совершил тридцать один прыжок и однажды даже сломал ногу, когда парашют не полностью раскрылся.

Начало тренировок в Рингвей было не вполне удачным. Первыми инструкторами там стали профессиональные парашютисты-артисты, до войны выделявшие в воздухе головокружительные трюки на представлениях знаменитейшего воздушного цирка сэра Алана Гобхэма. Однако их техника была признана бесполезной для практического использования агентами, и тренировки пришлось начинать заново. Школа стремительно росла. К концу войны через нее прошло более 60 тыс. воздушных десантников, включая знаменитые «красные береты», чьи подвиги стали легендами.

Многим секретным агентам пришлось учиться опускаться на воду. Озеро – отличный ориентир для штурмана, определяющего зону выброски. Кроме того, парашют может быть отнесен порывом ветра в сторону от места предполагаемого приземления, поэтому он вполне может опуститься в озеро, в реку, на дерево. Частенько агентов приходилось вылавливать из озера в Тэттон-парк, причем только парашюты спасали их от погружения на дно.

До начала прыжков студенты должны были прослушать несколько лекций. Обычно их читал *уоррент-офицер* Джо Сазерленд, в котором явно погиб великий комик. Сначала он долго и велеречиво втолковывал студентам, что от парашюта, то есть от восьмидесяти ярдов цветного шелка, зависит человеческая жизнь. Он заверял робевших перед первым прыжком мужчин и женщин, что упомянутый парашют – вещь весьма прочная, неплохо сделанная и обладающая довольно высокой степенью надежности. Но неизменно в заключение сообщал, что на все это не стоит рассчитывать, поскольку успешное приземление зависит только от мастерства парашютиста, который должен обладать недюжинным умом и уметь им вовремя воспользоваться. Поэтому все сидящие перед ним студенты, радовал он своих слушателей, – ближайшие кандидаты в покойники, и самое лучшее, что они могут сделать, – это бросить все и разбежаться по домам, причем чем быстрее, тем лучше. Это был истинно английский способ, основываясь на парадоксах, поднимать моральный дух аудитории. Многие студенты вспоминают историю, рассказанную Сазерлендом, в которой речь шла о новичке, который никак не мог решиться на прыжок. В какой-то момент он со злостью вытащил изо рта зубной протез и спрятал его в карман. Когда после благополучного приземления его спросили, зачем он это сделал, парашютист раздраженно ответил: «Мне пришлось... они чертовски громко стучали».

НЕ УБИВАЙТЕ НЕМЦА

Некоторые студенты вторую часть своего обучения начинали в Брокхолле (между Дейвентри и Нортхемптоном), который в течение столетий принадлежал семейству Торнтон. Сам полковник Т.А. Торнтон предложил это здание SOE. Другие отправлялись в Белазис (возле Доркинга, Суррей) или в Чорли-Вуд (Хертфордшир). Основная часть голландских и норвежских агентов проходила обучение в школе № 45, расположенной в замке Хэтероп в Глосестершире. Сейчас в этом красивейшем здании располагается одна из школ для девочек. Должно быть, таким образом духи дома получили своеобразную компенсацию за все, что им пришлось наблюдать в этих стенах в военные годы.

Во всех этих школах студенты получали основные навыки, необходимые работникам «плаща и шпаги». Помимо всего прочего, их обучали приемам ведения ближнего боя без оружия, совсем как шпионов, подвиги которых нам так часто показывают в кино и по телевизору. В Эстон-Хаус в Хертфордшире двое бывших полицейских, Сайке и Фэрберн, получивших капитанские звания, учили своих студентов убивать. Сайке любил повторять, что «ножом следует владеть так же виртуозно, как художник – кистью». Но вместе с тем всегда советовал озадаченным студентам первым делом «бить противника по яйцам, и как можно сильнее».

А в Брокхолле сержант Гарри Корт, обучивший более тысячи агентов SOE и прочих спецслужб, практиковал совершенно иной подход к проблеме. «Не убивайте немца, – часто повторял он, – лучше отправьте его на полгода в госпиталь. Нам так выгоднее. Раненому солдату требуется лечение и уход, на что будет затрачено большое количество немецких человеко-часов. Мертвого солдата зароят и забудут». Он в совершенстве владел искусством обезвреживать немецких часовых и учил других это делать молча, внезапно, безжалостно. Чтобы научиться нападать, студентам следовало освоить две основные составляющие процесса: понять принцип действия рычага и изучить наиболее уязвимые точки человеческого тела. Корт часто говорил студентам: «Забудьте о кулачных боях, которые вы часто видите в гангстерских фильмах. Не вспоминайте и об уроках бокса, которые вам могли давать на предыдущих стадиях обучения или в спортивных клубах. Не стоит утруждать свои кулаки. Вы только в кровь разобьете костяшки пальцев, а это больно». Он учил наносить удар нижней частью открытой ладони, ломая противнику челюсть, или бить ребром ладони по уязвимым точкам тела. Мирная тросточка или зонтик, согласно Карту, в умелых руках могли стать такими же смертоносными, как шпага. У любого человека, утверждал он, в кармане всегда есть оружие – пилочка для ногтей, расческа, авторучка. В процессе обучения студенты овладевали также навыками дзюдо.

В школе № 17 в Хэтфилде (Хертфордшир) преподавали как первичную подготовку, так и специальный курс промышленного саботажа. А в школе № 40 в Бедфорде обучали главным образом радистов. Кстати, и в Хэтфилде готовили весьма неплохих «пианистов».

Каждый студент в обязательном порядке учился стрелять, а также правильно обращаться с винтовкой и пистолетом. Он должен был уметь пользоваться, разбирать и собирать разные типы оружия, включая винтовки, пистолеты, «стены», «брены», базуки и «пиаты». Начиная с 1942 года именно они были на вооружении у бойцов Сопротивления. Причем студент должен был уметь не только сам надлежащим образом обращаться с оружием, но и быстро обучить этому других, к тому же в полевых условиях. Помимо этого студенты проходили обязательный курс обращения с различными взрывчатыми веществами. Этот курс включал и практические занятия, в школах проводились акции по уничтожению вполне конкретных объектов – бетонных пилонов, стен, железнодорожных веток, проложенных специально для этих целей, даже небольших зданий. Саперы и военные инженеры обучали будущих диверсантов тонкостям своего дела.

В конце концов студентов переводили в одну из школ для прохождения завершающей стадии обучения. Самой известной из них, и самой засекреченной, во время войны была школа SOE в Болье, родовом поместье лордов Монтегю в Нью-Форест. Там командовал полковник Фрэнк Спунер, много лет прослуживший в Индии. У него собралась очень представительная команда инструкторов, в которой было даже несколько инспекторов из Скотленд-Ярда.

Полковник Фараго, офицер американской разведки, сказал, что англичане дали миру нескольких воистину исключительных разведчиков, что явилось результатом отлично организованной системы подготовки, стимулирующей развитие интеллекта, необходимого в этой работе. Впоследствии он добавил, что наиболее выдающиеся английские разведчики, а, по его мнению, в их число вошло немало офицеров SOE, получили знания, которые дают в публичных школах, Колдстримском гвардейском полку, Кембридже, Оксфорде и у горцев Камерона. Хотя это утверждение и можно рассматривать как комплимент, оно не вполне верно. Многие из агентов SOE не имели такой впечатляющей подготовки. Но одно не подлежит сомнению: на завершающих стадиях обучения в школах преподавали блестящие офицеры, обладающие высочайшей квалификацией, и их влияние не могло не сказаться на выпускниках.

В Болье агенты жили в коттеджах, расположенных по всей территории поместья, романтически именовавшегося «Дом на берегу», или «Дом в лесу». Каждый день агенты собирались в главном зале, чтобы прослушать последние наставления. (Сейчас туда по воскресеньям приезжают туристы и платят 35 центов за возможность осмотреть выставку старинных машин.) Чтобы вжиться в новый образ, необходимо время. Агенты регулярно встречались с курирующими их офицерами, в чьи обязанности входил постоянный контакт и помощь агенту до момента его отправки на задание. Многие из курирующих офицеров успели сами побывать в шкуре полевого агента, поэтому щедро делились собственным опытом. Студенты становились настоящими профессионалами в чтении карт, шифровании, микрофотографии, а также приобретали умение обеспечить безопасность свою собственную и будущих соратников.

Они узнавали, как выбрать безопасное жилье, установить первые контакты, использовать курьеров, назначать даты встреч, связываться с участниками Сопротивления, готовить посадочные площадки для приема новых агентов и грузов, как пользоваться фальшивыми документами. Кроме того, они узнавали, чего ни в коем случае не следует делать, чтобы не подвергать себя угрозе разоблачения и плена. Им давали микрофильмы с заданием спрятать их в любом месте на теле, затем агентов обыскивали опытные в этом деле инструктора, большинство из которых ранее служили в Скотленд-Ярде. Некоторые студенты здорово наловчились в этом деле и впоследствии имели все шансы стать удачливыми контрабандистами.

Периодически имитировались допросы в гестапо. Они выглядели очень натурально, разве что обходилось без избиения и пыток. Все остальные атрибуты – грубые крики, яркий свет в лицо, плетки, прутья и т. п. на этих допросах присутствовали. По окончании этого весьма неприятного урока студенту давали выпить, после чего объясняли все допущенные им ошибки и объясняли, как следует себя вести в реальной ситуации.

РАДИОСВЯЗЬ

Будущие агенты были обязаны как следует проникнуться сознанием необходимости и жизненной важности радиосвязи. Выполнение полевым агентом задания напрямую зависело от наличия регулярной связи со своим штабом. Отрезанный от штаба, не имеющий возможности получить инструкции и доложить о результатах своей работы, агент сразу потеряет свою значимость, и даже самые отчаянные подвиги будут иметь небольшую ценность. Вероятно, такой агент сможет выступить в роли одинокого волка и причинить врагу ощутимое беспокойство, проведя акцию саботажа или осуществив диверсию – к примеру, подорвав железнодорожную ветку или электростанцию. Но даже такое внушительное действие станет не более чем булавочным уколom для врага, если оно не будет частью целенаправленной общей стратегии.

Главной задачей агента SOE была организация и обучение групп Сопротивления, которые впоследствии должны были слиться в тайные армии, оказывающие действенную помощь войскам союзников путем проведения диверсий на вражеских коммуникациях, разрушения железных и автомобильных дорог, создания помех продвижению грузов. На завершающем этапе тайные армии должны были начать военные действия в тылу врага. Каждый полевой агент напрямую зависел от возможности получения соответствующих инструкций своего руководства, равно как и от снабжения его по воздуху различными грузами, оружием, взрывчаткой и деньгами. Он должен был регулярно информировать штаб о своих действиях. Во многих отношениях благополучие агента зависело от регулярности его радиоконтактов с руководством. Если организованная им сеть или же его собственная безопасность оказывалась под угрозой, агент мог попросить о помощи, к примеру, вывезти его в безопасное место, направить к другому агенту в один из соседних районов, указать путь ухода. Поэтому подавляющее большинство агентов учились работать с радиопередатчиком. С теми, кто имел специальные задания и должен был выступать в роли офицера связи, инструктора по диверсионным операциям и т. д., посылали «пианиста».

Если агент по какой-то причине не имел прямого радиоконтакта со своим руководством, существовала возможность передачи ему инструкций, используя радиовещание Би-би-си. Заранее оговоренные кодовые фразы, предназначенные лично для конкретного агента, передавались в различных иностранных программах. Радиостанция Би-би-си вела круглосуточные передачи на иностранных языках на все оккупированные страны. Такое послание должно было непременно попасть к агенту, потому что у последнего непременно отыскивались бы друзья, имеющие радиоприемник (хотя немцы запрещали жителям оккупированных стран слушать Би-би-си). Но полагаться только на такой способ связи было очень рискованно хотя бы потому, что он был односторонним. Даже если агент получил сообщение и правильно его понял, он все равно не имел возможности ответить.

Для контактов с агентами часто использовали специальных курьеров, которые передавали и собирали сообщения через нейтральные страны. Таким способом часто пользовались в Дании и Норвегии через нейтральную Швецию. Нередко к нему же прибегали во Франции и Италии, на этот раз через Швейцарию. Такой способ связи тоже был достаточно рискованным и использовался нерегулярно.

Единственным способом установить регулярный и двухсторонний контакт с агентом оставалось использование радиосвязи. Поэтому на оккупированных территориях создавались подпольные радиостанции, несмотря на то что и в этом случае риск был исключительно велик. Агент или его радист должны были уметь передавать и принимать зашифрованные сообщения. Немцам, если они успевали их перехватить, приходилось немало потрудиться, чтобы расшифровать.

Используя специальные кристаллы, каждый передатчик настраивали на одну из принимающих станций, которые были в изобилии установлены в самых разных частях Великобритании. Обычно радиооператоры выходили в эфир в строго установленное время, например каждый вторник, четверг, субботу и воскресенье в 7.00. Все сообщения были зашифрованы и содержали один или два сигнала проверки безопасности. В дополнение к этому оператору обязательно задавались проверочные вопросы и тщательно проверялись полученные ответы. Ответ должен был состоять из заранее установленной короткой фразы. К примеру, на вопрос «Ваша рубашка чистая?» ответ мог быть таким: «Солнце светит ярко».

Конечно, были случаи, когда агент на допросе в гестапо называл все предусмотренные сигналы проверки безопасности или, по крайней мере, один из них. Но если проверочные ответы были правильными, шифр все равно мог оказаться неразгаданным. У радиста на приеме также существовала возможность проверить, кто передал сообщение: свой радиооператор или же чужой. Обычно сообщения от агента в установленное время принимались одной и той же телеграфисткой FANY. Таким образом, у каждого агента где-то в далеком Оксфордшире или Глосестершире существовала «крестная мать», сидящая у радиоприемника. Она отлично знала «почерк» своего подопечного и моментально определяла чужака.

Но во многих случаях все перечисленные меры безопасности оказывались бесполезными. Некоторые операторы забывали передать сигналы проверки безопасности, поскольку слишком торопились или были чем-то напуганы. По этим же причинам у агентов мог меняться и почерк. Иногда поступали обрывочные сообщения, а также сообщения с перепутанными буквами и цифрами. Во многих случаях на это не обращали внимания, а информацию рассматривали как достоверную и подлинную. Как мы в дальнейшем увидим, последствия этого зачастую оказывались трагическими.

Хотя небрежность и невнимательность к правилам безопасности в любом случае недопустима, в особенности там, где речь идет о человеческой жизни, нельзя забывать, что через радиостанции SOE проходило около двух миллионов слов в неделю. Это очень много!

Радисты, работающие на оккупированных территориях, постоянно подвергались серьезной опасности. Немецкая служба радиопеленгации (Funkpeildienst) денно и нощно бдительно несла свою вахту. Нельзя было сбрасывать со счетов и наличие объективных причин возникновения ошибок в передачах – атмосферных и прочих помех. Тем не менее радиосвязь с агентом была движущей силой всей его деятельности.

Многие радисты блестяще овладели профессией, даже превзошли ожидания своих наставников. В Великобритании у приемных станций сидели сотни мужчин и женщин из FANY и войск связи, выполнявших кропотливую работу по шифровке, дешифровке и техническому обеспечению передачи и приема сообщений. Иногда шифровальщицами были только женщины из FANY. Можно привести такой характерный пример: весной 1942 года начала работать станция № 53А в Бисестере. На ней было три радиста и четыре шифровальщицы из FANY. Через год число работающих на этой станции достигло 125 человек. В феврале 1943 года в Эйлсбери была открыта станция № 53В, чтобы немного разгрузить станцию в Бисестере. Сначала туда перевели 83 служащих из FANY, но уже к октябрю 1943 года численность персонала станции возросла до 200 человек, включая 60 шифровальщиц FANY.

В ПОЛЕ

На завершающей стадии обучения агент попадал в сборный лагерь, куда в обязательном порядке прибывали все выпускники, которым предстояла отправка на оккупированные территории. Один из них располагался в Фоли-Корт (неподалеку от Хенлион-Темз). Его командиром был майор Томас Линдси, храбрый ирландский гвардеец. Другой находился в Темпсфорд-Хаус (Бедфордшир) рядом с аэродромом, на котором базировалась Лунная эскадрилья, занимавшаяся заброской агентов в Европу. Здесь командовал майор Арчибальд Роуз. Школа безопасности в Болье тоже использовалась как сборный лагерь.

Время пребывания агента в лагере зависело от погоды и готовности самолета. Если агент попадал в лагерь за несколько дней до начала новолуния и погода была плохой, ему приходилось ожидать три-четыре недели. Многие агенты испытывали непреодолимый страх перед грядущей заброской, поэтому им приходилось несколько раз пересекать Ла-Манш или Северное море, прежде чем они набирались смелости и совершали прыжок с парашютом. Иногда самолеты несколько раз подряд были вынуждены возвращаться на базу из-за ненастной погоды, плохой видимости, атак вражеских самолетов или зенитного огня. Только в исключительных случаях агента сбрасывали «вслепую», то есть когда на земле его никто не ждал и не обозначил огнями посадочную площадку. Как правило, время прибытия агента сообщалось радисту «в поле», тот получал сообщение и подтверждал его. Это означало, что в назначенное время в условленном месте все будет готово к приему нового агента. Конечно, не обходилось без случайностей, но они были скорее исключением, чем правилом.

Помимо непосредственного радиоконтакта между «домашней» и «полевой» станциями, информация о вылете самолета в самый последний момент передавалась с помощью условной фразы в программах BBC. В годы войны нередко более чем странные сообщения озадачивали непосвященных радиослушателей. К примеру, невпопад произнесенная в какой-то из передач фраза «Жан сегодня не брился» вполне могла означать задержку вылета очередного секретного агента.

Отделения SOE использовали некое количество самолетов Королевских BBC для заброски агентов, доставки на оккупированные территории оружия и припасов. Транспорта всегда не хватало. По этой причине до 1943 года между шефами SOE и руководством министерства воздушного транспорта нередко возникали нешуточные баталии. SOE приходилось постоянно доказывать жизненную необходимость наличия достаточного количества самолетов для обеспечения своей деятельности и к тому же обосновывать целесообразность немалых расходов, если приходилось отправлять аэроплан, к примеру, в далекую Польшу.

До того как война в 1943–1944 годах охватила Италию и Северную Африку, большинство агентов SOE забрасывали, используя самолеты эскадрильи специального назначения, базирующейся в Темпсфорде. Подводные лодки были слишком дороги, чтобы часто подвергать их риску. В срочных случаях для высадки агента на континент или, наоборот, для доставки его домой иногда использовали обычные моторные лодки. Как и субмарины, их было просто увидеть с воздуха. К тому же французское и голландское побережье слишком хорошо охранялось немцами. Морской транспорт часто использовался для перевозки агентов в Норвегию. Для стран Средиземноморья морской транспорт был более приемлемым, чем любой другой. Иногда агентов везли субмарины, но чаще это были небольшие моторки, живописные фелюги или грязные, провонявшие сельдью рыбацкие лодки.

Однако именно самолет труднее всего обнаружить, поэтому большинство перевозок SOE было поручено Темпсфордской Лунной эскадрилье. Пилоты 138-й эскадрильи несли свою нелегкую службу с достоинством. Они везли молчаливых мужчин и женщин и сбрасывали их с

парашютами где-то над Европой. При этом им часто не удавалось перебраться даже несколькими словами со своими пассажирами, и уж тем более они не знали их имен.

На долю пилотов 161-й эскадрильи выпала еще более сложная и опасная задача. Им приходилось сажать самолеты на оккупированных территориях Европы. Взлетно-посадочные полосы для них готовили члены групп Сопротивления, и все это происходило чаще всего под носом у гестапо. Ведя самолет на посадку, летчик никогда не знал, кто его встретит на земле. А немцы открыли настоящий сезон охоты на английских пилотов. Однажды гестапо узнало время и место ожидаемого прибытия самолета, так же как и условные сигналы, и приготовилось захватить самолет, груз и пилота. Предупрежденный в самый последний момент, летчик, едва коснувшись колесами земли, снова поднялся в воздух. Ему удалось благополучно вернуться домой, хотя плоскости его воздушного судна были во многих местах прошиты пулями.

Чаще всего для таких полетов использовались небольшие «лизандеры», окрашенные в черный или серебристый цвет. Если сравнивать с другими самолетами, для взлета и приземления этого малыша требовалась площадка размером всего лишь с носовой платок. К тому же, если его колеса увязали в земле, его могла сдвинуть и вытолкнуть на ровное место группа из нескольких человек. К приему самолета на земле всегда готовились заранее, но никогда не было полной уверенности, что все пройдет хорошо. Часто «лизандеры» возвращались изрядно потрепанные зенитным огнем, с намотанными на колеса проводами из оборванных линий электропередачи, с застрявшими в шасси ветками деревьев и кустов.

Агент, готовый отправиться в сборный лагерь, имел собственного офицера-куратора из соответствующего отделения SOE. Причем это был не просто человек, сопровождающий агента. Это был его наставник, призванный облегчить последние дни пребывания агента в Великобритании, еще раз проверить и перепроверить снаряжение, поделиться личным опытом, помочь вжиться в свою новую роль.

В сборном лагере еще раз проверялась и уточнялась легенда агента, его новая биография. Лейтенант Джон Смит становился Жаком Дюпоном, агрономом из Оверни или коммивояжером из Бордо. Это была другая личность, имевшая семью, включающую дядю Жака и тетю Женевьеву. Разбуженный среди ночи, он должен был без запинки назвать имена своих школьных товарищей в Мориаке и название улицы в пригороде Бордо или Бакала-на, где он родился. Иногда его легенда была почти полностью правдивой, потому что многие агенты долгие годы жили за границей.

НАУЧНЫЙ ПОДХОД К ПОДДЕЛКЕ ДОКУМЕНТОВ. УЧЕНЫЕ НА СЛУЖБЕ SOE

Превращение агента в нового человека было сложным и многогранным процессом, продуманным до мельчайших деталей. Усилия множества людей пропадут даром, если гестапо, осмотрев одежду агента после ареста, обнаружит, что он носит новые туфли, произведенные на Нортхемптонской фабрике, или оставил в кармане обрывок билета в Кенсингтонский театр. Предусмотреть такие детали было обязанностью офицера-куратора. Иногда ему помогали работавшие в SOE детективы из Скотленд-Ярда. Они прощупывали каждый шов на одежде агента, проверяли карманы, не осталась ли в них пыль от виргинского табака, не завалился ли случайно сделанный в Великобритании карандаш или клочок бумаги, на котором можно разглядеть водяные знаки «Бонд».

Разумеется, агента снабжали полным комплектом документов, удостоверяющих личность, которые были подлинными либо очень качественно подделанными. Бюрократический контроль в Европе всегда был очень строгим, но при нацистах он еще более ужесточился. Французы, норвежцы, голландцы, бельгийцы и датчане должны были иметь при себе документы, удостоверяющие личность, пропуска, разрешения, рабочие и продовольственные карточки. Эти документы проверялись в первую очередь, если человека останавливал немецкий патруль.

Первые агенты, отправленные в Европу в 1941 году, были снабжены кое-как сфабрикованными документами. Довольно скоро стало очевидным, что такие бумаги – пропуск прямо на тот свет.

Вскоре SOE в сотрудничестве с департаментом научных исследований, возглавляемым профессором Дадли Морисом Ньюитом из Имперского научного колледжа в Кенсингтоне, создали целую сеть лабораторий, которые начали производить фантастическое разнообразие всевозможных специальных предметов и оборудования, необходимых агенту для того, чтобы выжить, а иногда и для того, чтобы умереть. В лаборатории, выпускающие поддельные документы, были привлечены лучшие в Великобритании специалисты, ранее занимавшиеся печатанием британских почтовых марок, разработкой мер защиты для денежных знаков и ценных бумаг. Специальные типографские машины тысячами печатали французские *cartes d'identité* и *feuilles semestrelles*, датские *paaspoorts*, немецкие военные *Passierscheine* и другие документы. Агенту SOE требовалась свобода передвижения, которой не обладало гражданское население, поэтому для них печатались специальные пропуска, выдаваемые немецкой фельдкомендатурой для отдельных категорий гражданских лиц.

Кроме поддельных документов, каждому агенту предлагалась специальная таблетка с цианистым калием, поскольку нельзя было исключить вероятность ареста, а значит, и пыток, которые ему (или ей) могут оказаться не по силам. Чтобы не подвергать себя лишним мучениям и не выдать помимо воли своих друзей, агент мог воспользоваться этой таблеткой. Ее оболочка была нерастворимой, поэтому, если таблетку просто проглотить, она проходила через организм, не причиняя ему вреда. Если же ее раздавить зубами, яд убивал мгновенно.

Но все же подавляющее большинство научных подразделений занималось проблемой обеспечения выживания агентов. Большую роль в этом деле сыграл человек, который к началу войны уже имел богатейший опыт работы в мире лжи и притворства.

Элдер Уиллз во время Первой мировой войны служил в военно-воздушных силах, затем он некоторое время изучал архитектуру, после чего стал художником-декоратором в театре Друри-Лейн. Далее он пришел в мир кино, успел поработать продюсером и художественным директором. В 1939 году Уиллз отправился во Францию в составе Британского экспедиционного корпуса, где весьма успешно решал проблемы маскировки. Из Дюнкерка он вернулся

с ранением ноги. Затем в течение года занимался маскировкой зданий и аэродромов, строительством картонных танков и самолетов, призванных ввести в заблуждение люфтваффе. А в ноябре 1941 года его пригласили к профессору Ньюиту, после чего капитан (позже лейтенант-полковник) Уиллз стал руководителем самого странного на свете бизнеса.

Его первым заданием было создать приемлемый чемодан для радиопередатчиков, с которыми агенты отправлялись в Европу. До сих пор для этой цели использовались обычные и, главное, одинаковые чемоданчики, которые уже успели примелькаться. Если немцы поймали одного-двух агентов с такими чемоданами, все остальные, имевшие при себе такие же модели, автоматически оказывались под угрозой. Уиллз подошел к проблеме серьезно. Он долго собирал всевозможные сумки и чемоданы, выпускаемые на континенте. Для этого он обошел всех лондонских старьевщиков, кое-что ему удалось под разными предлогами позаимствовать у своих друзей и знакомых. Затем найденное подверглось специальной обработке, чтобы вещь выглядела достаточно поношенной, снабжалось двойным дном и серией потайных карманов.

Вслед за этим перед Уиллзом была поставлена задача тайнописи. Он изобрел новые невидимые чернила, которые проявлялись только под инфракрасным светом, сконструировал маленькие фонарики со встроенными инфракрасными дисками. Никто не мог заподозрить в чем-то противозаконном человека только за то, что у него в кармане лежит фонарик, это была совершенно обычная вещь в условиях постоянного отсутствия электричества во многих регионах Европы.

В лаборатории полковника Уиллза выпускали микропленку такого размера, что ее, помещенную в специальный контейнер, можно было легко спрятать на теле, например в ноздре. Была создана спичка, внутри которой помещался микрофильм, где заснято восемь листов бумаги. Такую спичку можно было положить в обычный коробок. От других она отличалась лишь едва заметной щербинкой. Широко применялись и другие обычные в повседневном обиходе предметы: тюбики зубной пасты со специально встроенными потайными отделениями, шнурки для ботинок с полой мягкой трубкой внутри, специальные точки, которые наносились на стекло очков или часов. Они имели размер не больше обычной пылинки, но, подвергшись специальному фотоувеличению, давали шифр или инструкции для агента, содержащие до 500 слов.

Проблема хранения радиопередатчиков и кодов в конечном счете была решена с использованием туалетов. Агентам было предложено, обосновавшись в надежном, безопасном доме, хранить свои радиопередатчики в сливных бачках.

Была даже разработана специальная конструкция, чтобы обеспечить доступ воздуха к прибору. Шифры записывались невидимыми чернилами на нижнем белье. Так что, посещая туалет, агент имел все необходимое для выхода в эфир.

Принято считать, что в первую очередь человека выдает голос, а во вторую – одежда. Заинтересовавшись этим вопросом, Уиллз привлек на помощь в качестве консультанта по моде опытного портного, старого еврея-эмигранта из Вены. Французский стиль одежды сильно отличается от английского, а следует еще предусмотреть всевозможные мелкие детали, вплоть до нижнего белья. Портной с трудом говорил по-английски, но закончил войну в чине капитана британской армии. Он открыл небольшую секретную фабрику на Маргарет-стрит, где работали особо доверенные портные и белошвейки. Кроме того, он совершал регулярные визиты в лондонские синагоги, где разыскивал таких же, как и он, беженцев, и покупал у них старую одежду, а иногда даже ярлыки с курток и рубашек, на которых значились названия парижских или амстердамских фирм. Позже такие ярлыки стали весьма успешно изготавливать в его мастерских. Одна из нортхемптонских фирм производила «континентальные» туфли и ботинки, которые впоследствии снабжались в лабораториях Уиллза сдвигающимися каблуками, куда можно было спрятать микрофильмы и шифры.

Под руководством своего непосредственного начальника полковника Ф.Т. Дэвиса Уиллз создал разветвленную серию лабораторий и мастерских в Лондоне и за его пределами. Одна из них располагалась в заброшенной плотницкой лавке у Музея Альберта и Виктории. Немалую помощь Уиллзу оказали его бывшие сотрудники со студии Элтре – мебельщики, гримеры, декораторы, каждый из которых являлся уникальным специалистом в великом искусстве притворства и лицедейства. Потребность в продукции этих мастерских неуклонно возрастала, и подполковнику Уиллзу приходилось постоянно заботиться о создании новых – в Музее естественной истории, офисе у Куинс-Гейт. Со временем для этих целей было приспособлено большое здание в Течт-Барн.

Тем временем научно-исследовательская мысль служащих подполковника Уиллза не останавливалась на достигнутом. Помимо обеспечения выживания полевых агентов, сотрудники лабораторий были заняты еще и в ряде оборонных проектов.

В Течт-Барн и на некоторых секретных заводах производили мины ста различных модификаций, причем все они были маленькими, легкими, простыми в обращении. Если бы немцам довелось ознакомиться с перечнем выпускаемой на этих предприятиях продукции, они наверняка всерьез задумались бы, можно ли без опаски дотрагиваться хотя бы до какого-нибудь из предметов повседневного обихода. К примеру, выпускались бутылки с молоком, которые могли быть доставлены в гестапо или домой к немецким военным чинам, и взрывались, если с них снимали крышку. Также производились буханки хлеба, способные вызвать нешуточные разрушения, если только от них отрезать кусок, шариковые ручки, выбрасывающие струю яда, и т. д.

Зимой 1942/43 года были выпущены тонны искусственного угля и бревен для растопки каминов, которые внешне ничем не отличались от обычных, но были начинены взрывчаткой. Сброшенные в специальных контейнерах агентам SOE и их помощникам из групп Сопротивления, они в дальнейшем вполне открыто перевозились по дорогам оккупированной Европы и предназначались для немецких казарм, комендатур, офисов гестапо.

Одной из самых удачных идей Уиллза в части разработки мин-ловушек была их маскировка под испражнения животных – лошадей, мулов, верблюдов, слонов. Для этого были привлечены такие маститые ученые, как профессор Джулиан Хаксли, являвшийся тогда секретарем Лондонского зоологического общества, сотрудники Музея естественной истории и другие опытейшие специалисты. Испражнения делались из пластика и раскрашивались вручную, чтобы максимально приблизиться к реальности. Затем они рассылались в соответствующие страны: лошадиный помет – в Северную и Западную Европу, испражнения крупного рогатого скота – на юго-восток Европы, верблюдов – в Северную Африку, слонов – на Ближний Восток. Боец Сопротивления мог, практически ничего не опасаясь, ехать с тележкой навоза по дороге и незаметно оставить среди настоящих экскрементов животных несколько искусственных, причем сделать это перед проезжающей машиной с немцами или марширующим взводом солдат. Накладок почти не случалось. Люди и техника взлетали в воздух.

Из Течт-Барн полевым агентам SOE во Франции, Бельгии, Голландии и прочих оккупированных странах было отправлено около 14 тыс. сигарет, наполненных зажигательными и взрывчатыми веществами. С их помощью был причинен значительный вред немецким складам горючего и боеприпасов.

Французские железнодорожные и заводские рабочие активно использовали изобретенные Уиллзом и его командой полые внутри болты и гайки, которые наполнялись взрывчаткой. Их можно было вполне открыто использовать при ремонте железнодорожных составов, всевозможных машин и оборудования. Легко догадаться, что последствия такого «ремонта» были ужасающими. И вообще описание изобретений подполковника Уиллза является воистину захватывающим чтивом.

Уиллз также разрабатывал всевозможные средства и приборы, предназначенные для спасения. Но в этой области более удачливым оказалось отделение специальных сообщений военного министерства, возглавляемое полковником (позже сэром Джоном) Расселом, который на гражданке был весьма известным юристом. Майор Клейтон Хаттон, так же как и Уиллз бывший киношник, изобрел ряд уникальных средств спасения. Первоначально они предназначались для побега заключенных из немецких лагерей военнопленных. Но вскоре и полевые агенты обнаружили, что эти компактные вещицы являются нешуточным подспорьем в их нелегком поединке с гестапо.

Среди средств спасения, изобретенных майором Хаттоном, можно назвать крошечные компасы, спрятанные в пуговицах, кольцах с печатками, карандашах и курительных трубках, географические карты с обозначением безопасных маршрутов, отпечатанные на тончайшем шелке. Такие карты было очень легко спрятать в нижнем белье, за подкладкой одежды, в обуви. Были сделаны даже небольшие, но удивительно надежные напильники, предназначенные для передачи заключенным в тюрьмы. Они были длиной всего пять дюймов.

Одной из важнейших задач, требовавших решения для обеспечения нормальной работы агента SOE, было финансирование. Агент должен был постоянно располагать денежными средствами, позволяющими ему производить на черном рынке покупки, обеспечивающие жизнедеятельность подпольных групп. Обычно агентов отправляли на задание с достаточно большой суммой в валюте соответствующей страны, взятой из предвоенных запасов казначейства Великобритании. Но деньги имеют обыкновение заканчиваться, и, если агент оставался в чужой стране надолго, через какое-то время финансовый вопрос возникал снова.

Первое время деньги, причем очень значительные суммы, сбрасывались с самолетов в специальных контейнерах. Но таким образом не всегда удавалось обеспечить их сохранность. Со временем финансовым отделением SOE, возглавляемым полковником Джоном Веннером, была разработана сложная схема финансовых бартерных сделок. Агенты SOE направлялись к конкретным банкирам, бизнесменам, а иногда и просто к богатым людям, и просили дать им денег, объясняя, что в действительности они дают займы британскому правительству. Долг будет непременно возвращен, если потребует, с процентами, после войны. Агент, явившийся к богачу за деньгами, не мог подтвердить свои полномочия, а также предоставить гарантии сделки от имени правительства Великобритании. Чтобы преодолеть это затруднение, агент мог предложить банкиру, чтобы в его адрес прозвучало послание, переданное в эфире BBC. Финансист сам составлял условную фразу, агент отправлял соответствующее радиосообщение на Бейкер-стрит, и днем позже условная фраза несколько раз звучала в соответствующих национальных программах. Таким образом сделка подтверждалась от имени правительства. Для банкиров этого было достаточно, и много богатых людей во Франции, Голландии и других европейских странах с охотой отдавали деньги агентам SOE, не требуя никаких расписок и гарантий. После освобождения Европы все эти займы были возмещены Британским казначейством.

Чтобы обеспечить агентов долларами, SOE приходилось добывать их в США. Дополнительная трудность заключалась в том, что деньги нужны были в банкнотах небольшого достоинства – по пять и десять долларов. SOE были крайне необходимы доллары, чтобы отправлять своих секретных агентов в Польшу и другие страны Восточной Европы. В период между февралем и июнем 1943 года в соответствии с договоренностью между казначейством США и Британским координационным комитетом по безопасности (British Security Coordination, BSC), который осуществлял разведывательную деятельность в Восточном полушарии под руководством сэра Уильяма Стефенсона, в Великобританию было отправлено более 10 млн долларов. Помимо того что довольно трудно было собрать такую сумму в мелких банкнотах, не привлекая излишнего внимания, существовала еще проблема перевозки. Один миллион долларов в крупных купюрах можно уложить в один чемоданчик и отправить в Великобританию самолё-

том. Но в мелких купюрах это будет уже больше сорока таких чемоданчиков. В период между маем и сентябрем 1944 года SOE было отправлено еще 8 млн долларов.

В начале войны большое количество оборудования, предназначенного для агентов SOE, приобреталось в Соединенных Штатах. Это были радиопередатчики, фотоаппараты, резиновые лодки и т. д. Тогда в Великобритании собственное производство этих вещей еще не было налажено. Самым необычным, пожалуй, можно считать поступивший с Бейкер-стрит заказ на небольшое количество яда кураре, которым отравляли наконечники своих стрел индейцы с берегов Ориноко и Амазонки. Попадание этого яда в кровь приводит к практически мгновенному параличу двигательных нервов. С превеликим трудом искомую отраву удалось добыть у индейцев Венесуэлы, и она была отправлена в Лондон в специальной бамбуковой упаковке.

Когда за дело взялось Бюро стратегических служб США, в Европу был направлен внушительный поток сделанных в Америке диверсионных «игрушек», особенно в месяцы, предшествующие дню Д.

Британским координационным комитетом по безопасности оказывалась постоянная действенная помощь норвежскому отделению SOE. До начала лета 1943 года поддерживалась работа «шотландского автобуса» – регулярного паромного сообщения между портом Лервик в Шотландии и норвежскими фиордами. Небольшие рыболовецкие суда, экипажи которых демонстрировали чудеса героизма, перевозили в Норвегию агентов, оружие, боеприпасы, а обратно – добровольцев, беженцев, всевозможные случайные грузы. В мае 1943 года Стефенсон получил в свое распоряжение три американских противолодочных корабля и значительно усовершенствовал работу этой линии. И вообще сотрудничество SOE и людей Стефенсона было весьма плодотворным, особенно после установления тесных связей между SOE и Бюро стратегических служб США. Стефенсон и его люди продолжали активно помогать военно-экономическому министерству и после того, как сфера их деятельности значительно расширилась в результате нападения Гитлера на Россию и вступления в войну Японии. Упомянутое министерство, так же как и SOE, имело представителей в России, Китае, в нейтральных странах.

Как следует из сказанного ранее, структура SOE была довольно сложна, но, тем не менее, организация оказалась вполне управляемой и достигнутые ею результаты не могли не впечатлять.

Эта организация в целом, так же как и каждый ее агент в отдельности, представляла собой удивительно удачную комбинацию профессионализма и любительства. Людей специально не учили выполнять подобную работу, но, тем не менее, каждый сумел внести свой собственный весомый вклад в общее дело. Иногда это были глубокие знания какой-то отдельной проблемы, но чаще – энтузиазм, увлеченность, трудолюбие.

SOE создавалось в стране, жители которой не обладали военным менталитетом. Такие никогда не выигрывают первых сражений, они учатся главным образом на собственных ошибках. Школьные учителя и бухгалтеры становились диверсантами и создателями тайных армий. Они были первыми, поэтому сталкивались с множеством трудностей и более или менее успешно их преодолевали. Все это учитывалось в дальнейшей работе. Так у SOE появлялся опыт.

Глава 3

ПЕРВЫЕ АГЕНТЫ ЗА ЛА-МАНШЕМ

В полдень 17 июня 1940 года в маленьком ресторанчике неподалеку от Шербурского железнодорожного вокзала сидела группа французских офицеров. Они получили приказ, прикомандировавший их к новой резиденции французского правительства в Бордо. За бутылкой вина они обсуждали последние новости. Во всяком случае, те новости, которые они считали последними.

Эти люди стали свидетелями развала французской армии. Немцы вошли в Париж 14 июня. 10, 7, 6, 4, 2, 3 и 5-я французские армии, развернувшиеся от Гавра до «линии Мажино» и шведской границы, сдались. Почти все британские экспедиционные силы были выведены из Дюнкерка двумя неделями раньше. За последние четыре дня немцы сумели добраться до Орлеана и Луары.

Но офицеры, сидящие в шербурском ресторанчике, не признавали тот очевидный факт, что Франция потерпела поражение. Они оживленно обсуждали дошедшие до них слухи, что несколько французских армейских корпусов на севере перегруппируются, что 8-я британская дивизия, уцелевшая в Дюнкерке, как раз находится на пути из Англии в Нормандию, что французский флот уже идет из Тулона в порты Ла-Манша.

Они не знали, что накануне вечером, 16 июня, Уинстон Черчилль в сопровождении Клемента Этли и сэра Арчибальда Синклера, а также представителей военного командования прибыл на вокзал Ватерлоо. Они должны были успеть на поезд до Саутхемптона, там подняться на борт английского крейсера, который доставит их в Конкарно, небольшое курортное местечко возле Кемпера, в Бретани.

Именно там была назначена встреча с французским премьером Полем Рейно, который после падения Парижа обосновался со своим кабинетом в Бордо. Черчилль вез с собой проект «Прокламации об объединении Великобритании и Франции». Она начиналась следующей фразой: «В этот судьбоносный момент современной истории правительства Объединенного Королевства и Французской Республики объявляют о своем нерушимом единстве и о твердой решимости совместно выступить на защиту свободы и справедливости против системы, которая низводит людей до уровня рабов и роботов».

В соответствии с планом французский флот и авиация должны были перебазироваться в порты и на аэродромы Великобритании и Северной Африки, туда же планировалось вывести находящиеся во Франции французские, бельгийские, польские и чешские войска. В союзе с Великобританией Франция должна была продолжить войну с Гитлером, но теперь уже с плацдармов Северной Африки.

Черчилль и сопровождающие его лица даже не успели расположиться в вагоне специального поезда, когда на вокзале Ватерлоо появился запыхавшийся порученец с Даунинг-стрит и передал премьеру срочный пакет. В нем оказалась телеграмма от сэра Рональда Кэмпбелла, британского посла в Бордо. Он сообщал, что Рейно был смещен собственным кабинетом, которому он представил свой план объединения с Великобританией и вывода войск в Северную Африку. В итоге он был вынужден подать в отставку, а его место занял маршал Петен, принявший решение просить Гитлера о «почетном перемирии».

Черчилль и его коллеги покинули поезд и вернулись на Даунинг-стрит. От еще недавно свободной Франции осталась лишь горстка солдат, которые прибыли в Великобританию после Дюнкерка.

Французские офицеры, пьющие вино в шербурском ресторане, нетерпеливо поглядывали на радиоприемник. Они ждали новый выпуск новостей. Вместо этого все утро по радио пере-

давали записи классической музыки. И вдруг очередная мелодия стихла и раздался голос диктора: «Внимание, внимание! Сейчас прозвучит важное обращение главы французского правительства маршала Петена...»

И в воздухе зазвучал торжественный голос старого и теперь уже беззубого «верденского льва», который сообщал народу, что направил эмиссаров к верховному командованию Германии с просьбой о перемирии.

Несколько секунд офицеры сидели молча, стараясь осознать услышанное. Первым заговорил капитан Пьер де Вомекур.

«Я не могу смириться с нашим позором, – заявил он. – Поэтому я отправляюсь в Англию. Не сомневаюсь, что Великобритания будет продолжать войну, и я ей помогу освободить Францию».

Остальные офицеры проявили значительно меньше решимости. Они думали о своих семьях, о неопределенном будущем в Англии, которая сама находится под угрозой вторжения. После долгого и бурного обсуждения большинство из них решило подчиниться приказу и ехать в Бордо.

Пьер де Вомекур происходил из старого и гордого французского рода, в котором мужчины на протяжении многих поколений верой и правдой служили своей стране. Во время войны 1870 года его дедушка был убит прусскими захватчиками, в 1914 году его отец, которому уже исполнилось сорок пять, ушел на фронт добровольцем и погиб в первом же сражении. В 1917 году его старший брат Жан, тогда учившийся в одной из британских школ, исправил в своих документах дату рождения и поступил в ВВС. Его самолет был сбит, а сам летчик получил серьезное ранение. Вскоре после этого он получил свое первое офицерское звание (британское). Второй брат, Филипп, был еще слишком юн, чтобы сражаться. Но в 1918 году он закончил обучение в знаменитой Римской католической школе, в программу которой входила военная подготовка, и тоже стал военным.

Вечером 17 июня Пьер де Вомекур, французский офицер связи при одном из британских экспедиционных корпусов, сделал свой выбор и отплыл на британском военном корабле из Шербура в Англию. На этом же корабле находились солдаты 157-й английской бригады, которым после развала линии фронта с большим трудом удалось достичь Шербура. Военнослужащие из других подразделений британской армии, французские солдаты, а также почти 20 тыс. поляков, которые отказались сдаться, тоже были взяты на борт английскими кораблями в Шербуре, Бресте, Сен-Мало и Сен-Назере.

Обычно путешествие из Бретани в Англию занимает несколько часов. На этот раз оно длилось два дня. На транспортах не хватало топлива даже для такого короткого рейса. На пароходе «Мекнес», который 18 июня покидал Брест последним, солдатам приходилось в течение всего рейса разбирать деревянные части надстройки и рубить их на дрова. Среди уезжающих французов была еще одна замечательная личность – капитан Андре Девеврэн, впоследствии ставший полковником Пасси, руководителем секретной службы генерала де Голля и во многих случаях яростным противником SOE.

По прибытии в Саутхемптон Пьер де Вомекур вместе с другими иностранными солдатами был препровожден в Трентам-парк, откуда британская военная полиция отправила всех в наспех возведенный лагерь. Там Вомекур встретил старых товарищей, служивших в 6-м и 12-м стрелковых батальонах, которые, как и он, прибыли сюда сражаться. Но поначалу с ними обращались не лучше, чем с военнопленными.

Военное министерство совершенно не обрадовало появление такого количества иностранных солдат. Незадолго до этого в Великобританию уже прибыло из Дюнкерка более 100 тыс. французских и польских военнослужащих, большая часть которых была отправлена в Шотландию. Понятно, что к новой партии отнеслись весьма подозрительно. Британская военная разведка слишком хорошо помнила уроки норвежской кампании, когда среди одетых в

норвежскую форму солдат находились и немцы. У разведчиков имелись основания считать, что в последней группе иностранцев могут оказаться немецкие шпионы.

После заключения перемирия маршал Петен приказал всем французским войскам в Великобритании передислоцироваться в Северную Африку. Гитлер позволил ему иметь небольшую армию и строго ограниченное вооружение в Алжире и неоккупированной зоне Виши Франции. Многие офицеры и солдаты впоследствии приняли предложение англичан сесть на французские суда в Бэрри-Докс и отправиться в Касабланку. Они решили, что для них война окончена.

А Пьер де Вомекур, напротив, рассудил, что для него война только начинается.

В тот же вечер, когда Вомекур поднялся на борт английского корабля в Шербуре, еще один французский офицер отправился в Англию из Бордо. Это был генерал-майор Шарль де Голль, заместитель министра национальной обороны в павшем кабинете Рейно. Он прилетел самолетом и привез с собой, как позже сказал Черчилль, честь Франции.

В день прибытия в Англию де Голль обратился по радио к французскому народу. Он заявил, что Франция не одинока, поскольку за ней стоит большая и мощная империя. Она может объединиться с Британской империей, которая царит на море и продолжает сражаться.

В течение нескольких дней генерал де Голль сформировал в Лондоне патриотическое движение «Свободная Франция». Вместе со своими сподвижниками генерал обосновался в Сен-Стефан-Хаус в Лондоне. Пьер де Вомекур незамедлительно принял решение предложить свои услуги лидеру «Свободной Франции». Ему пришлось затратить достаточно много усилий, чтобы попасть на прием к генералу, а когда это ему все же удалось, де Голль принял молодого офицера весьма холодно.

Генерал де Голль, как и высшие офицеры из его ближайшего окружения, был выходцем из академии Сен-Сир, французского Вест-Пойнта. К офицеру, получившему образование в Англии, они не испытывали ничего, кроме презрения.

Когда капитан де Вомеркур представил на рассмотрение разработанный им план организации нелегального сопротивления и подрывной деятельности во Франции и вызвался вернуться на родину и заняться организацией всего перечисленного лично, де Голль сказал, что подобные действия могут вызвать только усиление репрессий со стороны немцев, а значит, принести вред. Де Голль пояснил при этом, что уже создал секретную службу, которая занимается сбором разведывательной информации, в этой работе участвуют исключительно грамотные эксперты и в любителях нет нужды.

Получивший отпор Вомеркур обратился к англичанам. Но в военном министерстве его встретили еще холоднее. Ему сказали, что они не занимаются отправкой секретных агентов и диверсантов во Францию. В качестве альтернативы ему было предложено поступить рядовым в британскую армию. Со временем он сможет получить офицерское звание. Конечно, если очень постарается.

На протяжении нескольких месяцев Вомеркур обивал пороги всевозможных учреждений в Лондоне. В конце концов он узнал, что англичане создают секретную организацию, причем как раз для осуществления тех целей, которые он в свое время предлагал генералу де Голлю. В результате своих многочисленных визитов в военное министерство Вомеркур познакомился с генерал-лейтенантом Темплером, который отнесся к молодому французцу со вниманием и впоследствии представил его бригадиру Габбинсу, только что назначенному руководителем SOE.

Так французский капитан Пьер де Вомеркур стал Люка, первым секретным агентом в отделении Ф.

ФРАНЦУЗСКИЙ ОТДЕЛ

Офисы французского отделения SOE располагались на Бейкер-стрит в доме № 64, точнее, № 62–64, хотя вход в № 62 был постоянно заперт. Этого дома уже нет. Те, кто бывал в этом сером пятиэтажном здании с мрачным узким холлом, комнатой для совещаний, учебными помещениями с расставленными повсюду скамьями, досками и картами на стенах, те, кто поднимался в медленно тянущемся лифте (который всегда словно сомневался, стоит ли ехать дальше) в маленькие и скромные офисы, вспоминают о нем с грустью и ностальгией.

История французского отделения, или, вернее, французских отделений, хорошо известна. В департаменте Д существовал отдел, занимающийся Францией. Его парижский офис возглавлял профессиональный офицер-разведчик, майор Лесли Хемфри, который уехал из Бордо в июне 1940 года. Когда создали SOE, Хемфри, полковник Гранд и еще несколько офицеров из департамента Д перешли в новую структуру и основали французское отделение, впоследствии названное отделением ДФ. Его первоначальной задачей была организация побегов британских агентов и офицеров, по разным причинам оказавшихся во Франции в затруднительном положении, помощь высокопоставленным лицам, желавшим перебраться в Англию, а также осуществление мелких рейдов на острова и французское побережье.

Следует отметить ряд весьма рискованных предприятий, таких, как высадка волонтеров-голлистов (включая упрямого бретонца Марсея Клеша, который впоследствии стал одним из лучших радистов SOE) с маленьких шлюпок на побережье или отправка диверсантов с заданием взорвать доки в Бресте или Шербуре. Но даже не предпринималось попыток вступить в контакт с группами движения Сопротивления, которые возникали повсеместно, как грибы после дождя. Их действия не были организованы и являлись не более чем булавочными уколами, которых немцы даже не замечали. Отделение ДФ со временем стало достаточно полезной организацией, обеспечивающей пути отхода из Франции. Один из его агентов, Виктор Жерсон, при поддержке своих многочисленных друзей создал первый и в течение долгого времени самый эффективный маршрут отхода. Позже агентами ДФ стали капитан Ян Гарофф, Вирджиния Холл, а также ставший знаменитым Пат, он же доктор Альбер Герисс, более известный как лейтенант-коммандер Пат О'Лири.

Налаживая работу отделения ДФ, Хемфри одновременно начал организовывать отделение Д, предназначенное для создания региональных сетей, подпольных радиостанций, обеспечения связи между группами Сопротивления, диверсантами и просто борцами за светлое будущее. Эта работа продвигалась удивительно медленно. И главным препятствием являлась нехватка агентов. Никто не знал, как и чему их следует обучать, а люди, руководившие этим процессом, имели весьма смутное представление о том, что необходимо делать. В аналогичном положении находились и другие отделения SOE, в том числе и скандинавское, к которому проявлял особенный интерес сэр Чарльз Хэмбро.

Секретная служба де Голля отправила своего первого агента во Францию 25 июля 1940 года. В августе за ним последовал Морис Дюкло, впоследствии прославившийся под именем Сен-Жак, а также легендарный полковник Реми, основатель и руководитель Нотрдамского братства. Я искренне считаю Реми непревзойденным секретным агентом и с гордостью называю его своим другом. Ему принадлежит заслуга создания сорока разветвленных подпольных сетей на территории от Нанси до Байонны. Таким образом, он мог по праву считать, что сослужил воистину неоценимую службу союзникам.

Первые сети во Франции были созданы SIS, а не SOE. Самая первая из них была организована несколькими польскими офицерами, которые вскоре после этого вышли на связь с Лондоном. Ее называли *Interallé* (межсоюзническая была известна и под названием «Семья»). Эта сеть действовала в высшей степени эффективно вплоть до своего разгрома. Со временем бри-

танская разведка установила контроль еще над несколькими подпольными сетями, созданными французскими патриотами, но это стало возможным лишь после достижения джентльменского соглашения генерала де Голля с ВСРА. Речь идет об Alliance («Союз»), Marie Madeleine и Gilbert. В дальнейшем Хемфри целиком посвятил себя работе отделения ДФ. В отделении Ф ему на смену пришел майор Гарри Мариотт, отлично знавший Францию, поскольку работал там до войны. Его подчиненные звали его по инициалам – Джи. Эм. Именно при Мариотте в отделении Ф появился капитан Морис Букмастер и занял должность офицера по сбору информации. Позже он сменил Джи. Эм. на должности руководителя отделения.

Очутившись на Бейкер-стрит, Букмастер решил первым делом разобраться, в чем же, собственно говоря, заключаются его обязанности. Этого ему никто не объяснил, впрочем, его оставили в неведении и о задачах организации в целом.

– Правда заключается в том, Букмастер, – вздохнул его непосредственный начальник, – что здесь все находится в зачаточном состоянии.

Когда Букмастер впервые вошел в офис, он не мог не согласиться с этим неоптимистичным утверждением. Все тут казалось пустым и заброшенным. Единственный человек, сидевший в офисе за столом, тоже выглядел смущенным и растерянным. Да и слух о скором уходе со своего поста Мариотта не добавлял энтузиазма.

– Наша основная задача, – пояснил Джи. Эм., – добыть как можно больше информации об оккупированной Франции. Мы должны точно знать, что там происходит, а также какие цели следует в первую очередь атаковать... конечно, когда до этого дойдет.

Выслушав руководителя, Букмастер решил, что тот явно темнит и недоговаривает.

– Какой информацией мы располагаем в настоящий момент? – спросил он.

– Практически никакой, – пожал плечами Джи. Эм. – Мы начинаем на пустом месте.

– А как насчет разведывательных донесений?

– Ну что ты... Мы их не получаем.

Энтузиазм Букмастера быстро исчезал. Не зная, что предпринять, он позвонил знакомому полковнику из разведки и поинтересовался, что все это значит.

– Организация диверсионной деятельности, – сообщил полковник.

– Это я уже понял, сэр, но какой именно?

– Точно не могу сказать. Насколько мне известно, мы должны осуществлять диверсии против размещенных во Франции промышленных предприятий, работающих на врага.

– Но при чем здесь секретная служба? – удивился Букмастер.

– Я отлично понимаю тебя, мой мальчик. Но ведь речь идет о специальных операциях...

Полковнику явно не понравилось предположение о том, что SOE решает те же задачи, что и секретная служба.

Так началась работа Мориса Букмастера в отделении Ф.

Он сел за стол в пустом офисе и уставился на поднос для исходящей почты. Соответствующей емкости для входящей корреспонденции не было вообще. Он решил, что прежде всего следует припомнить все, что ему известно о французской промышленности, о заводах и фабриках, которые он посещал, работая у Форда с 1932-го по 1936 год, и со вздохом придвинул к себе стопку бумаги. В течение трех следующих недель он отчаянно издевался над своими мозгами, пытаясь выжать из них максимальное количество информации о расположении французских заводов, оборудовании, рабочей силе.

Он с тоской вспоминал «*Bottin*» – самое полное французское справочное издание, состоящее из нескольких пухлых томов. В нем была собрана подробнейшая информация обо всех промышленных и коммерческих предприятиях Франции. Но, увы, на Бейкер-стрит не было искомого справочника. Не оказалось его и ни в одном из книжных магазинов военного Лондона. Тогда Букмастер обратился в военное министерство. После нескольких бесплодных визитов и множества телефонных звонков Бук-мастеру пришлось обратиться к генералу Темплеру,

с помощью которого все-таки удалось обнаружить некоего полковника, имевшего в своем офисе «*Bottin*». Только вот полковник Денвере никогда не слышал о существовании SOE и наотрез отказался одолжить столь нужный справочник Букмастеру.

– Нам не разрешают выдавать секретные материалы, – твердо отвечал он.

– Но откуда вы взяли, что «*Bottin*» является секретным? – удивился Букмастер. – Немцы во Франции имеют этот справочник в неограниченных количествах. Стоит ли так тщательно охранять от своих соотечественников то, что давно известно врагу?

– Знаешь, старик, в конце концов, это не мой каприз, – рассердился полковник. – У меня есть приказ не выпускать «*Bottin*» из поля зрения.

Потребовался еще один раунд продолжительных и нудных переговоров, чтобы полковник Денвере смягчился и допустил Букмастера к драгоценному изданию. Но вопрос о том, чтобы отвезти его в офис SOE, даже не поднимался.

– Я не могу позволить тебе работать со мной в одной комнате, Букмастер, – сообщил полковник. – Придется тебе посидеть в соседней маленькой комнатке, где моя секретарша хранит свою верхнюю одежду.

Именно в чужой гардеробной, не превышающей размерами платяной шкаф, новый офицер по сбору информации французского отделения SOE долго и трудолюбиво выбирал промышленные объекты, которые должны были стать мишенями для подрывной деятельности отважных секретных агентов, которые еще даже не были набраны.

В мае 1941 года во время очередного ночного дежурства Букмастер встретился с сэром Чарльзом Хэмбро.

– В чем заключаются наши задачи? – осмелился спросить он. – Мне ничего толком не объяснили.

Сэр Чарльз с улыбкой взглянул на молодого офицера и задорно подмигнул.

– Мы должны разжечь в Европе пожар.

– Ясно... А что делается в этом направлении?

– Что я могу сказать, – задумчиво ответил сэр Чарльз, – мы пока находимся в самом начале пути. У нас уже есть небольшой центр для обучения агентов, сейчас заканчивают подготовку десять человек, которые должны отправиться во Францию и оценить, как там дела. Понимаю, сделано еще очень мало, но в таком деле излишняя поспешность может только навредить. Мы не хотим, чтобы наши люди гибли, а немцы усиливали репрессии по отношению к мирному населению, во всяком случае, пока для этого нет достаточных оснований. В настоящее время мы стремимся скоординировать действия, а координация – весьма длительный и нелегкий процесс. Но все равно, чем раньше мы отправим людей во Францию, чтобы они могли, так сказать, измерить в этой стране температуру, тем легче нам будет в дальнейшем планировать свои действия.

– Кто-нибудь там уже есть? – спросил Букмастер.

– Люди пока готовятся.

– Боже мой! – воскликнул Букмастер. – Но ведь прошел уже год с тех пор, как нас выжали из Франции!

– Послушай меня внимательно, – вздохнул сэр Чарльз. – Любая военная операция должна тщательно планироваться и иметь определенную цель. Мы создаем организацию и должны обеспечить ее бесперебойное функционирование, когда в этом возникнет необходимость.

На самом деле Хэмбро несколько приуменьшил свои заслуги. Уже в мае 1941 года первые агенты французского отделения были сброшены во Францию. Это были капитан Пьер де Вомекур, французский офицер Жорж Беге и Роже Коттен.

Их отправку осуществил заместитель Мариотта – Томас Кадетт, бывший парижский корреспондент газеты «Тайме».

Хотя пребывание Кадетта во французском отделении SOE было чрезвычайно коротким – уже в сентябре он оставил должность и перешел на радиостанцию BBC, – тем не менее, отправка первых агентов – его заслуга. Кадетт, нисколько не колеблясь, нарушил приказ, предписывающий использовать для подобной работы только англичан и жителей содружества. Беге и Вомекур были французами, но справились с заданием как нельзя лучше.

ОТДЕЛЕНИЕ БУКМАСТЕРА

В июле 1941 года сэр Чарльз Хэмбро попросил Букмастера временно возглавить бельгийский отдел. Двумя месяцами позже сэр Чарльз, очень довольный работой своего подчиненного, его пытливым умом и жаждой действия, предложил Букмастеру вернуться во французское отделение и возглавить его.

На протяжении следующих четырех лет Морис Букмастер стоял у руля французского отделения, со временем ставшего самой значительной частью SOE. Под его руководством 480 агентов, мужчин и женщин, было отправлено во Францию. Их сбрасывали с парашютами, доставляли на «лизандерах», небольших субмаринах и рыбацких лодках. Разумеется, не обошлось и без ошибок, как мелких, так и очень крупных. Однако бесстрастный и объективный наблюдатель замечает не только ошибки и провалы, но также и безусловно выдающиеся достижения. В течение нескольких лет после войны полковник Бук-мастер подвергался постоянным нападкам писательницы, которая честно признавала, что никогда ранее не слышала о SOE, но теперь прослышала о существовании этой неоднозначной организации и жаждала сенсационных разоблачений.

Я не выступаю в защиту полковника Букмастера и его помощников, но я много знаю об их работе в военные годы, о том, сколько невероятных трудностей им приходилось преодолевать, зачастую лишь для того, чтобы достичь самого незначительного результата. Полковник Букмастер с достоинством отвечал на оскорбительные выпады писак, стремившихся лишь к одному – чтобы их скандальные книжонки быстрее продавались. Причем он не просто хотел защитить себя и своих коллег. Он искренне считал, что обращенные в его адрес необоснованные обвинения (источниками которых часто служили анонимки, написанные бывшими немецкими военнослужащими, а иногда даже осужденными военными преступниками) «являются попытками дискредитировать опаснейшую работу отважных агентов, которые работали во французском отделении SOE, а также офицеров, отвечающих за проведение операций». Он не считал возможным оставлять нападки без внимания, но в общем-то на обвинения отвечал неохотно, утверждая, что лучше всего оставить в покое погибших и дать им возможность покоиться с миром, в то время как результаты их отважной деятельности говорят сами за себя.

Морис Букмастер определенно не был человеком, который, как заявляли наскикивающие на него обвинители, отправлял своих товарищей прямо в руки гестапо. Незадолго до выхода в свет этой книги я был приглашен на торжества, посвященные 20-летней годовщине дня Д, вместе с несколькими бывшими агентами, которых Букмастер в свое время отправил во Францию. В Париже и Нормандии мы встречались с сотнями старых товарищей, ранее входивших в группы Сопротивления или отряды маки. Разумеется, не обошлось без воспоминаний. Причем все без исключения агенты тепло вспоминали полковника Букмастера. Один из них рассказал, как уже на аэродроме за несколько минут до взлета Букмастер подошел к нему и снова спросил, твердо ли он хочет лететь, после чего уверил юношу, что он еще может передумать и его никто за это не будет винить.

Вероятно, Букмастер был слишком мягким человеком для такой работы, ему не хватало напора и решимости, которые столь необходимы генералу на поле брани, когда он принимает решение пожертвовать тремя центральными батальонами ради того, чтобы обеспечить стратегическое преимущество на одном из флангов. Возможно, Пьер де Воменкур был прав, заметив уже после войны, что Букмастер не был человеком на своем месте. Ему приходилось преодолевать упорное сопротивление высокопоставленных чинов, воспитанных на устаревших понятиях о ведении войны. И следует признать, что в этом деле Букмастеру далеко не всегда сопутствовала удача. Но, занимаясь сбором материалов для этой книги, я беседовал со многими бывшими агентами отделения Ф и совершенно убежден, что все без исключения оставшиеся

в живых агенты и офицеры глубоко уважают своего бывшего руководителя. А многие к тому же восхищаются им.

Когда Букмастер приступил к работе, штат его сотрудников на Бейкер-стрит составил всего восемь человек. Через год их число возросло до 24 человек. Но его помощники вовсе не являлись канцелярскими крысами. Почти все они успели побывать во Франции по меньшей мере один раз, некоторые имели ранения или пострадали от допросов в гестапо.

Мне хотелось бы отдельно упомянуть о некоторых сотрудниках Букмастера. Набором агентов ведал капитан Луи Жильгад (его брат, Джон, был известным в те времена актером). Тем же занимался и капитан Селвин Джепсон, знаменитый в те годы автор триллеров с такими интригующими названиями, как «Я встретил убийцу» или «Убийца должен быть спокойным». Ему также принадлежали сценарии ряда нашумевших перед войной фильмов. Рядом с ними трудился Николас Бадингтон, в свое время бывший парижским корреспондентом «Дейли экспресс». В самые напряженные моменты, когда ситуация выходила из-под контроля и немцы начинали громить подпольные сети одну за другой, Бадингтон дважды сам отправлялся во Францию, чтобы на месте помочь товарищам. Планированием операций занимался лейтенант-полковник Р.А. Бурн-Патерсон, в мирной жизни работавший бухгалтером в небольшом шотландском городке. Он знал топографию Франции лучше, чем собственный дом. Ни одна карта не содержала для него секретов. Майор Жак де Гели, инструктор, трижды побывал во Франции, а майор Жерар Морель, разрабатывавший операции для полевых агентов, побывал в поле дважды.

РАЗНОГЛАСИЯ С ДЕ ГОЛЛЕМ

Букмастер и его офицеры занимались поиском агентов для обучения и последующей отправки во Францию, преодолевая постоянное сопротивление Французского национального комитета и его секретной службы. В течение двух лет нехватка потенциальных агентов ощущалась особенно остро. К тому же в работу беспрестанно вмешивались представители других министерств и ведомств. Теоретически Букмастер и его офицеры были обязаны отыскивать людей, не являвшихся гражданами Франции. По настоянию генерала де Голля Черчилль пообещал, что ни один француз или француженка, прибывшие в Англию из-за границы, независимо от того, бежали они от фашистов из Франции, из французской колонии или приехали из любой другой страны, не будут привлечены для работы в SOE. На практике – во всяком случае, в начальный период, только несколько французов добровольно вызвались присоединиться к SOE вместо ВСРА полковника Пасси. Один из таких французов, Морис Дюфур, впоследствии жаловался, что подвергся из-за этого яростным нападкам своих соотечественников.

Дюфур, бывший французский офицер, появился в Лондоне в 1942 году, успев перед этим поработать в одной из подпольных групп Сопротивления на юге Франции. Он как раз ожидал приглашения в SOE, когда его под каким-то предлогом вызвали в штаб-квартиру полковника Пасси, расположенную в доме № 10 на Дюк-стрит. Мы никогда не узнаем в точности, что там произошло, но у меня есть возможность привести отрывок из заявления Дюфура, сделанного им в Скотленд-Ярде 6 августа 1942 года, в котором он обвинил полковника Пасси и двух его заместителей – капитанов Вибота и Жирара – в оскорблениях и избиении.

«В 10 часов вечера меня насильно отвели в подвал, где приказали снять рубашку. Я подчинился. Затем капитан Вибот (его настоящее имя – капитан Роже Вавран) и капитан Жирар нанесли мне несколько сильных ударов по лицу и туловищу. После этого они начали бить меня плеткой со стальным сердечником по пояснице, стараясь попасть по едва зажившей ране, которую я получил во Франции. Боль была нестерпимой.

Они постоянно грозились убить меня, а также похитить и изнасиловать молодую девушку (Андре Боррель), дочь одного из моих друзей, которая приехала из Франции вместе со мной, поступила на службу в FANY и работала в офисе SOE на Бейкер-стрит. Они утверждали, что уже арестовали мадемуазель Боррель (это была неправда) и заставят ее говорить любыми способами, даже если для этого им придется по очереди насиловать ее. Они требовали, чтобы я сказал, какие приказы получил от SOE. пытки продолжались до 3 часов утра.

Затем меня отвели в камеру-клетку, расположенную там же, в подвале дома № 10 по Дюк-стрит. В ней меня продержали с 19 до 29 мая. Поскольку избиения продолжались каждую ночь, я не мог ни стоять, ни лежать, поэтому все время проводил сидя на корточках».

За какое преступление соотечественники решили подвергнуть Дюфура наказанию в лучших традициях фашистского гестапо? Всего лишь за желание служить в SOE, а не в секретной службе полковника Пасси. К сожалению, руководство SOE на Бейкер-стрит узнало о случившемся с большим опозданием. Потребовалось вмешательство Уинстона Черчилля, которому поведал о прискорбном инциденте лорд Сэлбурн, чтобы освободить Дюфура.

Премьер-министр направил де Голлю выдержанную в весьма холодных выражениях официальную ноту, в которой заявлял, что власти Великобритании не могут допустить существования на своей территории камер пыток. Однако скандал удалось замять. Дюфура убедили забрать свое заявление с обвинениями в адрес руководителей секретной службы де Голля. Говорили, что правительство «Свободной Франции» выплатило ему в качестве компенсации внушительную сумму. В дальнейшем Дюфур поступил на службу в канадские ВВС и стал летчиком.

Ряды SOE пополнялись за счет франкоговорящих канадцев, южноафриканцев, англичан, живущих во французских колониях, обитателей английских колоний на Маврикии (только с этого маленького острова агентами SOE стало полтора десятка человек) и Сейшелах, где также говорили по-французски. Встречались и люди, национальность которых не поддавалась определению, попавшие в Великобританию из Северной Африки или Индокитая. Позже, когда SOE и OS S объединились под руководством SHAEF, в отделение Ф пришло несколько хорошо знавших французский язык американцев, также ставших агентами. Еще один американец, майор Хуот, долгое время работал в лондонском офисе.

Но все-таки основную часть агентов отделения Ф составляли англичане, владевшие французским языком и знавшие страну. В первое время в число будущих агентов попадало немало случайных людей. Военное министерство не стремилось оказать действенную помощь коллегам, хотя и представило списки офицеров и прочих чинов, судя по документам, знавших французский язык, а значит, и потенциально полезных. Командирам различных армейских подразделений было предложено рекомендовать людей из числа личного состава, знающих язык, причем в объеме, превышающем школьный минимум.

Большинство франкоговорящих канадцев оказались непригодными к работе, потому что никогда не бывали во Франции и не имели ни малейшего представления о жизни в этой стране, традициях и обычаях населения. В то же время целый ряд людей, отлично знающих Францию, слабо владели языком. Конечно, бывало, что ранее казавшиеся сомнительными агенты блестяще проявляли себя в деле, однако риск в таких случаях был достаточно велик.

Предпочтительнее было использовать собственные резервы: к примеру, англичан, у которых один из родителей был французом. Такие люди свободно говорили на обоих языках. Или же тех своих соотечественников, кто долгое время жил во Франции. Майор Роже Ланд, в течение трех лет возглавлявший агентурную сеть SOE в Южной Франции, родился в Париже у родителей-англичан. В 1941 году он поступил на службу рядовым в войска связи и сразу же стал своеобразной достопримечательностью своего подразделения. Это был единственный солдат, который с большим трудом изъяснялся по-английски. Капитан Сирил Уотни родился в Кале, где его отец был президентом французской Ассоциации изготовителей кружев и тесьмы. Мальчик научился говорить по-английски только в возрасте двенадцати лет. Эти люди попадали в SOE самыми разными путями. Чаще всего они служили в армии, где солдатская молва и донесла до них слухи о некой секретной организации, куда требуются люди со знанием французского языка для последующей отправки во Францию. Стремление к чему-то более интересному, чем строевая подготовка и чистка медных пуговиц, иными словами, жажда острых ощущений побудила их прийти в SOE. Причем добровольцы зачастую проявляли удивительную настойчивость. К примеру, сержант (позже капитан) Гарри Рэ обращался по инстанциям четыре раза, прежде чем его пригласили для беседы.

Генерал де Голль вместе со своей секретной службой следили за успехами французского отделения SOE с недоброй завистью. Для них был нестерпим и глубоко оскорбителен тот факт, что английская организация набирает, обучает и отправляет агентов во Францию, организует там агентурные сети, да еще и действует в содружестве с французскими группами Сопротивления. Де Голль даже как-то заявил Черчиллю, что присутствие английских агентов в его стране, независимо от их достижений, «отражается на суверенитете Франции». Обосновавшиеся в Лондоне голлисты отправляли собственных агентов и организовывали свои сети, причем в течение первых двух лет делали это довольно успешно, а теперь плоды их трудов игнорировались англичанами.

Дальнейшему ухудшению отношений между окружением де Голля и Бейкер-стрит послужило несколько прискорбных инцидентов, имевших место во Франции. Один раз голлисты заняли посадочную площадку в Жиронде, которую подготовили агенты SOE, и захватили контейнеры, сброшенные с английского самолета для своих людей. В другой раз они спровоци-

ровали драку, требуя все сброшенное оружие и амунисию. К счастью, такие случаи были редкими, и со временем между голлистами и агентами SOE на местах установились вполне дружеские отношения.

На первом этапе подготовленные офицерами SOE площадки для приема людей и грузов, после их нанесения на оперативные карты, немедленно становились предметом спора, потому что на них заявляло свои права голлистское руководство в Лондоне. Вопросы снабжения также решались посредством яростных баталий. Но нельзя не признать, что, когда дело касалось снабжения, британские власти относились к секретной службе де Голля как к бедным родственникам, которым вполне достаточно жалких крох с барского стола. К тому же, увы, барский стол был совсем не богат. Букмастеру приходилось в полном смысле этого слова отовешивать каждый самолет и лишний ящик боеприпасов, которых так не хватало его агентам на местах.

Однако французам в Лондоне все происходящее виделось в ином свете, что, вообще-то, вполне объяснимо. В своих мемуарах генерал де Голль вспоминает: «Англичанам хотелось, чтобы мы посылали своих агентов только для сбора разведывательной информации. (Имелось в виду, что эта информация будет передана разведывательной службе англичан. У генерала же были совсем другие идеи относительно роли, которую должны играть его агенты.) Поскольку во Франции нужно было работать среди населения, мы стремились организовать сети так, чтобы можно было соединить отдельные собранные элементы в единое целое, связаться с ними, используя для этого централизованные средства, и сообщить сведения. Таким образом достигалась максимальная полнота переданной информации.

Мы считали своей задачей расти вширь, установить контакты с группами Сопротивления и партизанскими отрядами по всей стране, независимо от рода их деятельности».

Понятно, что конечные цели генерала были политическими. Для него агентурные сети ВСРА, движение Сопротивления и отряды маки были инструментами для возврата Франции независимости и суверенитета, разумеется, под его руководством. Но в это время ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не были готовы признать де Голля единственным лидером «Свободной Франции». В любом случае SOE и его французское отделение не интересовались замысловатыми политическими маневрами и сложными интригами. Они выполняли свои непосредственные задачи – внести смятение в ряды противника путем тщательно продуманных диверсионных акций, подготовить и вооружить отряды местного населения, которым предстояло вступить в открытое сражение с противником, когда во Францию войдут союзники.

Генерал де Голль категорически запретил офицерам своей секретной службы вступать в какие бы то ни было контакты с отделением Ф. Странно, но при этом у французов сложились почти что сердечные взаимоотношения с SIS и MI.

ОТДЕЛ РФ

Стараясь наладить хотя бы видимость мирного сосуществования с Национальным комитетом «Свободной Франции» и его секретной службой в Лондоне, руководство Западного директората SOE приняло решение создать специальный отдел для поддержки взаимоотношений с полковником Пасси. Отдел начал работать в начале лета 1941 года, главным образом благодаря стараниям полковника Гарри Спорборга и сэра Клода Дэнси, и был назван отделом РФ. Его первым руководителем стал капитан Эрик Пике-Вике, по национальности наполовину француз. Он жил и учился во Франции и даже воевал на ее стороне в период норвежской кампании. Отдел РФ работал независимо от Букмастера, как это и подразумевалось первоначально. Он находился в небольшом особнячке на площади Дорсет, то есть как раз через дорогу от Бейкер-стрит. В этом помещении размещалась администрация цирка Бертрама Миллза, временно закрытого.

Через дверь, которой раньше пользовались укротители и акробаты, жонглеры и клоуны, теперь ходили совсем другие люди. Уже после войны по высочайшему повелению королевы-матери на стене этого здания появилась скромная мемориальная табличка со следующей надписью:

*Эта табличка установлена,
чтобы увековечить героические дела
мужчин и женщин, граждан свободной Франции
и их английских товарищей, которые
уходили из этого дома, чтобы выполнить
свой долг на оккупированной врагом территории Франции.
Воздадим же дань тем, кто не вернулся домой!
1941–1944 гг.*

Эти простые, но трогательные слова показывают, что между французами и англичанами в действительности существовали крепкие дружеские связи. Они же являются самым лучшим итогом деятельности отдела РФ.

В первое время капитана Пике-Викса захлестнул поток жалоб из офиса полковника Пасси, причем многие из них являлись обоснованными. Но в конце концов сотрудникам отдела РФ удалось преодолеть многочисленные препятствия и наладить взаимоотношения с полковником Пасси и его заместителем капитаном Раймоном Лагье (Бьенвеню), который руководил оперативным отделом BCRA. Английские и французские офицеры со временем сумели создать атмосферу взаимного уважения и доверия, что очень помогало в работе. А тем временем в высших эшелонах власти Англии и Франции продолжали царить всеобщий антагонизм и подозрительность.

Отдел РФ занимался преимущественно голлистскими агентами и вооруженными формированиями, поэтому перед ним стояли те же проблемы, что и перед Букмастером и его офицерами.

Пасси постоянно жаловался, что офицеры, вербующие агентов для французского отделения SOE, допускались к французам из Патриотической школы, в то время как представители «Свободной Франции» такого разрешения не имели. Пасси обвинял английских вербовщиков в том, что они вводят потенциальных агентов в заблуждение, сообщая им, что они будут служить де Голлю. Офицеры французского отделения SOE всегда и везде заявляли о полной беспочвенности подобных обвинений. Однако капитан Пике-Вике признал, что подобные факты имели место на местах. Некоторые офицеры, стараясь привлечь на свою сторону членов движения Сопротивления, действительно использовали имя де Голля.

Пике-Вике выполнял свою непростую работу в исключительно тяжелых условиях. До осени 1942 года он был ответственным за связи с ВСРА, а также за доставку вооружения для голлистских групп во Франции и отправку агентов Пасси.

В то время англичане контролировали все материальное обеспечение, в их ведении находились самолеты, радиосвязь, контейнеры, оружие, боеприпасы, взрывчатка, деньги, в общем – все. Французы же не подпускались ни к чему. Англичане настояли на использовании общего шифра, который должен был применяться всеми сторонами в радиопередачах, так что секретная служба де Голля не имела возможности связаться даже со своими собственными агентами без ведома англичан.

Только значительно позже, после того как Пике-Вике уже покинул SOE, а его место занял полковник Джеймс Хатчисон, французам удалось добиться уступок от правительства Великобритании, позволяющих им независимо руководить своими агентами во Франции.

КАК СТАНОВИЛИСЬ ФРАНЦУЗАМИ

Тот факт, что Французский национальный комитет и его BCRA стремились использовать деятельность соотечественников для достижения своих политических целей, ни для кого не был секретом. Однако при этом французское отделение SOE оказалось в довольно затруднительном положении. Другие отделы SOE в своей работе полагались исключительно на национальные кадры соответствующих стран. Букмастеру приходилось «создавать» французов своими руками.

Сложнейший процесс превращения Джона Смита в Жака Дюпона происходил под руководством Веры Аткинс, офицера из вспомогательного женского авиационного полка, которая пришла в отделение Ф одновременно с Букмастером. Она занимала должность офицера разведки и имела множество самых разнообразных обязанностей. Эта молодая и в высшей степени интеллигентная женщина была настоящим знатоком своего дела, обладала острым аналитическим умом и являлась, по утверждению большинства ее коллег, мозгом и сердцем французского отделения.

Она пользовалась любой возможностью, чтобы получить даже самую на первый взгляд незначительную информацию о жизни в военной Франции. Она помнила все существующие в стране правила, касающиеся работы, передвижения, комендантских часов, продовольственного снабжения, регистрации в полиции и т. д. Требуемые документы изготавливались в секретных лабораториях SOE, но Вере всегда удавалось добавить ту или иную полезную деталь, мелкий штрих, который мог убедительно удостоверить личность агента при обыске. Это были семейные фотографии, старые визитные карточки, письмо от старого друга или возлюбленной, в общем, то, что человек может годами носить в бумажнике. Никто не знал, откуда берутся французские спички или использованные билеты, которые она вкладывала в карманы агентов, но эти пустяки всегда оказывались удивительно кстати.

К тому же она была воистину неиссякаемым источником информации. Вера Аткинс непременно участвовала в заключительном инструктаже агентов, проводимом накануне отправки. Каждый агент имел своего офицера-наставника, а Вера Аткинс курировала всех.

Как поведет себя агент за столом? Соберет ли он, как истинный француз, подливку с тарелки кусочком хлеба и с удовольствием съест его, или же, в исконно английской манере, оставит последние кусочки еды на тарелке, после чего аккуратно поместит нож и вилку в положении «полседьмого»? Разумеется, некоторые студенты были знакомы с нормами поведения французов, но в таком деле, как национальная кухня и вина, напоминание никогда не бывает лишним. При возможности наставники водили своих подопечных в рестораны в Сохо, причем всегда стремились попасть в «Кокий». Именно там подавали блюда настоящей французской кухни, а значит, была возможность вспомнить, как ведут себя за столом французы.

Заключительный инструктаж проводился в апартаментах Букмастера в Орчард-Корт, расположенном на площади Портман. Эта маленькая квартира принадлежала SOE и была предназначена именно для таких целей. Атмосфера праздника, царившая в небольших, со вкусом обставленных комнатах, успокаивала агента, помогала ему немного расслабиться накануне путешествия, которое вполне могло стать для него последним. Именно здесь полковник Букмастер и его помощники вели последние беседы с агентами, но уже не как командиры, а как старшие друзья, готовые в любой момент прийти на помощь.

В апартаментах в Орчард-Корт были две примечательные особенности, особенно памятные для всех без исключения агентов SOE. Это дворецкий по имени Парк и выложенная черным кафелем ванная комната с биде из оникса.

Парк когда-то работал курьером в парижском отделении Вестминстерского банка. Он обладал совершенно удивительной памятью, знал псевдоним каждого агента и ни разу ничего

не перепутал. Этого улыбчивого, жизнерадостного здоровяка любили все. А его неизменная тактичность позволила избежать множества неловкостей. Чтобы агенты не выдали себя при случайной встрече в тылу врага, им было лучше вообще не знать друг друга, и Парк достиг виртуозного мастерства, разводя людей по комнатам и не давая им встретиться.

«Конечно, агенты все-таки встречались, – вспоминает Букмастер, – в конце концов, мы не могли запретить людям общаться. А наши агенты были достаточно интеллигентными и понимающими людьми. И только одно категорически запрещалось. Никто не имел права говорить другому, куда его отправляют. Если же два агента встречались в апартаментах, они знали, что отправляются в тыл врага одновременно, и вполне могли проговориться».

Такова была очень разумная мера предосторожности. И на практике она себя оправдывала. Даже если агенты прыгали с одного и того же самолета, высаживались с лодки или «лизандера», они никогда точно не знали, куда именно направлен его товарищ. Если один из агентов попадал в руки врага, он даже под пытками не мог выдать местонахождение остальных.

Одним из офицеров-наставников был Андре Симон, известный до войны виноторговец. Побывав в шкуре полевого агента, он хорошо знал, что это такое. Симон с удовольствием ходил со своими подопечными в рестораны Сохо, учил их правилам поведения за столом, рассказывал веселые истории из жизни французов. Но помимо этой достаточно приятной обязанности, он выполнял и все другие, то есть внимательно следил за процессом подготовки агента с самого начала и до конца, составлял отчеты о его успехах и провожал до трапа самолета. Уже на аэродроме он производил последнюю проверку снаряжения агента, вплоть до того, что обшаривал его карманы в поисках случайно завалявшегося автобусного билета, английских сигарет или мелких монет. Он выполнял и весьма нелегкую обязанность – передавал своему подопечному капсулу с ядом. Проявление эмоций при этом было бы совершенно неуместным, поэтому наставник обычно произносил дежурную фразу о своей уверенности в том, что эта капсула агенту никогда не понадобится, но она должна у него быть на всякий случай.

Полковник Букмастер, если у него выдавалась свободная минута, также приезжал на аэродром. Он часто делал агентам личные памятные подарки – пару запонок или пачку сигарет.

Когда агента забрасывали в тыл врага, это вовсе не означало, что он оказался брошенным на произвол судьбы. Офицеры отделения прилагали максимум усилий, чтобы помочь ему и там. Как только удавалось наладить радиосвязь, агенту начинали передавать инструкции, полезные советы, короче, большое количество необходимой в оперативной работе информации.

Конечно, не обходилось и без ошибок, порой имевших самые трагические последствия. Случалось, что радиосигналы перехватывали немцы, что в конечном итоге приводило к провалу агента. В этой книге такие эпизоды есть. И это понятно, ведь агенты SOE работали в условиях повышенного риска.

Заметную роль в налаживании и поддержке регулярных контактов с полевыми агентами играла Вера Аткинс. В период пика активной деятельности SOE прием и передачу сообщений вела команда радисток из FANY со станции, расположенной возле Семи Дубов. Кодированная информация доставлялась на Бейкер-стрит специальными курьерами. Там ее расшифровывали. Вера Аткинс неизменно проверяла каждое входящее и исходящее сообщение. Иногда информация поступала в совершенно непригодном для чтения виде. Но даже если шифровальщики опускали руки, Вера Аткинс, отлично знавшая достоинства и недостатки всех агентов и радистов, упорно продолжала разбирать текст и обычно ей удавалось найти смысл в обрывочном и на первый взгляд бессмысленном сообщении.

К примеру, что бы это значило:

HAVE PREPARED UNION WITH FERMNAN?

(условно – подготовил союз с Фернаном)

Было известно, что кодовый псевдоним одного из агентов – Фернан. Но только агент Арманд, который прислал сообщение, ни при каких обстоятельствах не мог встречаться с Фернаном. Вера Аткинс вскоре поняла, что вместо UNION следует читать ONION (лук), что было названием площадки для приема людей и грузов, подготовленной Армандом. Дешифровщик об этом ничего не знал. Значит, все оказалось довольно просто. А как быть, скажем, с такой информацией:

IMI THRMY SAYG ABLE TAKE TWHGVE CONTTT7S G??U?
DAFFLY BBRR MESSAGE MIEUW TORT KUE???IIS

А ведь именно таким получился текст после дешифровки. Вопросительные знаки поставлены на месте букв, которых не смогла разобрать радистка FANY из-за атмосферных помех.

После долгой и кропотливой работы Вере Аткинс все-таки удалось прочитать сообщение:

IMI TOMMY SAYS ABLE TAKE TWELVE CONTAINERS
(Ими Томми сообщает возможности приема 12 контейнеров
GROUND APPLE BBC MESSAGE MIEUX TARD QUE JAMAIS
площадке Яблоко сигналу BBC Лучше поздно, чем никогда)

Последние четыре французских слова составляли фразу, которую агент предлагал передать в одной из французских программ Би-би-си в качестве личного сообщения. Когда это было сделано, стало ясно, что на Бейкер-стрит одобрили предстоящую операцию, самолет уже находится в пути и ночью следует подготовиться к приему груза.

ЛИЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ ПО РАДИО

Французским радиослушателям во время войны частенько приходилось замечать в программах на первый взгляд совершенно идиотские фразы, которые к тому же повторялись не менее четырех-пяти раз в каждой передаче в течение одного, а иногда и двух дней. Для непосвященного слушателя они казались чепухой, но для конкретного агента имели чрезвычайно ценную информацию. Фразы типа «Сегодня на Жозефине голубое платье», «Дядя Жак потерял зонтик» или «Сегодня ночью корова прыгнет на луну» часто сообщали о жизни и смерти.

Немцы под страхом сурового наказания запрещали слушать Би-би-си. Тем не менее очень многие французы прятали радиоприемники, регулярно слушали их и записывали наиболее важную информацию, которая затем печаталась в подпольных изданиях и распространялась среди населения.

Агенты SOE и руководители групп Сопротивления во Франции, а также в других оккупированных странах настойчиво искали возможности прослушать радиопрограммы Би-би-си. Система личных радиопосланий существовала, помимо Франции, в Норвегии, Голландии, Дании, Бельгии и прочих странах. Если по какой-то причине агенты сами не имели возможности прослушать нужную программу, они поручали это своим проверенным друзьям. Дело, собственно говоря, нехитрое: внимательно слушай нужную программу и запиши все сообщения. Всегда имелась вероятность, что одно из сообщений предназначено для конкретного агента или членов его агентурной сети. Их могли информировать о прибытии груза или отмене запланированной операции.

Вера Аткинс часто использовала этот канал связи. Именно таким образом она время от времени передавала агентам сообщения об их семьях. Когда она получала информацию о родственниках какого-нибудь агента (которые, разумеется, не имели ни малейшего понятия о его местонахождении), она немедленно находила возможность сообщить ее адресату. Поэтому агенты, вынужденные длительное время проводить вдали от дома, имели возможность отдаваться работе, не переживая о судьбе близких. Не зря полевые агенты называли Веру Аткинс своим добрым ангелом.

Конечно, сообщения личного характера были исключением. Передачи Би-би-си использовались в основном для дела. И хотя информацию можно было передавать только в одном направлении, этот канал связи имел жизненно важное значение. Так, весной 1944 года всем радистам было дано указание слушать эфир в обязательном порядке 1-го и 15-го числа каждого месяца в 7.30 и 9.15. То есть с приближением дня Д радисты SOE были приведены в боевую готовность. Ночью 5 июня, в дополнение к почти 500 радиосообщениям, отправленным пятидесяти радистам SOE, было передано и множество персональных сообщений по радио. Все они призывали к действию. Результатом явилась волна взрывов важнейших военных объектов, нападений на железнодорожные узлы, уничтожение линий связи и прочие диверсионные операции. Такие акции буквально захлестнули Францию, Голландию и Бельгию.

А в 1941–1942 годах французское отделение SOE демонстрировало чудеса героизма: жалкая горстка полевых агентов, отвратительная связь, а иногда и вообще никакой, и все преимущества на стороне врага.

ТРИ СЛЕПЫЕ ВЫБРОСКИ

Первым агентом отделения Ф, заброшенным во Францию, стал Жорж Беге, он же Жорж Нобль, который приземлился вместе со своим громоздким и весьма несовершенным во всех отношениях передатчиком в Дордони 5 мая 1941 года. Затем он направился в Шатору, где должен был явиться по адресу, по которому проживал Макс Иманс, бывший депутат-социалист от избирательного округа Индр. 10 мая во Францию был заброшен Пьер де Вомекур, а 13 мая – Роже Коттен, тоже «вслепую». Оба приземлились неподалеку от Шатору. В случае благополучного исхода операции Пьер должен был навестить своего брата Филиппа, проживавшего в своем поместье Бриньяк, близ Лиможа. А Коттену предстояло ехать в Париж, где он работал перед войной. Впоследствии Пьер должен был присоединиться к товарищу. Затем, совместно с «пианистом» Беге, они должны были обустроить первую подпольную радиостанцию, после чего приступить к работе по формированию отрядов из местного населения.

Немного раньше во Францию уже были отправлены агенты BCRA – пять французов под командованием капитана Берже. Они приземлились 15 мая в Бретани. Среди них был Жоэль Летак, впоследствии создавший чрезвычайно важную сеть, названную *Overcloud* («Закрытая облаками»).

Роже Коттен был большим и сильным человеком. Из-за рано побелевших волос он получил кличку Седой Роже. Родился он во Франции от родителей-англичан и успел объехать полмира в качестве представителя одной из крупнейших парижских парфюмерных фирм. Как и Пьер де Вомекур, он перебрался из Франции в Англию в 1940 году вместе с остатками потерпевшего поражение английского экспедиционного корпуса.

Пьер де Вомекур благополучно добрался до поместья своего брата. Там он с радостью узнал, что его жена и дети, которых он оставил во Франции почти год назад, живы, здоровы и живут в его парижской квартире. Филипп немедленно предложил свои услуги для работы в SOE и сказал, что их старший брат Жан, бывший летчик, тоже готов подключиться к делу. Уже через несколько дней три брата при содействии друзей Филиппа – маркиза де Мустье и Анри Севене – приступили к организации первой сети SOE – *Autogiro*.

Они решили, что первая встреча с Беге и Коттенем должна произойти в Шатору, а не в Париже, и два агента SOE прибыли на юг Франции. Было решено, что Жан де Вомекур займется организацией отрядов в Понтальере, там находилось его поместье. Это была зона, оккупированная немцами. Филипп же останется на территории неоккупированной зоны Виши и будет создавать сеть с центром в Лиможе. Там он мог рассчитывать на помощь местных жителей. Пьер, Роже Коттен и Жорж Первый (Беге)⁵ уедут в Париж, где у Пьера имелся дом возле Буа-де-Булонь.

Так во Франции начали создаваться агентурные сети SOE. Происходило это летом 1941 года. У истоков этой деятельности стояли три брата де Вомекур, Жорж Беге, Роже Коттен, а также несколько друзей Вомекура. В первых сообщениях, которые Жорж Беге направил в Лондон, содержалась просьба о присылке людей.

Тогда можно будет заняться и более серьезными делами. Было решено, что в июне будут сброшены первые контейнеры с грузами, для чего следовало подготовить площадку. Место для нее выбрали в поле, расположенном в четверти мили от замка Ба-Солей.

С Бейкер-стрит четырежды отправляли сообщение, что самолет вылетел, но первые две ночи Филипп и его помощники прождали его напрасно. На третью ночь они заметили наконец самолет, который описал круг над их головами и улетел. И только на четвертую, когда численность «комитета по встрече» сократилась до двух человек – самого Филиппа и Габи, юноши из

⁵ Все последующие радисты имели кодовое имя Жорж и соответствующий порядковый номер. (Примеч. авт.)

Лорьяна, с прилетевшего самолета сбросили два контейнера. Один из них упал далеко за границами площадки, в заросли орешника возле селения Шабо, до которого было больше мили. Чтобы дотащить груз до дома, двум мужчинам, которые никогда не были чемпионами по поднятию тяжестей, пришлось преодолеть широкий ручей, крутой холм и шесть высоких заборов. Они спрятали контейнеры в подвале, завалив их соломой и яблоками. Насколько мне известно, это был первый груз SOE, доставленный во Францию.

Рано утром Филипп де Вомекур пошел в деревню. Его сразу же окружили крестьяне. Все они слышали ночью шум кружившего над полем самолета, причем с каждой минутой воздушных транспортных средств становилось все больше. В конечном итоге местные жители пришли к выводу, что ночью над деревней летало шесть самолетов. Они с тревогой допытывались у Вомекура, будут ли их бомбить англичане. Тот добрался до ближайшей жандармерии в Сен-Леонар-де-Нобла и сообщил, что видел ночью самолеты, которые, скорее всего, сбросили парашютистов.

– Вы бы лучше проверили, – заявил он жандармам.

Небольшой отряд местной жандармерии прибыл в поместье в тот же день. Солдаты походили по полям, ничего не нашли и отбыли восвояси весьма довольные тем, что тревога оказалась ложной.

Поскольку все закончилось благополучно, Филипп и его друзья решили открыть контейнеры. В них находилось несколько пистолетов-пулеметов Томпсона, револьверы, ножи, упаковки со взрывчаткой и другие чрезвычайно полезные вещи. Взрослые мужчины разинув рты главели на оружие с тем же восторгом, как дети рассматривают затейливо упакованные подарки под рождественской елкой.

В течение следующих недель группа вела довольно активную деятельность. В августе из Лондона прибыл Жак де Гели, один из инструкторов Букмастера, чтобы лично посмотреть, как идут дела. Он встретился с агентами в Шатору и заверил их, что очень скоро им на помощь придет много новых агентов, кроме того, они получают необходимые грузы, оружие, взрывчатку и деньги.

Ночью 6 сентября с бомбардировщика «Уитли» возле Аржантон-сюр-Крёз было сброшено еще шесть агентов – Бен Кобурн (Бенуа), Мишель Тротоба (Сильвестр), Виктор Жерсон (Вик), задания которых были рассчитаны на далекую перспективу, а также Жорж Ланжлаан, граф Морис дю Пуи и Андре Блока (Чертежник) – радист группы.

Пополнение приняли Беге, Иманс и Октав Шантрэн, верой и правдой служивший в SOE в течение трех лет (в 1944 году он был схвачен гитлеровцами и казнен).

Кобурн по профессии нефтяник, родился в Ланкашире, но ряд лет жил и работал во Франции. Во время описываемых событий ему было тридцать три года.

Кобурн (он же Бенуа) отправился в Париж, где и встретился с Пьером де Вомекуром и Роже Коттенем в небольшом офисе, который они арендовали в ночном клубе «Лидо» на Елисейских Полях. Пьер решил, что ему лучше не появляться у себя дома, и снял на двоих с Роже небольшую квартирку. Кобурн поселился в студии в Нейи. Совместными усилиями удалось найти безопасное помещение и для Андре Блоша и его радиопередатчика, но вскоре было решено, что «пианист» подвергнется меньшему риску, если будет работать за пределами Парижа. В результате Жорж Девятый обосновался в доме сочувствующих Сопротивлению французов в Ле-Мане. Несколько недель связь с Бейкер-стрит функционировала вполне удовлетворительно и агенты SOE имели возможность отправлять отчеты о проделанной работе.

Они много ездили по стране. Пьер организовал несколько отрядов на севере Франции, а его брат Жан трудился над созданием сети в Безансоне и прорабатывал маршрут для отхода английских пилотов с оккупированной территории в Швейцарию. Кобурн колесил по югу Франции и вербовал помощников в Монтобана и Тулузе.

Ланжлаан имел приказ разыскать Эдуарда Эрио, бывшего французского премьера, и убедить его переехать в Англию. Таким образом планировалась еще одна попытка сместить генерала де Голля. Однако Эрио отказался, а Ланжлаан спустя месяц был схвачен полицией Виши.

19 сентября и 10 октября во Францию прибыли еще две группы агентов. Первая высадилась к северу от Перпиньяна с «Фиделити». В нее входили моряк французского торгового флота Робер Лерой (после успешной диверсионной деятельности в доках Бордо он спустя пять месяцев вернется в Англию), Раймон Рош (с заданием направиться в Марсель), Жорж Дюбурден и Франсис Базен. Вторая группа была сброшена с парашютами в Дордони, на севере Бержерака. Ее встречал Пьер Блок, бывший депутат-социалист, завербованный де Гели. Группа имела кодовое название «Корсика». В нее входили Жак Ай, Клод Жумо (во время своей следующей миссии во Францию он умер от ран, полученных в результате неудачного приземления), радист Жан Ле Аривель и Дени Тюрбервилль. Последний приземлился в миле от своих товарищей, сбился с пути и на следующее утро был схвачен жандармами. «Корсике» придали еще несколько агентов, уже успевших обосноваться на месте. Члены группы должны были явиться к агенту Кристофу (настоящее имя Жорж Тюрк, архитектор по профессии, попал во Францию вместе с де Гели). Однако его марсельский адрес был записан у Тюрбервилля. Естественно, когда потерпевшего неудачу агента арестовали, была обнаружена и эта запись. Полицейские устроили на вилле засаду, с нетерпением ожидая прибытия остальных членов группы.

Долго ждать не пришлось. Один за одним все агенты попали в ловушку: Робер Лион, Пьер Блок и, наконец, 24 октября был схвачен Жорж Беге. Разгром группы был завершён арестом радиста Андре Блоша и Мишеля Тротоба. Блоша задержали в Ле-Мане, а Тротоба – в Шатору. Попытки не сломили Блоша, спустя несколько недель он был расстрелян.

После ареста Беге и Андре Блоша радиосвязь с Лондоном прекратилась. Агенты SOE оказались отрезанными от Бейкер-стрит.

Многие из заброшенных во Францию агентов к этому времени содержались в разных тюрьмах. Они встретились только в концлагере Мозак в Дордоны. Там они оставались до июля 1942 года, после чего им удалось совершить побег, изготовив дубликаты ключей от камер. Большая роль в организации этого рискованного предприятия принадлежала двум женщинам – мадам Блош, жене французского депутата, и Вирджинии Холл.

Мисс Холл, широко известная под именем Мари из Лиона, начала работать на департамент Д в самом начале войны. Коренная американка и корреспондент нью-йоркской газеты «Пост», она обладала неумолимой энергией и необычайно острым умом. Причем ее совершенно не смущала ее физическая неполноценность – вместо ноги у нее был протез. Мисс Холл прибыла в зону Виши в апреле 1941 года из Мадрида на вполне законных основаниях, будучи аккредитованным американским корреспондентом, и сразу же окунулась в работу SOE. Она успевала все: присмотреть за Тарком в Марселе, познакомить Ланжлаана с Эрио в Лионе, войти в контакт с Пьером де Вомекуром, Беном Кобурном и агентами с юга – Робером Лионом и Филиппом Лье. Она помогала, спасала, прятала агентов, снабжала их деньгами и средствами связи, обеспечивала отход, иными словами, оставалась жизненно важным связующим звеном с Бейкер-стрит. На страницах этой книги она еще появится.

А в Париже Пьер де Вомекур и Роже Коттен предпринимали отчаянные попытки наладить связь с Лондоном, чтобы передать просьбу прислать нового радиста. Несколько недель кряду их попытки были безрезультатны. Но однажды Пьер услышал от своего друга Мишеля Бро, известного парижского адвоката, который после падения Франции стал одним из лидеров Сопротивления, что якобы где-то существует группа подпольщиков, организованная бывшими разведчиками-поляками. Мэтр Бро сообщил, что у этой группы есть несколько радиопередатчиков и они поддерживают регулярную связь с Лондоном.

Воспрянув духом, но, тем не менее, соблюдая крайнюю осторожность, Пьер де Вомекур познакомился с женщиной, которая, по словам мэтра Бро, была одним из руководителей поль-

ской сети. На всякий случай Пьер сообщил ей только свой псевдоним – Люка. Настоящее имя этой дамы Матильда Карре, а друзья называли ее Лили, или Кошечкой.

Самой насущной проблемой попавших в затруднительное положение агентов SOE были деньги, вернее, их отсутствие. Когда Бен Кобурн покинул Англию, ему дали с собой всего 26 тыс. франков, то есть сумму, эквивалентную 500 долларов. А его пребывание во Франции могло продлиться неопределенно долгий срок. Пьер де Вомекур и Роже Коттен привезли с собой не намного большую сумму. Поэтому работа агентов в основном финансировалась из карманов братьев де Вомекур. При первой встрече с Кошечкой Пьер поведал ей о своих сложностях и попросил передать в Лондон просьбу о деньгах. Таким образом он решил проверить надежность своего нового знакомства. Через два дня женщина вернулась и сказала, что одному из агентов английской разведки приказано передать ему нужную сумму в Виши. Люка отправился в Виши, встретился с агентом и получил деньги.

Когда после долгого перерыва на Бейкер-стрит получили сообщение, Букмастер и его офицеры с облегчением вздохнули. Наконец-то им довелось услышать хотя бы что-то хорошее. Конечно, жаль, что группа лишилась двух радистов, но зато все три главных агента живы и здоровы!

На Бейкер-стрит информация поступила через посредство британской военной разведки. Но ни Букмастер, ни офицеры МИ даже не подозревали, что все сообщения передаются под контролем немцев и составляются в абвере.

Глава 4

«КОШЕЧКА», ЗАПЯТНАВШАЯ СВОЮ ЧЕСТЬ

После падения Франции в июне 1940 года Британской секретной службе приходилось целиком полагаться только на информацию от своих агентов в Швейцарии и Испании. Контакты с несколькими офицерами из бывшего Второго бюро, которые работали в Виши, удалось наладить лишь значительно позже. К счастью, в конце 1940 года положение изменилось.

В первые же недели после установления во Франции перемирия польские офицеры, которые не успели эвакуироваться с частями польской армии, создали подпольные ячейки одновременно в нескольких французских городах. Двумя бесспорными лидерами этих франко-польских организаций стали полковник Венсан Зарембский, бывший офицер штаба генерала Сикорски, главнокомандующего польскими войсками во Франции в 1940 году (позже он стал главой польского правительства в Лондоне), а также мой друг капитан Роман Чернявски.

Молодой офицер разведывательного отдела польских ВВС, Чернявски уехал из Польши в ноябре 1939 года. Переодевшись крестьянином, он проделал нелегкий путь через Румынию, Югославию и Италию. Достигнув Франции, вступил в польскую армию. В составе Первой польской дивизии сражался в Эльзасе. Там его и застало известие о подписании маршалом Петеном акта о перемирии.

Полковник Зарембский создал свою первую подпольную ячейку в Тулузе. Его группа, названная *Tudor*, поддерживала регулярную связь с Лондоном.

После того как фронт в Эльзасе прекратил свое существование, Роман Чернявски решил продолжить борьбу в подполье. Некоторое время он скрывался у молодой вдовы-француженки Рене Борни, у которой квартировал в Люневилле еще до отъезда на фронт. Она же снабдила его одеждой своего покойного мужа и, что еще более важно, его документами. Так Чернявски в одночасье стал Арманом Борни. Это оказалось совсем не трудно, поскольку он был того же возраста, что и погибший француз, и отлично говорил по-французски. После множества весьма рискованных приключений он добрался до Тулузы и начал активно помогать полковнику Зарембски. Очень скоро к подпольной сети *Tudor*, которая уже распространилась на Марсель, Клермон-Ферран, Лимож, Лион и даже Виши, добавилась еще одна чрезвычайно важная ячейка. Чернявски, он же Арман, разместил свой штаб в Париже. Именно отсюда началось развитие сети *Interallié*. Ее история – это причудливая смесь триумфа и трагедии. Именно с ней оказались связанными Пьер де Вомекур, Роже Коттен и Бен Кобурн.

Чернявски (или Арман), так я и буду называть его далее, случайно встретил в одном из кафе Тулузы молодую француженку. Женщину звали Матильда Карре, и происходила она из семьи потомственных военных. Ее отец во время Первой мировой войны стал кавалером ордена Почетного легиона. Матильда работала в Красном Кресте, открыто говорила о своей ненависти к немцам и показала вполне достойной доверия. Арман привлек ее к работе в своей организации. Матильда Карре, получившая псевдоним Лили, вскоре стала одним из самых надежных помощников Армана. Они вместе создали свою первую парижскую штаб-квартиру на последнем этаже студии на рю дю Фобур-Сен-Жак. 16 ноября они вышли на связь с Лондоном, и вскоре после Рождества начала работать первая подпольная радиостанция. Польским офицерам активно помогали французские патриоты – Рене Обертен, бывший капитан-танкист, Жорж Бурсье, летчик, Люсьен де Рокиньи, журналист, и Шарль Лёжон, инспектор французской полиции. Последний снабжал организацию фальшивыми документами.

Со временем *Interallié* стала мощной подпольной организацией, имевшей отделения в четырнадцати регионах оккупированной немцами части Франции. Агенты Армана в Бресте, Шербуре, Кале и Булони держали под постоянным наблюдением все порты Ла-Манша. Люди

Армана в Бордо, Биаррице и других городах помогали курьерам поддерживать связь с посольством Великобритании в Мадриде. Агенты в стратегически важных пунктах на «зеленой границе» между оккупированной и неоккупированной частями Франции также постоянно вели наблюдения и получали важнейшую информацию. Агенты в промышленных центрах – Лилле, Лионе, Нанте и Реймсе – собирали сведения о контролируемых немцами промышленных объектах, крайне необходимые для британских ВВС.

К началу лета 1941 года Арман уже располагал четырьмя радиостанциями в Париже. Он установил контакты с некоторыми высокопоставленными соотечественниками, которые во всеуслышание заявили о своей лояльности к немцам, но тайно поддерживали Сопротивление – в частности, с мсье Марком Маршалом, президентом химико-технологического института, а также с одним из руководителей французских железных дорог, который сообщал ему секретные сведения о военных перевозках.

Именно в это время Лили получила прозвище, впоследствии ставшее знаменитым. Пока Арман изучал сообщения агентов, Лили печатала другие, готовя их для микрофильмирования. Она часто заходила в комнату, где сидел Арман, но двигалась так тихо, что он ее не замечал.

– Ты ступаешь мягко, как кошка, – с улыбкой говорил он ей.

– Знаешь, я и царапаться умею, – отвечала она.

– Пожалуй, я буду называть тебя киской, – сказал Арман. – Кстати, это удачный псевдоним. Его даже можно использовать в радиопередачах... А что... «кошечкины» сведения... звучит неплохо, да и с помощью азбуки Морзе передается легко... тире... точка...

Некоторые контакты группы явились полностью заслугой Лили. Именно благодаря ей среди подпольщиков появился мэтр Бро. Всего за несколько месяцев *Interallié* выросла из небольшой группы храбрецов в разветвленную разведывательную сеть, насчитывающую более 120 членов. Две сети – *Interallié* и *Tudor* охватили всю Францию.

Отделы абвера и гестапо, занимающиеся контрразведкой, вскоре узнали о существовании мощной организации, работающей на Лондон, но, несмотря на многочисленные попытки, не могли ни засечь ее тайные квартиры, ни взять в плен кого-нибудь из лидеров. Фургоны *Funkreildienst* непрерывно курсировали по улицам Парижа, но так и не запеленговали ни одной из подпольных радиостанций. Правда, однажды немцы едва не схватили Армана, Лили и нескольких их помощников в доме на рю дю Колонель-Моль. Подпольщикам пришлось сменить несколько квартир. В октябре 1941 года работа сосредоточилась на вилле Леандр на Монмартре.

В конце сентября руководители SIS пригласили Армана в Лондон для консультаций. При содействии французского отделения SOE была организована доставка агента в Лондон одним из «лизандеров». Арман прибыл в Великобританию 1 октября и провел в Лондоне девять дней. Он встречался с офицерами британской разведки, посетил военное министерство, после чего провел несколько дней с офицерами польского генерального штаба. Генерал Сикорски вручил Арману высшую награду республики – орден «Виртути Милитари».

Ночью 9 октября его сбросили с парашютом возле Тура, и утром следующего дня он уже был в Париже. Арман привез из Лондона множество различных инструкций, а также информацию о том, что вскоре во Францию прибудет еще несколько офицеров SOE, которые начнут работать совместно с *Interallié*. Во время пребывания в Лондоне Арман узнал, что некоторые агенты SOE во Франции попали в весьма затруднительное положение из-за отсутствия радиостов. Руководители SOE, однако, надеялись, что один из агентов, а именно Бенуа (Кобурн), сумеет связаться с *Interallié*. Поэтому Армана попросили в дальнейшем принимать от него сообщения и обеспечить их передачу SIS.

В штаб-квартире Армана на вилле «Леандр» была устроена небольшая вечеринка с шампанским, чтобы отметить его благополучное возвращение и высокую награду. Все с нетерпением ожидали прибытия английского агента Бенуа.

Так обстояли дела, когда Люка (Пьер де Вомекур) слышал от мэтра Бро, которого знал еще до войны, о существовании Матильды Карре и польской подпольной организации, имевшей постоянную радиосвязь с Лондоном. Де Вомекур долгое время сомневался, стоит ли связываться с неизвестной группой, хотя, конечно, ему и его товарищам радиосвязь была жизненно необходима. Учитывая, что после шести месяцев пребывания во Франции у него кончились деньги, он в конце концов решил рискнуть и накануне Рождества попросил мэтра Бро устроить ему встречу с женщиной, которая могла решить сразу все проблемы.

Ни он, ни Бро еще не знали о последних событиях, напрямую касающихся *Interallié* и Армана.

СЕРЖАНТ ХУГО БЛЕЙХЕР

Сектор Д *Interallié* базировался в Шербуре и Лизье. Он охватывал шесть департаментов Северной Франции, то есть почти всю Бретань и западную часть Нормандии. Весной 1941 года Арман назначил руководителем этого сектора молодого француза, бывшего летчика Рауля Киффера. Киффер исправно добывал сведения о действиях немцев в портах Ла-Манша, а Арман обеспечивал их передачу в Лондон. Эти доклады высоко ценились британской разведкой.

В начале октября в полицейский участок Шербур пришел немецкий капрал и сообщил, что среди рабочих заправочной станции люфтваффе часто появляется женщина, которая задает много вопросов. Капрал предположил, что она не просто любопытная особа, а настоящая английская шпионка. Сержант Хуго Блейхер не придавал сообщению особого значения, но все-таки, на всякий случай, направил рапорт об этом из Шербур в Париж, в абвер. Там, напротив, к информации отнеслись с величайшей серьезностью, и в Шербур срочно отправился капитан Эрих Борхерс, сотрудник контрразведки.

Когда капитан Борхерс прибыл в Шербур, в полицейском участке как раз дежурил сержант Блейхер. С виду полицейский казался вполне интеллигентным человеком, к тому же он хорошо говорил по-французски. По этой причине Борхерс и попросил его помочь в расследовании. Уже на следующий день они арестовали женщину, некую Шарлотту Буфе, которая призналась, что работала на английского шпиона. Она также сообщила, что не знает его настоящего имени, только псевдоним – Пауль.

На Пауля была объявлена охота. Чтобы ускорить дело, Блейхер устроил засаду и 3 ноября арестовал Пауля на вокзале в Шербуре. Агент только что прибыл из Парижа. Среди его бумаг были сведения о перемещении немецких войск в департаменте Кальвадос, а также некоторые инструкции. Под псевдонимом Пауль скрывался Рауль Киффер. Немцы отвезли его в Париж в штаб-квартиру абвера. Вначале Киффер отказался говорить. Но когда Блейхер сообщил, что его предали и имена его друзей уже не являются тайной, Пауль сломался.

Благодаря информации, полученной от Киффера, можно было просто выйти на виллу Леандр и лидеров *Interallié*.

Офицеры абвера сочли сержанта Хуго Блейхера весьма полезным человеком и оставили его в Париже.

Так началась карьера Блейхера на ниве разведки. Неуклюжий сорокадвухлетний сержант, который пошел в полицию только по причине слабого зрения, стал непревзойденным мастером в деле поиска иностранных шпионов. Он действовал под разными именами – мсье Анри Кастель, бельгийский бизнесмен, мсье Жан и другие. Ему удалось уничтожить некоторые французские и бельгийские группы Сопротивления и несколько сетей SOE. Благодаря этому человеку немцы схватили многих английских и французских агентов.

После признания Киффера, по словам Блейхера, все стало удивительно просто. Бывший сержант предоставил подпольщику выбор: либо он сообщает всю необходимую информацию, либо отправляется прямиком в гестапо. Киффер выбрал первое и не только выдал Блейхеру своих товарищей, но и согласился в дальнейшем работать на него, иными словами, стал двойным агентом. Получив псевдоним Кики, Киффер стал одним из самых полезных информаторов Блейхера, причем в роли предателя он был столь же преисполнен энтузиазма, как и в роли агента Сопротивления.

Сначала немцы арестовали двадцать одного агента сектора Д в Бретани. Затем Блейхер, используя Кики в качестве подсадной утки, арестовал нескольких помощников Армана в Париже. 17 ноября Блейхер совершил налет на виллу Леандр. Ровно в 3 часа дня четыре черные машины с солдатами остановились по обоим концам короткой улочки. Через несколько

минут Армана вывели из дома в наручниках. Двум радистам, находившимся в момент нападения на чердаке, удалось скрыться. Блейхер оставил в доме засаду, и вечером, когда жившая неподалеку Матильда Кар-ре вошла в дом, ее тоже арестовали.

Арман не скрывал, что его настоящее имя Роман Чернявски и что он работает на союзников. И это было все, что он сказал на допросах. Ни угрозы, ни побои не смогли заставить офицера сообщить врагам крайне интересующие их сведения об *Interallié* и контактах с Лондоном. Армана отвезли в тюрьму Фресны и посадили в одиночную камеру.

Тогда Блейхер решил вплотную заняться двумя арестованными женщинами – Рене Борни, которая приехала в Париж по приглашению Армана, чтобы вместе с ним работать на *Interallié*, и Матильдой Карре, Кошечкой.

После нескольких продолжительных бесед с мадам Бор-ни Блейхер понял, что женщина готова рассказать все, что знает. К несчастью для Блейхера, знала она не много. Даже о лидерах *Interallié* говорила весьма расплывчато. Один из них, по ее словам, был «привлекательным мужчиной средних лет с пробивающейся на висках сединой», другой – «молодым человеком, который всегда шутил». Блейхеру пришлось сделать ставку на Кошечку. Ее перевели из тюрьмы в отель «Эдуард IV», поселили в прекрасном номере с ванной и гардеробной, и, хотя у дверей номера постоянно находился охранник, она могла чувствовать себя вполне комфортно.

Как-то Блейхер, придя к Кошечке, заказал роскошный ужин. За столиком он сообщил, что располагает всеми доказательствами, достаточными для ее расстрела вместе с товарищами.

– Мы все знаем, – сказал Блейхер, – поэтому вам нет никакого смысла проявлять героизм. Это было бы глупостью. Сохраняя молчание, вы не сможете спасти никого. Но если вы мне поможете, я постараюсь употребить все свое влияние, чтобы спасти вас и ваших друзей от гестапо. Вас освободят, а с ними будут обращаться как с военнопленными, а значит, когда-нибудь они обязательно вернутся домой. Если же вы откажетесь помогать мне, вами займется гестапо. Тогда вам останется надеяться только на Бога. – Дав женщине время, чтобы осознать сказанное, Блейхер продолжил: – Из документов, найденных на вилле Леандр, я понял, что у вас назначена встреча с одним из агентов в кафе «Пам-Пам». Давайте отправимся на встречу вместе. Кстати, если вы будете работать на меня, я устрою, чтобы вам платили шестьдесят тысяч франков в месяц, а это наверняка больше, чем вы получаете у англичан. При этом вы будете свободны, а ваши друзья – в безопасности. Вам все понятно?

– Да, – отозвалась Кошечка.

Несколько следующих дней Блейхер и Кошечка провели в поездках по Парижу. За ними следовала машина с солдатами. Матильда Карре знала все адреса членов *Interallié*. Через три дня организация Армана прекратила свое существование.

«КОШАТНИК»

Кроме пленных, документов и шифров, в руках немцев оказалось четыре радиопередатчика, настроенных на волну Лондона. Поразмыслив, Блейхер отправился к своему непосредственному начальнику, полковнику Оскару Рею, главе парижского отделения абвера. Он предложил ему план, на первый взгляд показавшийся фантастичным.

– Герр оберет, – заявил он, – у нас есть четыре передатчика. Если мы не будем слишком усердствовать с арестами, то получим возможность заставить их работать под нашим контролем, то есть убедим Лондон в том, что *Interallié* работает как прежде. Мы сможем получать информацию от британской разведки, инструкции для агентов, будем первыми узнавать новости об отправке новых людей, а взамен сможем снабжать Лондон выгодной для нас дезинформацией. Иными словами, *Interallié* будет продолжать функционировать, но под нашим контролем. В Лондоне об этом не узнают достаточно долго, конечно, если мы все организуем поумному...

Полковник Рей долго пребывал в нерешительности. Предприятие казалось ему до крайности сомнительным и обреченным на неудачу. Проблема заключалась в том, чтобы заставить хотя бы нескольких лидеров *Interallié* работать на немцев. Блейхер был уверен только в Кошечке. Еще ему удалось склонить на свою сторону радиста-француза Анри Табе. Поляки, все как один, отказались работать на Блейхера. Зато согласилась Рене Борни, увидевшая, что с Кошечкой, ставшей предательницей, обращаются значительно лучше, чем с остальными. Блейхер отчетливо видел, что эта молодая женщина не блещет умом. Но на безрыбье...

Передатчики были размещены в доме богатого бизнесмена в Сен-Жермен-ан-Лэ. Один из офицеров абвера, барон фон Хеффель, был назначен ответственным за функционирование фальшивой радиостанции *Interallié*. Капитан Борхерс, майор Эшиг, доктор Кайзер, сержант Триш и радист – сержант Пробст стали новым персоналом станции. Блейхер отвез Кошечку, Рене Борни и Анри Табе в специальный дом, который назвал «*La Chatterie*» – «кошатник».

Радиосвязь с британской военной разведкой велась бесперебойно. Кошечка знала все шифры, а также предварительно оговоренные меры предосторожности. Теперь она сотрудничала с немцами сознательно, добросовестно и со всем возможным старанием. И в Лондон одно за другим шли сообщения.

На первых порах немцы старались не направлять ничего такого, что могло бы насторожить Лондон или вызвать повышенный интерес. Они ограничивались информацией о перемещениях войск, перевозках и т. п. Причем некоторые из них были чистой правдой. Блейхер предложил, чтобы Лондон узнал об аресте некоторых агентов *Interallié*, и в середине декабря в Лондон пошло сообщение об аресте Армана. В нем также указывалось, что большинство членов его группы находятся в безопасности и готовы продолжать работать. В Лондон также сообщили, что теперь делами руководит Кошечка, которая в дальнейшем будет подписывать сообщения псевдонимом Виктуар – производным от слова «победа». Лондон проглотил дезинформацию и запросил *Interallié*, не вышли ли на них агенты SOE.

Немцы решили не арестовывать мэтра Бро, справедливо полагая, что через него со временем можно будет выйти на агентов SOE. Во время одной из встреч с мэтром Кошечка поведала ему об аресте Армана и еще нескольких руководителей *Interallié*. Она сделала это по приказу Блейхера, который знал, что Бро связан с разведслужбами союзников, и хотел заранее развеять подозрения, которые могли бы возникнуть в Лондоне.

Бро намекнул Кошечке, что ее помощь может понадобиться ряду британских агентов. 26 декабря они встретились в кафе «Георг V» на Елисейских Полях. Бро привел с собой Пьера де Вомекура, которого представил Кошечке как мсье Люка.

Де Воменкур сказал, что является английским агентом, и поинтересовался, сможет ли она передать несколько сообщений по радио в Лондон. Кошечка тут же сообщила о встрече Блейхеру и получила приказ снова встретиться с Люка и пообещать сделать все необходимое.

Первое радиосообщение от Люка в Лондон, переданное через «кошачье царство», вызвало переполох на Бейкер-стрит. 1 января 1942 года ровно в 4 часа полковнику Букмастеру позвонил полковник из разведотдела военного министерства.

– У нас есть послание от одного из ваших ребят, – сказал он. – Причем, должен признать, ситуация достаточно пикантная, поскольку ваши ребята не должны предполагать о существовании наших.

Ирония была в том, что поступившее, в сущности, от немцев сообщение принесло немалое облегчение на Бейкер-стрит. Полковник Букмастер вспоминал, что начиная с сентября и до самого конца 1941 года на Бейкер-стрит ничего не знали о судьбе агентов во Франции. Поэтому настроение руководства SOE было далеко от рождественского. «Меня постоянно вызывали на ковер высокопоставленные генералы и с пристрастием допрашивали о принимаемых мною мерах, а мне оставалось только отвечать, что Рим строился не в один день...»

После обмена несколькими радиосообщениями Пьер де Воменкур получил приказ 16 января отправиться в Лаас, небольшую деревушку возле Ле-Мана, где его подберет «лизандер». С помощью местного школьного учителя Бенье, активно сотрудничавшего с Сопротивлением, Роже Коттен нашел подходящую площадку.

А тем временем Кошечка несколько раз встретила с де Воменкуром и Коттеном, посетила их офис. А однажды даже привела с собой Блейхера, представив его как мсье Жана Кастеля, одного из лидеров бельгийского Сопротивления. Блейхер получил разрешение полковника Рея на отправку Люка в Лондон. Он не сомневался, что офицер SOE с благодарностью отзовется об услугах, оказанных ему *Interallié*. Его руководство также считало, что такое мероприятие укрепит репутацию работающей под контролем немцев сети, а значит, позволит еще долго водить за нос англичан. В назначенный день де Воменкур, Коттен, Кошечка и мсье Кастель отправились на машине в Лаас. За рулем сидел мсье Северэн, еще один «участник бельгийского Сопротивления», он же сержант абвера. Они провели ночь в машине, ожидая прибытия «лизандера». Самолет так и не прилетел. Полузамерзшие подпольщики под утро вернулись в Париж. Де Воменкур сразу же зашифровал депешу в Лондон с требованием объяснений и отдал его для передачи Кошечке.

В ответе, поступившем незамедлительно, де Воменкура информировали, что самолет не вылетел из-за погодных условий, поэтому его прибытие в Лондон переносится на 30 января. «Лизандер» следует ожидать на площадке около Эстре-Сен-Дени. И снова де Воменкур, Коттен, Кастель и Кошечка выехали к месту ожидаемого приземления «лизандера». Они снова провели ночь в машине, но на этот раз в густом снегу. Самолет не прилетел.

К этому времени де Воменкур, Коттен и Бро начали испытывать опасения. Их одолевали сомнения в искренности Кошечки, предчувствия беды. Их сомнения постепенно перешли в уверенность, в особенности после одного инцидента, окончательно скомпрометировавшего в их глазах Кошечку. Они попросили ее достать кое-какие поддельные документы, и уже на следующий день она появилась с внушительной коллекцией паспортов и удостоверений личности, которыми ее снабдили Блейхер и доктор Кайзер. Затем она достала из сумки фотографию и мимоходом поинтересовалась, знают ли де Воменкур и его товарищи запечатленного на ней человека. Она заявила, что он вроде бы работает в секретной службе Виши. Это было фото Тротоба (Сильвестра), агента, который прибыл во Францию вместе с Беном Кобурном. Абверу было необходимо идентифицировать его личность.

Агентам SOE стало ясно, что абвер использует Кошечку в своей игре. Они решили предупредить Лондон о предательстве. Бен Кобурн с колоссальным трудом сумел передать сообщение в Швейцарию. Но оно так и не попало на Бейкер-стрит. Де Воменкур и Коттен находились

в смертельной опасности, но больше ничего не могли сделать. Им оставалось только ждать, удвоив бдительность.

Беспокойство немцев нарастало. Они не знали, насколько Лондон доверяет контролируемой ими сети *Interallié*, и после двух сорвавшихся прилетов «лизандера» заподозрили неладное. Немцы предполагали, что самолету помешала вовсе не плохая погода, а недоверие лондонских руководителей. Они также заподозрили Кошечку в двойной игре. Капитан Борхерс расстался со своей должностью в абвере, ему на смену пришел майор Эшиг. Последний предложил полковнику Рейу простой план. Почему бы не послать в Лондон вместе с Люка и Кошечку? Если она искренне стремится работать на немцев, то постарается раздобыть как можно больше информации о французском отделении SOE, после чего непременно вернется, сообщив лондонскому руководству о своем горячем желании продолжать работать в *Interallié* или в любой другой сети SOE. Полковник Рей согласился.

Блейхеру пришлось немало поработать с Кошечкой, чтобы убедить ее принять это предложение. Скорее всего, она опасалась, что в Лондоне ей не обрадуются, во всяком случае, не окажут того теплого приема, на который рассчитывали немцы. Хотя, с другой стороны, у нее появлялась возможность покончить со своими подлыми делишками и вернуться в свой лагерь. Во время процесса, на котором ее уже после войны судили за измену, она уверяла, что собиралась признаться в предательстве и сдаться на милость союзников в Лондоне.

СТРАННАЯ ВЕЧЕРИНКА

Теперь, когда Кошечка ежедневно встречалась с Люка и Роже, она почувствовала, что ее подозревают. Однажды вечером Люка ошарашил ее прямым вопросом:

– Откуда у тебя такое количество подлинных немецких документов? Тебе их дали немцы? Ты на них работаешь?

Кошечка расплакалась и призналась во всем. Она рассказала правду обо всем, что произошло с *Interallié* в ноябре, и как Блейхер уговорил ее работать на абвер. Ее повествование было наполнено драматическими подробностями, которые, по ее мнению, должны были скрыть ее истинную роль в провале подпольщиков. Разумеется, она не призналась, что с самого первого дня стала любовницей Блейхера. Агентам предстояло сделать выбор. Они могли прервать все контакты с Кошечкой и попытаться скрыться или временно смириться с ситуацией и предпринять попытку с помощью немцев перебраться в Англию. Они выбрали второе, хотя и признавали, что тем самым подвергают себя серьезному риску.

В начале февраля 1942 года немцы отправили в Лондон сообщение с требованием обеспечить переброску Люка и Кошечки в Лондон, поскольку за ними охотится гестапо и их жизнь в опасности. С Бейкер-стрит ответили, что вывоз агентов самолетом не представляется возможным, однако за ними будет направлен торпедный катер. Бенуа (Бен Кобурн) должен был подготовить место встречи на побережье в Бретани.

10 февраля в результате очередного обмена сигналами было согласовано прибытие английского торпедного катера ночью с 11-го на 12-е. Его следовало ожидать на участке берега возле Пуэн-дю-Мулен-де-ла-Рив.

Блейхер сообщил Кошечке, что на этот раз не будет сопровождать группу. Вместо него к месту встречи отправятся капитан Хайнц Эккерт и сержант Триш. Он также заверил Кошечку, что береговая охрана предупреждена, а когда катер англичан приблизится к берегу, немецкие офицеры немедленно скроются из виду. Группа агентов выехала из Парижа на брестском экспрессе. Одно купе занимали де Вомеркур, Кобурн и Кошечка, в соседнем ехали Эккерт и Триш. В 7 часов путешественники поужинали в совершенно пустом отеле на берегу. Они выпили две бутылки вина, после чего Кобурн с горечью усмехнулся:

– Какая забавная вечеринка! Французский шпион, английский шпион, немецкий шпион... сюда бы еще представителя русского ОГПУ для полного комплекта!

Капитан Эккерт сошел с поезда в Марле и направился в местный полицейский участок. Ему необходимо было убедиться, что из района, куда ожидается подход вражеского катера, выведена вся береговая охрана. Затем, на всякий случай прихватив с собой одного из полицейских, сержанта Мейера, он обосновался в маленьком заброшенном домике, откуда был отличный обзор всей береговой линии.

Вскоре после полуночи на берегу появились Кобурн, де Вомеркур и Кошечка. И почти сразу же со стороны моря послышался шум двигателей. Через несколько минут был произведен обмен световыми сигналами, после чего из темноты возник силуэт катера, который остановился примерно в 400 ярдах от берега. От катера отделились две шлюпки и бесшумно заскользили к берегу. В первой находился офицер ВМФ в форме и два человека в гражданской одежде, во второй – два матроса. Кошечка и Люка побежали к первой шлюпке, из которой на берег выбрались три человека. Матросы тем временем начали выгружать ящики и пакеты из второй шлюпки.

Прибывший офицер представился как лейтенант-коммандер Айвэн Блэк, двое гражданских оказались агентами SOE Клодом Реддингом (раньше он преподавал в Париже английский язык) и Г.В. Эбботом, бывшим торговым агентом. Последний свободно говорил по-французски и по-итальянски и был опытным радистом. Полковник Букмастер отправил их во Фран-

цию, чтобы оказать помощь группе в период отсутствия Люка. Кроме того, они должны были наладить долгожданную радиосвязь. Радиопередатчики Эббота как раз выгружали из второй шлюпки.

Де Воменкур сказал офицеру, что его и женщину следует немедленно доставить на борт катера. Но когда Кошечка попыталась забраться в шлюпку, волоча за собой тяжелый чемодан, она неожиданно потеряла равновесие и упала. Маленькая шлюпка, естественно, перевернулась, и женщина скрылась в темной, мутной воде. Мужчинам пришлось броситься на помощь. Кошечка, которую они в конце концов вытащили на берег, была мокрой, грязной и какой-то облезлой...

Пока Кошечка, повредившая во время своего опасного приключения ногу, лежала на песке, насквозь промокшие агенты провели краткий военный совет с Кобурном.

Де Воменкур, не сомневавшийся, что немцы где-то рядом, требовал, чтобы все немедленно отправились на катер. Коммандер Блэк достал фонарик и начал подавать на катер сигналы. Но в это время за кустами, росшими вдоль берега, зашевелились темные фигуры. Видимо, капитан Эккерт решил, что следует переместиться поближе. За ним двинулся сержант Мейер, с неподдельным интересом наблюдавший за происходящим. Немецкие фельд-полицейские, которых Эккерт предусмотрительно разместил в стратегически важных точках, также начали выдвигаться вперед.

Позже майор Бен Кобурн вспоминал: «Все было кончено. Катер должен был немедленно уходить. Мы посоветовались и решили, что агенты SOE и английский офицер должны постараться спрятаться в лесу, а «неразлучная» троица останется на месте, чтобы Кошечка получила возможность переговорить со своими немецкими хозяевами. Мы хотели встретиться следующей ночью на том же месте, в надежде, что катер вернется».

Группа разделилась. Кошечка при поддержке своих спутников направилась в сторону отеля. Агенты Реддинг и Эббот устремились к находившемуся неподалеку сараю, надеясь там укрыться. Коммандер Блэк, являвшийся самой заметной фигурой, поскольку был облачен в форму офицера Королевского ВМФ, пошел к кустам.

Эккерт, на время позабыв о поднадзорной троице, вышел навстречу офицеру с револьвером в руке и предложил ему сдаться. У Блэка не было никакого иного выхода, оставалось только подчиниться, и он молча последовал за немецким офицером. Эккерт срочно отправил патруль на поиски двух неизвестных лиц в гражданской одежде. Он вполне обоснованно подозревал в этих двоих английских агентов. Реддинга и Эббота взяли утром. Они прятались на соседней ферме.

Люди Эккерта собрали все тюки и ящики, выгруженные с английских шлюпок. В них оказалось два передатчика, 600 тыс. франков, несколько комплектов поддельных французских и немецких документов, 25 «стенгов», патроны, упаковки со взрывчаткой и магнитными минами, несколько револьверов и прочие весьма полезные для подпольщиков вещи.

Утром Кошечка встретила с капитаном Эккертом и позвонила в Париж Блейхеру, правда, не застала его. Вернувшись в отель, она сказала, что немцы вели наблюдение за ходом операции и теперь пребывают в волнении. Эккерт обещал непременно связаться с Блейхером, чтобы тот договорился по радио о повторном прибытии катера на следующую ночь. Проведя день в безделье, троица вернулась на берег. Но сколько они ни подавали световых сигналов, все было зря. Пришлось возвращаться обратно ни с чем. Дождавшись автобуса до Марле, они уехали, чтобы успеть на парижский поезд. Во время поездки измученная Кошечка уснула. Воменкур настоял, чтобы Кобурн воспользовался этой возможностью и бежал. На небольшом полустанке Кобурн покинул поезд и тут же пересел на другой, следующий в Тур. Несколько недель он странствовал по Франции, каждую минуту рискуя попасть в лапы гестапо, но все-таки сумел благополучно добраться до Лиможа, встретиться с братом Пьера Филиппом (Готье), который направил его в Лион к надежному и проверенному другу Вирджинии Холл. С ее помо-

щью Кобурн все-таки перебрался в Испанию, причем для этого ему пришлось совершить в разгар зимы переход через Пиренеи.

Официальные лица британского посольства в Мадриде помогли Кобурну попасть в Лондон. Очутившись на Бейкер-стрит, Кобурн, к своему немалому облегчению, встретился с Люка, который уже несколько дней находился в Лондоне вместе с Кошечкой.

ТРИЖДЫ СЧАСТЛИВЧИК

Кобурн покинул поезд, и Вомеркур с Кошечкой продолжили путешествие вдвоем. В Париже Кошечка первым делом встретила с Блейхером и с горечью поведала ему о своих неудачах. Блейхер успокоил женщину и сказал, что во всем происшедшем имеется значительная доля вины излишне ретивых немцев. Де Вомеркур, стремясь во что бы то ни стало уехать, сделал Блейхеру весьма заманчивое предложение. Он сказал, что если они с Кошечкой попадут в Лондон, то обязательно вернутся, причем привезут с собой «генерала британской военной разведки». Со стороны де Вомеркура это был чистой воды блеф, однако немцы проглотили наживку.

Последовал еще один интенсивный обмен сообщениями между Лондоном и контролируемой немцами *Interallié*. Лондонское руководство было чрезвычайно расстроено происшедшим на берегу. Офицеры, остававшиеся на катере, во всех подробностях доложили о случившемся. Теперь в SOE беспокоились не только о де Вомеркуре и Кобурне, но также и о Реддинге и Эбботе, судьба которых оставалась неизвестной. Но вскоре из Парижа пришли и хорошие новости. После долгих и бурных дискуссий в абвере решили сообщить в Лондон, что все под контролем и новые агенты находятся в безопасности. Вслед за этим немцы снова требовали организовать переброску Кошечки и Люка в Лондон.

В ночь с 19-го на 20 февраля к французскому берегу отправился еще один катер. Блейхер снова приказал капитану Эккертту очистить берег. На этот раз встреча была назначена в Пуан-де-Бий. Катер прибыл вовремя, сообщил об этом на берег световыми сигналами, после чего почти час ожидал пассажиров. Но Вомеркур с Кошечкой по дороге из Марле спутали поворот, поэтому так и не приехали на место встречи. Следующей датой было выбрано 26–27 февраля. После того как катер вышел из порта, Би-би-си передало подтверждающий сигнал. Точкой встречи снова выбрали Пуан-де-Бий. Блейхер и Эккертт лично сопровождали неудачливых путешественников. Они оставили их вдвоем, только убедившись, что им уже некуда деться с дороги и в любом случае эти двое попадут на берег. Полковник Букмастер приказал Николасу Бадингтону выйти в море на этом катере и проследить, чтобы все было в порядке. Бадингтон лично возглавил высадившийся на берег отряд, состоявший из восьми вооруженных английских моряков. Они быстро окружили ожидавших на берегу мужчину и женщину и проводили их в лодку. На этот раз все прошло безупречно. Спустя четыре часа де Вомеркур и Кошечка уже сходили на берег в Дартмуте, где их встретил полковник Букмастер. В Лондон они ехали вместе. В поезде де Вомеркур рассказал Букмастеру правду о Кошечке.

С мадам Матильдой Карре британские офицеры обращались исключительно вежливо и уважительно, как с желанной и почетной гостьей. Когда она утверждала, что в действительности вовсе не предавала Армана и его товарищей, разведчики делали вид, что верят ей. Им необходимо было выиграть время, поэтому они продолжали обмениваться передачами с фальшивой *Interallié*. Зная, что тексты всех сообщений проходят через руки абвера, офицеры SOE передали немцам, что Люка и Вомеркур благополучно прибыли в Лондон и скоро вернутся обратно в сопровождении высокопоставленного британского разведчика.

Следует признать, что польза от Кошечки все-таки была. Болтливая по натуре, она рассказала все, что знала об организации абвера в Сен-Жермен-ан-Лэ, сообщила имена офицеров, посещавших «кошатник», и даже выдала шифр, данный ей Блейхером. Теперь у англичан было все, чтобы водить за нос гитлеровцев, которые вряд ли скоро сумели бы понять, что Кошечка снова сменила хозяев.

Игра шла еще несколько месяцев. Одной из причин, по которой британская разведка продолжала ее вести, был тот факт, что Пьер де Вомеркур попросил разрешения вернуться во Францию, причем чем скорее, тем лучше. Он считал своим святым долгом помочь братьям и

Коттену, который все еще оставался в Париже, подвергая свою жизнь постоянной опасности. Вомеркур обсудил состояние дел с генерал-майором Габбинсом и полковником Букмастером, был принят лордом Сэлбурном, новым военно-экономическим министром, Энтони Иденом и другими весьма высокопоставленными лицами. Его прибытие в Лондон означало не просто очередную победу в борьбе двух разведок. Он нарисовал британским лидерам полную и детальную картину жизни Франции в военное время, подчеркнул, что движение Сопротивления крепнет и набирает силу, наметил предложения по реорганизации работы полевых агентов SOE.

Вомеркур вернулся во Францию 1 апреля 1942 года. Его сбросили «вслепую», точно так же, как и год назад. Его парашют опустился на дерево в нескольких сотнях ярдов от поместья его брата Филиппа в Бриньяке. Разумеется, его отъезд хранился в строжайшем секрете. О нем не знала ни Кошечка, ни немцы из «кошатника» во Франции.

В абвере терпеливо ожидали его возвращения с британским генералом. И хотя Блейхер уже начал подозревать, что с Кошечкой не все ладно, его руководители были вполне довольны тем, что продолжают вести радиоигру с Лондоном, и надеялись, что англичане ничего не заподозрили.

Из Лиможа де Вомеркур переехал в Париж, где к немалой обоюдной радости встретился с Коттенем, который все еще был на свободе. Немцы его не трогали, считая важной фигурой в своей игре. Однако к концу апреля один из официальных чинов СД, штурмбаннфюрер Ганс Йозеф Киффер, внимательно следивший за событиями, связанными с *Interallié* и Кошечкой, начал проявлять беспокойство. Он установил наблюдение за Коттенем, не поставив об этом в известность абвер.

Один из французов, состоящих на службе в гестапо, Клод Жуфре, ходил за Коттенем по пятам. 20 апреля он доложил Кифферу, что у Коттена был гость, который, судя по описанию, являлся тем самым давно ожидаемым Люка. Жуфре не ошибся. Коттен, живший под разными именами и постоянно менявший адреса, так и не сумел уйти от слежки.

Вомеркура проследили до квартиры, которую он делил с бельгийцем Леоном Уолтерсом. Сначала немцы арестовали Коттена, вслед за ним Уолтерса. 25 апреля был взят Пьер де Вомеркур. Причем оказалось, что это только начало. Вслед за ними были схвачены Ноэль Бердейрон (Гастон) и Джек Финкен, два агента, направленные в помощь Люка. Гастон жил во Франции с июля 1941 года, но, пока тянулась история с Кошечкой, ему пришлось прервать контакты с остальными членами группы. Он безвылазно жил в Нормандии и успел выполнить несколько успешных диверсий. Финкена забросили во Францию в январе 1942 года.

Одним из первых Вомеркура допрашивал Блейхер. Увидев человека, которого он знал как Люка и которому помог перебраться в Англию, немец сказал:

- Меня предали. Наша маленькая Кошечка затеяла грязную игру.
 - Вовсе нет, – ответил Вомеркур. – Если она кого-то и предала, то только меня.
- Блейхер дал заключенному несколько сигарет и уже на пороге камеры сказал:
- Жаль, но на этот раз я не могу вам помочь. Вам не следовало возвращаться.

После Блейхера Вомеркура допрашивали куда менее благородные следователи. Но, несмотря на то что несчастного избили до полусмерти и выбили ему все зубы, от него не удалось добиться никакой информации. Он не отказывался говорить вообще, но вел речь только о том, что и так было известно немцам. Де Вомеркура и других агентов, в том числе Эббота, Блэка и Реддинга, судил, как военнопленных, немецкий военный трибунал, после чего их отправили в Гольдиц. Они были освобождены в апреле 1945 года, когда 9-я армия США вышла на Эльбу, заняла город и освободила пленных. Де Вомеркур умер в Париже в 1965 году. Роже Коттен тоже провел последние месяцы войны в тюрьмах и концлагерях. Через несколько лет после победы он уехал в Америку.

По совету Блейхера немцы держали в секрете арест де Вомекура и Коттена. Но через несколько недель в Лондон пришло сообщение от Пьера Кулиоли, создавшего в Солони группу *Adolphe*, в котором говорилось о провале агентов. Руководители британской разведки предположили, что де Вомекур мог под пытками рассказать немцам всю правду о Кошечке.

В любом случае она уже была бесполезна. Поэтому ей пришлось сменить свои комфортабельные апартаменты на значительно менее удобную тюремную камеру, и свой тридцать третий день рождения 29 июня она встретила в тюрьме Эйлсбери. Через год ее перевели в тюрьму Холлоуэй, а после окончания войны передали французским властям. Она провела много месяцев в специальной тюрьме на рю де Соссэ в Париже, причем в одной из тех камер, где гестаповцы во время войны пытали заключенных.

Колеса французского правосудия крутились довольно медленно. Только спустя три с половиной года Матильда Карре предстала перед судом. 7 января 1949 года ее приговорили к смертной казни. В мае того же года президент Французской Республики заменил казнь пожизненным заключением. Мадам Карре была освобождена 7 сентября 1954 года. С момента ее ареста в Лондоне прошло 12 лет. После освобождения она долго жила под вымышленным именем в одном из провинциальных французских городов. В 1959 году она опубликовала мемуары, в которых попыталась дать объяснение своим военным деяниям.

Глава 5

ПЯТНА НА СОЛНЦЕ

Разгром *Interallié* и арест агентов вызвали серьезные трудности в работе SOE и британских разведывательных служб в Париже. А тем временем на юге Франции дела обстояли неплохо.

В августе 1940 года в клубе случайно встретились два офицера. Оба служили в небольшой армии маршала Петена, которую он имел право содержать по условиям перемирия. Это были капитаны Марсель Шеванс и Анри Френеи. Отнюдь не симпатизируя режиму Виши, Френией считал, что обязан служить своей стране, пусть даже под руководством Петена. Следовало во что бы то ни стало сохранить Французское государство, чтобы удержать правление колониями.

Шеванс был убежден, что немцы потерпят поражение, как только к Великобритании присоединятся Соединенные Штаты. Он считал, что необходимо делать все возможное, чтобы максимально ускорить этот процесс. Два офицера собрали вокруг себя небольшую группу патриотов, дали ей имя «*Vérité*» и начали печатать и распространять, правда весьма нерегулярно, подпольный информационный листок. Постепенно группа росла и крепла и со временем превратилась в одну из крупнейших во Франции организацию Сопротивления, получившую название «*Combat*», впоследствии ставшую основой подпольной армии – «*Armée Secrète*».

Практичный Марсель Шеванс приобрел по случаю старый мебельный фургон и основал небольшое собственное дело, занявшись перевозками. Маленький офис на Плас-д'Экс в Марселе и не первой молодости машина сослужили хорошую службу подпольщикам. Агентство Шеванса приносило неплохой доход, перевозя товары и мебель, давая таким образом средства, необходимые для подпольной работы. Да и листовки всегда можно было доставить по назначению. Одним из лидеров «*Vérité*» был Гийен де Бенувиль. Летом 1941 года он представил своим товарищам человека, прибывшего из Северной Африки и имевшего связь с англичанами.

Это был Анри Фраже, высокий, импозантный, рано поседевший эльзасец сорока четырех лет. Архитектор по профессии, он начал военную службу еще во время Первой мировой войны, был тяжело ранен, имел несколько наград. В 1939 году снова вернулся на службу и после развала фронтов в июне 1940 года подался в Северную Африку. Там он связался с английской разведкой и получил предложение работать на SOE. В июле 1941 года он высадился с британской субмарины возле Марселя и уже в первые недели своего пребывания во Франции создал несколько ячеек Сопротивления в Кот-д'Азюр.

Вскоре Фраже представил лидерам «*Vérité*» нового человека.

– Мы зовем его Карт, хотя его настоящее имя Андре Жерар, – объяснил Фраже. – Не сомневаюсь, что вы о нем уже слышали. Это достаточно известный художник.

Фраже рассказал товарищам, что Карт уже создал группы Сопротивления в Эксе, Канне и Ницце. Более того, он действовал в союзе с Эммануэлем д'Астье де ла Вижри, который основал организацию Сопротивления в индустриальном центре Клермон-Ферран. И что еще более важно, у него имелась радиосвязь с Лондоном.

Переговоры между Картом и лидерами «*Vérité*» длились недолго. Они приняли решение совместно обратиться в Лондон с просьбой помочь местным патриотам деньгами и оружием. Руководство SOE согласилось оказать требуемую помощь и попросило одного из лидеров французской организации прибыть в Женеву для встречи со своим представителем. Посланником друзья назначили де Бенувилья, которому и предстояло совершить в октябре 1941 года весьма рискованное ночное путешествие по горам в Швейцарию.

Де Бенувиль добросовестно запомнил пароль, который должен был сказать человеку в квартире дома № 60 на набережной Президента Уилсона в Женеве: «Louis XIV dira non à Vercingetorix»⁶.

После переезда через всю Францию, долгого пешего перехода, завершившегося достойным альпиниста маршрутом по заснеженным Альпам, де Бенувиль прибыл в Женеву. Проведя бессонную ночь на железнодорожном вокзале, он в 7 часов утра подошел к нужной ему двери. Вполне понятно, что он сильно волновался.

«— Я нажал кнопку звонка дрожащим пальцем, — впоследствии вспоминал он. — Прошло несколько минут, дверь приоткрылась. На пороге показался высокий, худой мужчина с заспанным лицом, облаченный в поношенную ночную сорочку. Его физиономия выражала лишь одно чувство — раздражение. Он исподлобья взглянул на меня и мрачно поинтересовался, какого черта мне нужно. Говорил он по-французски, но с сильным акцентом. Я от волнения позабыл все данные мне наставления и радостно выпалил:

— Вы — Людовик XIV, мсье?

— Нет, — запротестовал неприветливый мужчина, — я — мистер Джексон. И я терпеть не могу нахальных торговых агентов, которые звонят в дверь в семь часов утра. — С этими словами он захлопнул дверь перед моим носом.

Я позвонил еще раз. Мистер Джексон открыл дверь, причем на этот раз он уже был по-настоящему зол. Не теряя времени, я закричал:

— Простите, мсье, подождите минутку, я хотел сказать, что Людовик XIV не говорил... — К несчастью, я напрочь забыл, что же именно не говорил этот чертов король, не говорил Верцингеторигу.

— Что же вы сразу не сказали, что приехали из Марселя, — проговорил мистер Джексон уже совершенно другим тоном, окинув меня долгим взглядом. — Вы успели позавтракать?»

За настоящим английским завтраком, состоящим из отменного бекона, яиц, тостов и джема, новые знакомые подружились и смогли перейти к делу.

Мистер Джексон отвел де Бенувилья в британскую дипломатическую миссию. Там француз объяснили, что в самом ближайшем будущем в швейцарский банк будет положена значительная сумма денег, которой можно будет пользоваться через уполномоченные французские банки в Марселе, Ницце и Канне, чтобы выплачивать агентам организации *Carte* месячное пособие. Последующие денежные переводы производились после поступления запросов по радио, тем более что очень скоро на юге Франции появились две радиостанции и еще одна в Анмассе, настроенные на приемники британского представительства в Берне.

⁶ Людовик XIV сказал «нет» Верцингеторигу (фр.).

ОЛИВ УРШАН

Между тем на Бейкер-стрит до самого начала лета 1941 года никак не могли войти в контакт с *Carte*. Поэтому руководители французского отделения приняли решение отправить в Канн своего офицера, который наладил бы связь и установил радиопередатчик.

Выбор пал на француза, много лет жившего в Англии. Его звали Франсис Базен. В качестве представителя одной из французских фирм он находился в Лондоне с 1925 года. Его супруге Мари Луизе принадлежал довольно известный магазин украшений в Кенсингтоне. Базен родился в Грассе, городе, известном благодаря своей парфюмерной промышленности, расположенном к северу от Канна. Там все еще жила его мать. Томас Кадетт, работавший во французском отделении SOE, подготовил для него новые документы, однако Базен предложил другой вариант. Он хотел ехать под собственным именем, представляясь французским солдатом, сражавшимся в период норвежской кампании 1940 года. После Норвегии, по легенде Базена, он попал в Великобританию, где пережил нелегкие времена, но отказался присоединиться к де Голлю и теперь возвращается домой. На Бейкер-стрит его снабдили армейскими документами, и 28 августа Базен поднялся на борт знаменитого судна «Верность» («Fidélité»)⁷

⁷ Французский пароход «Верность» выбросил белый флаг и стал одним из судов Королевского флота. Однако его экипаж состоял из французов. В судовом манифесте были указаны вымышленные шотландские и ирландские имена, но моряки считались канадцами. Удивительные приключения «Верности» описаны в книге Марселя Жюльвана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.